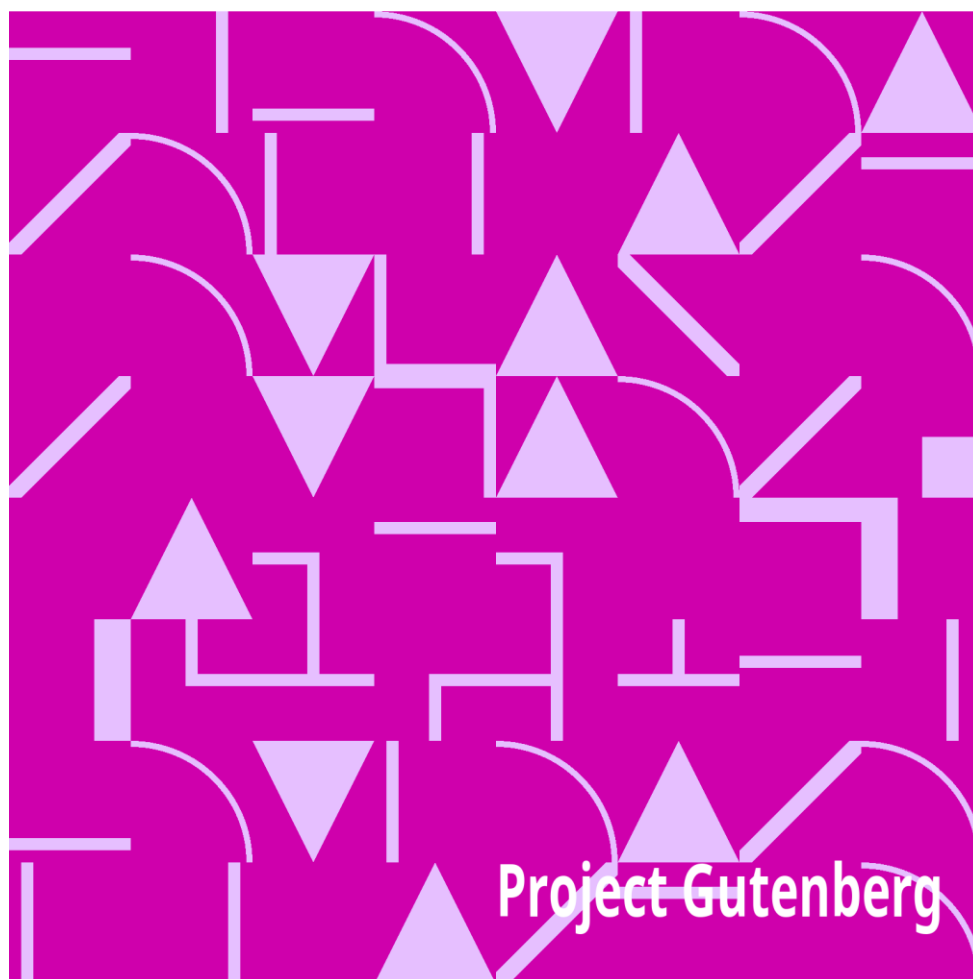

Христианство и ислам в Испании, 756-1031 гг. н. э.

Чарльз Реджинальд Хейнс

**Christianity and Islam in Spain, A.D.
756-1031**

Charles Reginald Haines

Электронная книга проекта Гутенберга о христианстве и исламе в Испании, 756-1031 гг. н. э.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Христианство и ислам в Испании, 756-1031 гг. н.э.

Автор: Чарльз Реджинальд Хейнс

Дата выхода: 5 марта 2005 г. [Электронная книга № 15262]

Последнее обновление: 25 февраля 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Майкл Цезельски, Тургут Динсер, Леонард Джонсон и команда корректоров PG Online по адресу <https://www.pgdp.net>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ В ИСПАНИИ, 756-1031 гг. н. э." ***

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ В ИСПАНИИ

756-1031 гг. н. э.

АВТОР К.Р. ХЕЙНС, магистр МЕДИЦИНЫ

АВТОР КНИГ "АНГЛИЯ И ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ"; "ОБРАЗОВАНИЕ И МИССИИ";

"ВЕРСИИ В СТИХАХ".

ЛОНДОН

КИГАН ПОЛ, TRENCH & CO., ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР

1889

[Примечание: Хотя в оглавлении есть только одна глава IX, в тексте их две. Я полагаю, что первое должно было стать частью главы VIII.]

ГЛАВА I.

Вторжение варваров в Испанию —Ее легкое завоевание—Ссоры между завоевателями—Уход вандалов—Вестготы получают господство—Конфликт с Восточной империей—Сокращение свевов—Вся Испания становится готической—Наступление сарацин—Насаждение христианства в Испании—Святой Иаков—Евангелие, впервые проповеданное при Эльвире—Ириней—Преследования—Мученики —Собор Эльвиры—Собор Ниццы—Количество христиан—Язычество запрещено—Юлиан—Арианство—Ульфила—Обращение варваров—Вырождение христиан религия—Присциллиан—Его ересь осуждена—Присциллиан сожжен—Язычество в Испании—Правительство готов—Церковь и государство —Власть короля—Выборы епископов—Арианство готов—Эрменегильд—Фанатизм в Испании—Евреи—Влияние духовенства—папа римский1-11

ГЛАВА II.

Период правления готов—Вырождение готов—Причины их падения—Битва при Гвадалете—Сопrotивление городов—Теодомир—Остатки на Севере—Магометанство—Его расцвет и прогресс—Сокращение Африки—Осада Константинополя—Нападения на Испанию—Тариф—Арабы в Галлии—Анархия в Испании—Христиане на Севере—Милосердие арабов—Договоры—Завоевание легко—Рапсодии Исидора—Рабы—Евреи—Беспристрастность арабских правителей—Установление Халифата—Вражда арабов и берберов—Восстание берберы—Сирийские арабы—Поселение арабов—Последствия берберских войн11-25

ГЛАВА III.

Высадка Абдуррахмана—Кордовский Халифат—Положение христиан —Прозелитизм—Отступники—Арабы и испанцы—Свидетельства христианских авторов—Положение народа—Крепостные—Никаких восстаний—Никакой солидарности с христианами на Севере—Отношения с арабами поначалу дружеские—Джихад в Испании—Мученики в битве—Легендарный мученик—Анамбад, первомученик—Петр из Наджумы—Других до 824 года не было—Иоанн и Адульф —Причины мученичества—Объединение двух народов— Смешанные браки —Дети от смешанных родителей—Нунило и Алодия—Мания мученичества—Добровольные мученичества—Испанские исповедники—Угроза деградации Церкви—Христианство, зараженное мусульманскими обычаями —Религиозный пыл в монастырях—Фанатизм монахов—Новые мученики —Перфектус, Иоанн, Исаак—Неспособность арабов понять мотивы этих мучеников—Причины фанатизма—Санктус—Питер—Валабонсус и т.д.25-40

ГЛАВА IV.

Флора и Мария—Их приключения—Судебный процесс—Встреча с Евлогием в тюрьме—Их казнь—Другие мученики—Скрытые христиане—Аврелий, Сабигота и т.д. —План обретения мученичества—Чудо в тюрьме—Казнь—Другие мученики—Смерть Абдуррахмана II.—Мухаммед I.—Мученики—Чудо после их казни—Возмущение в мечети—Наказание преступников—Поимка короля—Замышляет преследование—Даже резню—Серия мученичеств—Монастырь Табанос подавлен—Колумба, Помпоза—Абундиус истинный мученик—Другие приняли мученическую смерть—Цензор Кордовы—Преследование и смерть Рудерика—Евлогий—Происхождение и antecedенты—Выступает против объединения арабов и христиан—Поощряет изучение латыни—Тюремное заключение—Избран епископом Толедо—Снова заключен в тюрьму—Суд—Казнь—Его мощи

ГЛАВА V.

Сомнительные мученики—Гонения не бушуют—Музарабе—Церкви в Кордове—Арабское описание церкви—Монастыри за пределами города—Добровольные мученики, в основном из Кордовы—В Эльвире нет брожения—Энтузиастов немного—Их лидеры—Умеренная партия—Возражения против мучеников—Добровольные мученичества запрещены Церковью—Ответ апологетов—Доказательства преследований—Апологеты непоследовательны—Евлогий и Альвар—Поношение Мухаммеда—Мученики не творили чудес—Защита апологетов нелогична—Мученики казнены не идолопоклонниками—Смерть без пыток—Их тела осквернены—Мусульманские насмешки—Влияние мученичества на мусульман—Запрет на реликвии—Торговля реликвиями—Они творят чудеса—Реликвии вывезены из Испании во Францию —Экспедиция монахов с этой целью—Тело Святого Винсента—Унесенные мощи Георгия, Аврелия и др.—Возвращение во Францию—Меры умеренной партии—Мусульман—Реккафредус—поддержанный большинством христиан—Фанатики принуждены—Преданы анафеме—Действия короля—Политическое движение подозреваемых—Восстание в Толедо—Большой совет—Меры против zelотов—Спланированное преследование—Крайняя партия распалась—Отступничества—Причина этого—Исключение Гомеса—Решение Собора—Прекращение мученичества54-73

ГЛАВА VI.

Национальная партия—Восстание испанцев против арабов—Мученики в битве—Мученичества при Абдуррахмане III.—Пелагиус—Арджендея—Монахи Кардены—Евгения—Отсутствие реальных преследований при Великом халифе—Общий взгляд на христианскую церковь в Испании при Абдуррахмане II.—Гражданская позиция христиан—Соборы—Пренебрежение латинским—Обязательный арабский —Протесты Альвара и т.д.—Латынь забыта—Культивирование мусульманской учености—Мусульманское богословие—Церковные злоупотребления—Симония—Нарушение канонов —Недостойные священники—Соперник пасторы—Ересь в Церкви—Разврат духовенства—Их отступничество—Их низложение—Музарабес—Свободные христиане на Севере—Церковь на Севере—Ее опасное положение—Пресечено Альманзором—Духовенство притесняет христиан—Граф Кордовы—Плохо обращается с христианами—Соборы—Проводятся Элипандом—Реккафредом—Хостегесисом—Созваны евреи и мусульмане—Собор, проведенный Базилиусом 73-86

ГЛАВА VII.

Халифат, спасенный Абдуррахманом III.— Предводитель правоверных—Его характер— Посольство к императору Запада—Ответное посольство—Иоанн Горцкий—Задержан в Кордове—Посланцы от короля—Причина задержания—Иоанн Горцкий и Иоанн Кордовский— Угрозы короля—Тупик -Новое посольство к Отону—Второе посольство от Отона—Получено первое посольство—Снисхождение султана—Терпимость к мусульманам—Предписания Мухаммеда—Терпимость к мусульманским правителям в других местах— Алкуин—Арнольд из Сито—Бернар, архиепископ Толедский—Христиан терпели, даже поощряли—"Офицер охраны"—Христианские суды— Цензоры—Славянский телохранитель—Арабская расовая гордость—Частичное слияние рас—Союзы между арабами и христианами—Смешанные браки— Потомство от них—Первая дань уважения—Доказательства в его пользу—Никаких мифов—Обращения—Мусульманский взгляд на отступничество 86-98

ГЛАВА VIII.

Арабские группировки—Берберы—Испанцы—Муваллады—Презируемые арабами—Восстания в Кордове и т. Д.—Интриги с франками—Письмо Людовика—Восстание в Толедо—Христиане и Муваллады делают общее дело—Омар —Начинает жизнь бандитом—Схвачен—Сбегает— Возглавляет национальную партию— Становится христианином—Потерпел полное поражение—Муваллады покидают его—Смерть Омара—Захвачена крепость Бобастро—Конец восстания—Христиане при Абдуррахмане III.—Альманзор— Анархия—Конец халифата—**Знание христианства** и магометанства незначительно среди представителей противоположного вероисповедания—Христианские авторы об исламе—Евлогий—Отношение Мухаммеда к христианству—Алвар—Несправедлив к Мухаммеду—Его незнание Корана —Пророчество Даниила.—Мусульманское знание христианства—Ошибочное представление о Троице—Ибн Хазм—Святой Иаков из Компостеллы 98-114

ГЛАВА IX.

Следы слияния религий —Примеры в других местах—Существенные различия ислама и христианства—Попытка компромисса—Влияние ислама на христианство—Новаторский дух в Испании—Ересь в Септимании—Ее возможная связь с магометанством—Мигетская ересь относительно Троицы—Ее подход к магометанской доктрине—Другие подобные ереси— Адопционизм—Наши знания о нем—Откуда он взят—Связь с исламом—Его автор или авторы —Вероятно, Элипандус—Его противники—Его характер—Независимость—Ревность к Свободной Церкви на Севере—Природа Адопционизм— Не возрождение несторианства—Происхождение названия—Возникло по неосторожности—Феликс—Его аргументы—Ответы Алкуина—Христос, Сын Божий через усыновление—Признано единство личностей—Первое упоминание теории— Адриан—Распространение ереси—Его противники—Феликс поддается церковной дисциплине—Элипанд под властью арабов—Соборы—Нарбонна—Фриули—Ратисбон—Феликс отрекается от своей ереси—Алкуин—Собор Франкфурта—Ересь предана анафеме —Соборы Рима и Экс—Феликс снова отрекающиеся—Книга Алкуина—Элипанд и Феликс умирают из—за своей ошибки—Краткое изложение доказательств, связывающих адопционизм с магометанством—Ересь Клавдия-Иконоборчество Либри Каролини—Клавдий, епископ Турина—Крестовый поход против поклонения образам—Его оппоненты—Аргументы—

Независимость—Вызван на Собор—Отказывается присутствовать—Альбигойская ересь 114-136

ГЛАВА X.

Взаимовлияния двух вероучений — Социальное и интеллектуальное—"В исламе нет монахов"—Факиры—Монастырская система, принятая арабами—Арабский рассказ о монастыре—Мусульманские монахини—Обращенный в христианство ислам—Христианский дух в мусульманстве—Арабское великодушие—Мусульманские чудеса—подобные христианским—Просвещенные мусульмане—Философия—Вольнодумцы—Теологи—Альманзор—Мусульманские скептики—Аверроэс—факи, или теологи—Секта Малика ибн Анса—Сила богословов—Упадок мусульманских обычаев—Выпитое вино—Культивируется музыка—Носятся шелка—Установлены статуи—Поворот в сторону Мекки—Поедание мяса свиньи—Предоставление избирательных прав мусульманским женщинам—Любовь—Выдающиеся женщины—Женщины в мечетях—На турнирах—Арабская любовь—поэма—Трактат о любви 136-148..... 136-148

ГЛАВА XI.

Влияние магометанства—Обрезание христиан —Даже епископа —Обычаи сохранены для контраста—Чистота отвергается как присущая мусульманам— Безбрачие духовенства—Рыцарство—Происхождение—Происходит от арабов— Одобрено государством Испания—Испания колыбель рыцарства—Арабское рыцарство —Требования к рыцарю—Правила рыцарства—Сид—Альманзор—Его великодушие—Справедливость—Мусульманские военные ордена—Священные войны—Магометанизированное христианство—"Апофеоз рыцарства"—Рыцарство своего рода религия — Социальный компромисс - Достигает кульминации в Крестовых походах 149-156

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Евреи, преследуемые готами—Помогают сарацинам—Цифры—Евреи во Франции—Жестокое обращение—Обвинения против—Елеазар, отступник—Натравливает испанских мусульман на христиан—Интеллектуальное развитие евреев в Испании—Арабы их не любят—Евреи и Мессия—Ухудшение иудаизма—Контакт с исламом—Гражданская позиция—Евреи в Толедо—Преследование евреев христианами—Резня—Изгнание—Обращение—"Мала Сангре"—Инквизиция 156-161

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Испания и папская власть—Ранняя независимость—Раннее значение испанской церкви—Арианская Испания—Православная Испания—Усиление влияния папы—Независимый дух короля и духовенства—Ссора с папой—Арабское вторжение—Папская власть на Севере—Проповедовался крестовый поход—Вмешательство папы—Мощи Святого Иакова—Клавдий Туринский—Отклонение претензий папы—Усиление власти папы в Испании—Апеллировали к Музараве—Ошибки Мигеция—Соблюдение Пасхи—Употребление свинины—Смешанные браки с евреями и мусульманами—Пост по воскресеньям —Элипанд противостоит папским притязаниям—Поддерживает сношения с арабами—Отвергает папское превосходство—

Продвижение христиан на Север—Расширение власти папы—Подозревается готская литургия—Подавлена—Власть папы над королем—Обращения короля к папе—Разрыв с Римским престолом—Сопrotивление монарха и баронов папе—Установлена инквизиция—Жертвы—Преследуются Мориско—Реформация искоренена—Подчинение Испанской церкви 161-173

СПИСОК ОРГАНОВ ВЛАСТИ

..... 175-182

ГЛАВА I.

ГОТЫ В ИСПАНИИ.

Примерно в то же время, когда римляне ушли из Британии, оставив за собой так много своих владений, свевы, аланы и вандалы по приглашению Геронтия, римского наместника Испании, ворвались в эту провинцию через неохранные перевалы Пиренеев.^[1] По их стопам следовали вестготы; чей король, взяв в жены Плацидию, сестру Гонория, был признан беспомощным императором независимым правителем таких частей Южной Галлии и Испании, которые он мог завоевать и сохранить для себя. Женственные и роскошные провинциалы практически не оказывали сопротивления свирепым германцам. Среди них не было Артура, как среди воинственных бриттов нашего собственного острова; даже не было Вирриата, как в борьбе за независимость против римского Содружества. Мариана, испанский историк, утверждает, что они предпочитали правление варваров. Как бы то ни было, различные племена, вторгшиеся в страну, не встретили серьезного сопротивления среди испанцев: борьба велась только между собой — за добычу. Многие годы войны были необходимы, чтобы решить этот важный вопрос о превосходстве. К счастью для Испании, вандалы, которые, по-видимому, были самой свирепой ордой под предводительством самого способного вождя, быстро продвинулись на юг и, перейдя к новым завоеваниям, пересекли Гибралтарский пролив в 429 году: однако не раньше, чем они наголову разгромили своих соперников, свевов, на реке Баэтис и оставили достоверный отчет о своем кратком пребывании под названием Андалусия.

[1] "Между барбаросами, нищими и свободными, между римскими притоками, имеющими право на существование".—Мариана, апуд Данхэм, том i.

Какое-то время казалось вероятным, что свевы, несмотря на свое недавнее сокрушительное поражение, подчинят себе всю Испанию, но при Теодорихе II. как и Эврик, вестготы определенно заявляли о своем превосходстве. Можно сказать, что при последнем короле господство готов в Испании началось примерно за десять лет до падения Западной империи. Но готы еще ни в коем случае не владели всей Испанией. Большая часть юга удерживалась империалистическими войсками; ибо, хотя Западная империя пала в 476 году, восточный император унаследовал по наследству все отдаленные провинции, которые даже номинально принадлежали его сопернику на Западе. Среди них была и некоторая часть Испании.

Только в 570 году, когда родился Мухаммед, на готский трон взошел король, достаточно сильный, чтобы сокрушить свевов и сократить имперские гарнизоны на Юге; и только в 622

году, в тот самый год Бегства из Мекки, готский король Свинтила, наконец, изгнал все императорские войска и фактически стал королем всей Испании.

Едва это было сделано должным образом, как мы заметили первые признаки появления гораздо более страшного врага, слухи о чьей неодолимой доблести разнеслись раньше них. Ужас, который арабы вызывали даже в далекой Испании уже через столетие после рождения Мухаммеда, можно оценить по отчаянным строкам Джулиана,^[1] епископ Толедский:—

"Hei mihi! quam timeo, ne nos malus implicet error,
Demur et infandis gentibus opprobrio!
Africa plena viris bellacibus arma minatur,
Inque dies victrix gens Agarena furit."

Прежде чем рассказать о сарацинском вторжении и его результатах, будет полезно сделать краткий ретроспективный обзор состояния христианства в Испании под готским владычеством и до прихода мусульман.

^[1] "Патрология" Мина, том. xcvi. стр. 814.

Не может быть никаких сомнений в том, что христианство очень рано было принесено в Испанию проповедью, как предполагается, самого святого Павла, который, как говорят, совершил миссионерское путешествие по Андалусии, Валенсии и Арагону. С другой стороны, нет никаких оснований предполагать, что Иаков, брат Иоанна, когда-либо ступал ногой в Испанию. "Изобретение" его останков в Ира-Флавии в IX веке вместе с историей, созданной для объяснения их присутствия в отдаленном уголке Испании, так далеко от места мученической смерти Апостола, - это басня, слишком детская, чтобы нуждаться в опровержении.

На честь впервые услышать Евангельскую весть претендовали (но, похоже, вопреки вероятности) Иллиберис.^[1] Как бы то ни было, раннее становление христианства в Испании засвидетельствовано Иринеем, который апеллирует к испанской церкви как сохраняющей первоначальную доктрину.^[2] Длинный список испанских мучеников начинается со времен гонений Домициана (95 г. н.э.) с имени Евгения, епископа Толедского. В большинстве последующих гонений Испания предоставила свою полную квоту мучеников, но больше всего она пострадала при Диоклетиане (303). Именно в правление этого императора почти все жители Цезаря Августа были предательски убиты на том единственном основании, что они были христианами; таким образом, они заслужили для своего родного города от христианского поэта Пруденция,^[3] гордый титул "patria sanctorum martyrum".

^[1] Флорес, "Собор Святой Испании", том iii. стр. 361 и далее.

^[2] Иринеи, Вк. I. глава x. 2 (186 год н.э.).

^[3] 348-402 гг. н. э.

Гонения Диоклетиана, хотя и были самыми жестокими, были в то же время последними, которые обрушились на Церковь при Римской империи. Диоклетиан действительно провозгласил, что он вычеркнул само имя христиан и отменил их ненавистное суеверие. Это даже римлянам, должно быть, показалось пустым бахвальством, а результат усилий Диоклетиана лишь подтвердил истинность старой максимы: "кровь мучеников — семя Церкви".

Испанские христиане примерно в это время^[1] провел первый церковный собор, акты которого дошли до нас. Этот собор в Иллиберисе, или Эльвире, состоял из девятнадцати епископов и тридцати шести пресвитеров, которые приняли восемьдесят канонов.

^[1] Дата сомнительна. Блант, "Раннее христианство", стр. 209, помещает это событие между 314 и 325 годами, хотя и с колебаниями. Другие приведенные даты - 300 и 305.

Императорский эдикт о веротерпимости был издан в 313 году, а в 325 году состоялся первый Генеральный собор Церкви под председательством императора Константина, который сам был признанным христианином. В течение четверти века после того, как Диоклетиан похвастался, что искоренил христианское имя, было подсчитано, что почти половина жителей его империи были христианами.

Веротерпимости, к которой так долго стремились, но которую так недавно признали, в 341 году положили конец сами христиане, и языческие жертвоприношения были запрещены. Так непоследовательно поведение церкви воинствующей и церкви торжествующей! В 388 году, после краткого затмения при Юлиане, христианство было официально объявлено сенатом общепринятой религией Римской империи.

Но безопасность или, скорее, преобладание, столь внезапно обретенное церковью, частично основанное на королевской милости и придворных интригах, не способствовало духовному развитию христианства. Почти одновременно с Миланским эдиктом появилось арианство, которое, разделив Церковь против самой себя более чем на полвека и почти преуспев в свое время в навязывании себя всей Церкви,^[1] наконец, под миссионерским рвением Ульфила обрело новую жизнь среди варварских народов, которые наступали на все северные границы Империи, готовые, подобно орлам, спикировать вниз и полакомиться ее могучей тушей.

^[1] На соборе Римини в 360 году. "Ingenuit totus orbis," says Jerome, "et Arianum se esse miratus est."

Большинство этих варварских орд, таких как готы и вандалы, приняли полуарианское христианство, впервые проповеданное им Ульфилой в конце четвертого века. Следовательно, народы, пробившиеся в Южную Галлию и через Пиренеи в Испанию, были, по крайней мере номинально, христианами арианского толка. Чрезвычайную важность для Испании того факта, что они вообще были христианами, легко понять, сравнив судьбу испанских провинциалов с той, которая постигла христианских и романизированных бриттов от рук наших собственных саксонских предков всего полвека спустя.

Между тем Церковь в Испании, как и Церковь в других странах, освобожденная от оживляющего и очищающего влияния преследований, в значительной степени утратила свой древний пыл. Гладиаторские представления и похотливые танцы на сцене стали терпимы даже христианами, хотя более набожные люди осуждали их как несовместимые с исповеданием христианской веры.

Испания также дарит нам первое печальное зрелище христианской крови, пролитой руками христиан. Присциллиан, епископ Авилы, был введен в заблуждение своим общением с египетским гностиком. В чем именно заключалась его ошибка, не очень ясно, но, по-видимому, она включала в себя некоторые ошибочные доктрины, приписываемые Манесу и Сабеллию. В 380 году новая ересь, которой заразились два других епископа, помимо Присциллиана, была

осуждена на соборе, состоявшемся в Сарагосе, и на другом соборе, состоявшемся пять лет спустя в Бордо. Сам Присциллиан и шесть других человек были казнены с применением пыток по наущению Итакия,^[1] епископ Соссубы и Идасий, епископ Мерида, несмотря на протесты Мартина Турского и других. Сама ересь, однако, не была таким образом искоренена и продолжалась в Испании еще долгое время после готского завоевания.

Есть некоторые основания предполагать, что во время готского вторжения Испания все еще была по большей части языческой и что так продолжалось в течение всего периода готского господства.^[2] Некоторые язычники, несомненно, сохранялись даже в конце шестого века,^[3] но то, что их было сколько-нибудь много уже в восьмом веке, сомнительно. невероятно.

Доктор Данхэм, который дал ясный и лаконичный отчет о готском правительстве в Испании, называет его "самым проклятым из когда-либо существовавших в Европе".^[4] Это слишком огульное утверждение, хотя следует признать, что надменная исключительность готской знати делала их иго особенно тягостным, в то время как положение их рабов было невыносимо жалким. Однако сейчас мы хотим привлечь внимание не к их гражданской администрации, а скорее к отношениям Церкви и государства при готской администрации, которая сначала была арианской, а затем православной.

^[1] См. Милман, "Латинское христианство", том iii. стр. 60.

^[2] Дози, ii. 44, цитирует в подтверждение этого второй канон Шестнадцатого Толедского собора.

^[3] Мейсон, епископ Мерида, как говорили, крестил язычника не так давно.

^[4] "История Испании" Данхэма, том i, стр. 210.

Правительство, которое начиналось с того, что носило сугубо военный характер, постепенно склонялось к превращению в теократию — результат, во многом обусловленный учреждением национальных советов, которые созывались королем и в которых участвовали все высшие духовные лица королевства. Многие дворяне и высшие сановники государства также принимали участие в этих собраниях, хотя они не могли голосовать по чисто церковным вопросам. Эти соборы, которых всего было девятнадцать (семнадцать состоялись в Толедо, столице Готы, и два в других местах), постепенно приобрели право утверждать выборы короля и диктовать его религиозную политику. Так, Шестым Толедским собором (третье правило) было предписано, чтобы все короли поклялись "не допускать исповедания никакой другой религии, кроме католической, и энергично применять закон против всех инакомыслящих, особенно против этого проклятого народа - евреев". Тот факт, что монархия стала выборной^[1], несомненно, во многом способствовал передаче власти в руки духовенства.

Доктор Данхэм отмечает, что эти соборы имели тенденцию подчинять епископов суду, но, несомненно, свидетельства указывают на обратное. В целом власть потерял король, хотя, без сомнения, в качестве компенсации он приобрел несколько больше полномочий в церковных вопросах. Он мог, например, издавать временные постановления в отношении церковной дисциплины. Витиза, один из последних готских королей, кажется, даже разрешил или, по крайней мере, поощрял браки своего духовенства.^[2] Король мог председательствовать в случаях апелляции по чисто церковным делам; и мы знаем, что Рекаред I (587-601) и Сисеберт (612-621) фактически воспользовались этим правом. Он также получил право назначать и

переводить епископов; но неясно, когда эта привилегия была впервые предоставлена королю.[3] Четвертый Толедский собор (633 г.) постановил, что епископ должен избираться духовенством и населением своего города и что его избрание должно быть одобрено митрополитом и синодом его провинции: в то время как Двенадцатый Собор, состоявшийся сорок восемь лет спустя, очевидно, признает законность их назначения только королевским ордером. Некоторые относят это нововведение к деспотическому правлению Теодориха Остготского в начале VI века; другие - к внезапному накоплению вакантных кафедр в связи с падением арианства в Испании. Другой важной властью, которой обладали короли, было право созывать эти национальные советы и подтверждать их действия.

[1] В 531 году н. э.

[2] Монах из Силоса, с. 14, который следует за Себастьяном Саламанкским; Робертсон, iii. 6. Мы узнаем из "Хроники. Сила", с. 27, что Фруэла (757-768) запретил браки духовенства. Но все эти рассказы о правлении Витизы вызывают подозрения.

[3] Робертсон, "История. христианской церкви", том iii. стр. 183.

Внезапный отказ готского короля и знати от своего арианства - заметное явление. Все варварские расы, вторгшиеся в Испанию в начале пятого века, были заражены арианской ересью. Из них вандалы перенесли свое арианство, которое оказалось очень жестоким, в Африку. Свевы, в состав которых вскоре были включены аланы под давлением общего врага, около 560 года отказались от своего арианства в пользу православной веры. Вестготы, однако, оставались арианами до несколько более позднего периода — а именно до 589 года, когда Рекаред I, сын Леовигильда, созвал национальный совет и торжественно отрекся от вероучения своих предков, его примеру последовали многие из его знати и епископов.

Вестготы, оставаясь арианами, в целом были удивительно терпимы[1] как к евреям, так и к католикам, хотя у нас есть примеры обратного в случаях Эврика и Леовигильда, которые, как говорят, преследовали ортодоксальную партию. Действительно, последний король, обладавший от природы мягким и всепрощающим характером, был вынужден прибегнуть к суровым мерам из-за нефилимского и предательского поведения своего сына Эрменегильда. Если бы последний удовлетворился признанием своего обращения в православие, не вступая в предательский мятеж совместно со свевами и империалистами против своего слишком снисходительного отца, есть все основания думать, что Леовигильд не предпринял бы против него никаких мер. Даже после второго восстания король предложил сохранить жизнь своему сыну, которая была конфискована государством, при условии, что он отречется от своего новоприобретенного вероучения и вернется в лоно арианства. Его причина — очень понятная — без сомнения, заключалась в том, что он мог бы положить конец риску третьего восстания, эффективно отделив своего сына от интригующей партии католиков. Называть Эрменегильда мучеником из-за того, что он был предан смерти при таких обстоятельствах, несомненно, является злоупотреблением словами.

[1] Леки, "Расцвет рационализма", том i, стр. 14, примечание, говорит, что готы-ариане были нетерпимы; но, по-видимому, для этого утверждения недостаточно оснований.

С падением арианства в Испанской церкви значительно усилился фанатизм, о чем достаточно свидетельствует приведенный выше канон Шестого Толедского собора. Впоследствии был даже принят закон, запрещающий кому бы то ни было под страхом конфискации его имущества и

вечного тюремного заключения ставить под сомнение Святую Католическую и Апостольскую Церковь; евангелические институты; определения Отцов Церкви; постановления Церкви; и Таинства. В духе этих постановлений были приняты суровые меры против евреев, которых в Испании было огромное количество. Сисеберт (612-621), по-видимому, был первым систематическим гонителем, чье рвение, как признает даже Исидор, "не соответствовало знанию".^[1] Евреям был предоставлен жестокий выбор между крещением, с одной стороны, и бичеванием и нищетой, с другой. Когда это оказалось бесполезным, против них были введены в действие более строгие указы. Те, кто под давлением преследований соглашался креститься, были вынуждены поклясться самой торжественной из клятв, что они действительно отреклись от своей еврейской веры и с отвращением относились к ее обрядам. Те, кто все еще отказывался подчиняться, подвергались всяческому унижению и надругательству. Они были обязаны иметь слуг-христиан и соблюдать воскресенье и Пасху. Им было отказано *вправе на связь и праве чести*. Их показания были недействительны в судах, если только христианин не поручился за их репутацию. Некоторых, кто все еще сопротивлялся, даже отправили в изгнание. Но это наказание не могло осуществляться систематически, поскольку вторжение сарацин застало большое количество евреев все еще в Испании. Как Доци^[2] хорошо говорит о преследователях: "О том, кто виноват, может, и не виноват".

^[1] Apud Florez, Особенно. SAGR., vol. vi. p. 502, quoted by Southey, Roderic, p. 255, n. "Sisebertus, qui in initio regni Judaeos ad fidem Christianam permovens, aemulationem quidem habuit, sed non secundum scientiam: potestate enim compulit, quos provocare fidei ratione oportuit. Sed, sicut est scriptum, sive per occasionem sive per veritatem Christus annuntiatur, in hoc gaudeo et gaudebo."

^[2] "История мусульман в Испании", том ii. стр. 26.

Вполне естественно, что при таких обстоятельствах евреи Испании обратили свои взоры на своих единоверцев в Африке; но тайные переговоры между ними были раскрыты, преследование вспыхнуло с новой силой, и Семнадцатый Толедский собор^[1] постановил, что евреи-рецидивисты должны быть проданы в рабство; что их дети должны быть насильственно отобраны у них; и что им не должно быть позволено вступать в брак между собой.^[2]

^[1] Канон 8, проклятие Иудеев.

^[2] Дальнейшую историю евреев в Испании смотрите в Приложении А.

Эти одиозные указы против евреев следует отнести за счет доминирующего влияния духовенства, которое в ответ на помощь, полученную таким образом от светских властей, наложило анафему и отлучение от церкви на политических врагов короля.^[1] Более того, сердечные отношения, существовавшие между Церковью и государством, вдохновленные сильным духом независимости, позволили испанским королям противостоять опасным посягательствам папской власти, тема, которая более полно рассмотрена в Приложении.^[2]

^[1] Советы полны обвинений, направленных против мятежников против королевской власти. Четвертым собором (633 г.) свергнутый Свинтила был отлучен от церкви.

^[2] Приложение В.

ГЛАВА II.

САРАЦИНЫ В ИСПАНИИ.

Господство готов длилось 300 лет, и некоторые авторы просят нас поверить, что за этот сравнительно короткий период завоеватели полностью утратили свои национальные черты и стали, подобно испанцам, роскошными и женоподобными.[1] Их надменная исключительность и тот факт, что они были арианами, без сомнения, могли на какое-то время отделить их от подчиненного населения, которое они презирали как рабов и ненавидели как еретиков. Но когда религиозный барьер был устранен, вскоре за ним последовал социальный, и завоеватели настолько полностью утратили свое господство, что даже отказались от своего собственного тевтонского языка в пользу испорченной латыни своих подданных.

[1] Cardonne's "History of Spain," vol. i. p. 62. "Bien différens des leurs ancêtres étoient alors énervés par les plaisirs, la douceur du climat; le luxe et les richesses avoient amolli leur courage et corrompu les moeurs." Cp. Dunham, vol. i. 157.

Но готы, конечно, не настолько выродились, как принято считать. Их враги-сарацины не настолько недооценивали их. Муса ибн Носсейр, организатор экспедиции в Испанию и первый губернатор этой страны под властью арабов, когда халиф Сулейман спросил его мнение о готах, ответил, что "они были лордами, живущими в роскоши и изобилии, но воинами, которые не поворачивались спиной к врагу".[1] Не может быть никаких сомнений в том, что эта похвала была вполне заслуженной. Сравнительная легкость, с которой страна была захвачена, также не является доказательством обратного. Ибо это должно быть приписано массовому предательству от одного конца страны до другого. Но в этом готские правители могли винить только самих себя. Их обращение с евреями и их рабами сделало отступничество этих двух классов их подданных неизбежным.

Древнеиспанские хронисты представляют падение готского королевства как прямое возмездие Небес за грехи сменявших друг друга королей;[2] но на головах духовенства, даже в большей степени, чем на короле, лежит вина за их незаконную и самоубийственную политику по отношению к арианам[3] и евреям. Предательство Джулиана,[4] какова бы ни была его причина, оно открыло арабам путь в страну, передав в их руки Сеуту, ключ от проливов. Успех в их первом серьезном сражении был обеспечен им своевременным дезертирством из рядов врага недовольной политической партии под предводительством сыновей покойного короля Витизы,[5] и архиепископа Опаса, который впоследствии отступил; в то время как быстрому покорению всей страны помогли и обеспечили полчища плохо используемых рабов, которые стекались в город. Сарацинскими стандартами и евреями[6] которые приветствовали арабов как собратьев-шемитов и освободителей от ненавистного ига необрезанных готов.

[1] Аль-Маккари, том i, стр. 297. (Перевод Де Гаянгоса).

[2] "Хроника. Sil.," sec. 17, "recesserat ab Hispania manus Domini ob inveteratam regum malitiam." См. выше, стр. 7, примечание 2.

[3] Арианство просуществовало по крайней мере до середины восьмого века, с тех пор, как Родриго Толедский, iii, с. 3, говорит об Альфонсо I., что он "искореняет хересин Арианам".

[4] О Джулиане, или, правильнее, Ильяне, см. Примечание Де Гаянгоса к Аль Маккари, i. стр. 537 и др.

[5] Арабы называют Гиттишах. О партии витизов см. "Себаст. Салан", с. 7; "Хроника. Сил.", с. 15. Дочь Витизы вышла замуж за знатного араба. Потомки короля под фамилией Витизани были известны в Испании по крайней мере до конца восьмого века. См. Письмо Беата и Этерия к Элипанду, с. 61; "Многодетность сама по себе составляет ноумен *Витизани*, этиам нищий". См. также Аль-Маккари, ii. 14.

[6] Евреи разместили гарнизоны во взятых городах (Аль Маккари, i, стр. 280, 282, и примечание Де Гаянгоса, стр. 531). Даже в 852 году мы обнаруживаем, что евреи предали Барселону маврам, которые убили почти всех христиан.

И все же, несмотря на все эти недостатки, готы оказали храброе сопротивление — такое же храброе, как наши саксонские предки против норманнов. Первое решающее сражение на Юге[1] длилось, как заявляют некоторые авторы, целых шесть дней, и одно время арабы были на грани того, чтобы быть сброшенными в море. Это видно из обращения Тарика к своим солдатам в разгар битвы: "Мусульмане, завоеватели Африки, куда бы вы бежали? Море позади вас, а враг впереди. Вам ничто не поможет, кроме как в ваших собственных руках[2] и милости Божьей". Мы также не должны придавать особого значения неравенству сил с обеих сторон, равному пяти к одному, поскольку значительная часть армии Родерика была недовольна. Вероятно, что только готы проявили решительность; и даже после такого сокрушительного поражения, какое они потерпели при Гуадалете, и после потери своего короля, готская знать все еще оказывала упорное сопротивление в Мериде, Кордове и других местах.[3] Один из них, Теодомир, после того, как некоторое время мужественно защищался в Мурсии, наконец, благодаря своей доблести и ловкости сумел обеспечить себе и даже передать своему преемнику Атанагильду полунезависимое правление в этой части Испании.

[1] Обычно называется битвой при Гуадалете (Вада Лек, см. Де Гаянгос в Аль-Макке. i. стр. 524, 527), сражалась либо близ Хереса, либо в Медина-Сидонии.

[2] "Спасите нас, спасите нас всех". См. Аль Макк. i. стр. 271; Конде i. стр. 57 (Перевод Бона).

[3] Мы также не должны забывать, что мягкое и вежливое поведение сарацин по отношению к сдавшимся городам, даже после сопротивления, чудесным образом облегчило их завоевание.

Но убедительным доказательством того, что готы не утратили всей своей древней храбрости и благородства, служит тот факт, что, когда их загнали в горы Севера и Запада, они, по-видимому, сразу же начали организовывать новое сопротивление захватчикам. Тридцать[1] жалкие варвары, которых арабы считали ненужным преследовать до их родных мест, вскоре показали, что они способны ужалить; и горстка патриотов, собравшихся в пещере Ковадонга вокруг Пелайо, отпрыска старой готской линии, вскоре превратилась в армию, а армия - в нацию. Через шесть лет после смерти Родерика началось то поступательное движение новой испанской монархии, которому, за исключением катастрофических двадцати пяти лет в конце десятого века, не суждено было ни отступить, ни даже остановиться, пока оно не вернет себе каждый фут земли, некогда принадлежавший готским королям.

Давайте на мгновение обратимся к предшественникам арабских захватчиков. История не может провести параллель, ни с религиозной, ни с политической точки зрения, внезапному расцвету

мусульманства и тем чудесным завоеваниям, которые оно совершило. "Электрическая искра[2] действительно упала на то, что казалось черным незаметным песком, и вот, песок оказался взрывчатым порошком и вспыхнул до небес от Дели до Гранады!" Мухаммед начал свою проповедь в 609 году и ограничивался убеждением до 622 года, года бегства из Мекки. После этого в его поведении, по-видимому, произошла перемена, если не в его характере, и Пророк, отказавшись от мирной и более славной миссии посланника, посланного Небом, обратился к человеческому арбитражу меча: однако без особого успеха, победа Бедра в 624 году была уравновешена поражением при Охудине в следующем году. В 631 году, когда Аравия была в основном умиротворена, первая экспедиция за ее пределы была предпринята под собственным руководством Мухаммеда, но эта неудачная попытка не давала никаких указаний на поразительные успехи, которых можно было достичь в ближайшем будущем. Сам Мухаммед умер в следующем году, но, несмотря на это и последовавшее за этим восстание почти всей Аравии, в течение двух лет Сирия была захвачена, а Дамаск взят. Персия, которая веками боролась на равных с Римом, была свергнута в ходе одной кампании. В 637 году пал Иерусалим, и священная земля Палестины перешла под иго сарацин. В течение трех лет Александрия и богатая долина Нила были добычей Амру и его армии. Завоевание Египта стало лишь ступенькой к покорению Африки, и победоносные мусульмане не останавливались в своей карьере, пока не достигли Атлантического океана, и Акбах,[3] въезжая на своем коне в море, вздыхал о новых мирах для завоевания. Возможно, нас можно простить за то, что мы думаем, что для жителей Нового Света было бы лучше, если бы Судьба отдала их в руки великодушных арабов, а не в руки жестоких солдат Кортеса и Писарро.

[1] Аль-Макк., ii. 34. "Что такое тридцать варваров, взгромоздившихся на скалу? Они неизбежно должны умереть".

[2] "Поклонение героям" Карлайла до конца.

[3] Кардонне, i. стр. 37; Гиббон, vi. 348, примечание.

В 688 году, то есть чуть более чем через поколение после смерти Мухаммеда, мусульмане предприняли осаду Константинополя. К счастью для дела цивилизации и христианского мира, эта долгая осада, длившаяся несколько лет, оказалась безуспешной, как и второе нападение в 717 году. Но к последнему времени опора в Европе, которой им не давала доблесть византийцев, уже была завоевана экспедицией в Испанию под предводительством Тарика в 711 году. В том же году, когда Гибралтарский пролив был пересечен на Западе, на Востоке также произошел переход Оксуса пылкими воинами ислама.

По-видимому, есть некоторые основания предполагать, что сарацины напали на Испанию еще до правления Тарика. Говорят, что уже в 648 году, или всего через год после вторжения в Африку, в эту страну была предпринята экспедиция под командованием Абдуллы ибн Саада,[1], которая привела к временному подчинению южных провинций. Второе вторжение упоминается Абульфедой[2] как имевшее место в правление Османа (644-656); в то время как для вторжения в правление Вамбы (671-680) у нас есть авторитет испанских историков Исидора Бежского и Себастьяна Саламанкского, первый из которых добавляет тот факт, что сарацины были приглашены в книге Эрвиги, который впоследствии сменил Вамбу на троне — история, которая кажется достаточно правдоподобной, если читать ее в свете последующей измены Юлиана. Однако эти более ранние нападения, по-видимому, были простыми набегами, предпринятыми без немедленной цели постоянного завоевания.

В качестве возмездия или с похвальной предусмотрительностью готы послали помощь Карфагену, осажденному арабами в 695 году; и, хотя Юлиан, их полководец, все еще оставался верен своей верности, они отбили сарацин от Сеуты. Но после сдачи этой крепости арабы получили возможность отправить через пролив небольшой разведывательный отряд из пятисот человек под командованием Тарифа абу Зари,[3] бербер. Это произошло в октябре 710 года; но фактическое вторжение произошло только 30 апреля 711 года, когда высадилось 12 000 человек под командованием Тарика ибн Зейяда. Кажется, было предварительное сражение перед решающим сражением при Гаудалете (19-26 июля) - готским генералом в первом, по разным данным, был Теодомир,[4] Санчо,[5] или Edeco.[6]

[1] Смотрите заметку Де Гаянгоса об Аль-Маккари, i. стр. 382.

[2] "Мусульманские летописи", i. стр. 262.

[3] Имена Тарифа ибн Малика абу Зари и Тарика ибн Зейяда путали все невнимательные авторы по истории Испании — например, Конде, Данхэм, Йонг, Саути и т.д.; Но Гиббон, Фримен и т.д., конечно, не подпадают под эту ошибку. Имена Тарифа см. Де Гаянгос, Аль-Макк., i. стр. 517, 519; а Тарика см. "Ибн Абд эль Хакем", перевод Джонса, примечание 10.

[4] Аль-Макк., глава 268; Исидор: Конде, глава 55.

[5] Кардонне, i. 75.

[6] Доктор Данэм.

Нет необходимости вдаваться в подробности истории завоевания. Достаточно сказать, что за три года почти вся Испания и часть Южной Галлии были присоединены к сарацинской империи. Но арабы совершили роковую ошибку[1] оставив непобежденными остатки своих врагов в горах Астурии, и едва волна завоеваний захлестнула страну, как она начала медленно, но верно отступать. 733 год стал свидетелем расцвета арабского распространения на Западе, и впоследствии христианской Галлии никогда серьезно не угрожало бедствие мусульманского господства.

Сорокапятилетний период, прошедший между завоеванием Кордовы и установлением халифата, был периодом беспорядков, почти граничащих с анархией, по всей Испании. Такое положение вещей было в высшей степени благоприятным для роста и консолидации зарождающегося государства, зарождавшегося среди гор Северо-Запада. В том уголке земли, который единственный[2] не был осквернен присутствием мусульманских владык, были собраны все те гордые души, которые не могли смириться с подчинением и ценили свободу превыше всего земного.[3] Здесь представлены все различные национальности, которые время от времени правили в Испании,

"Пунические и римские кельты, готы и греки", [4]

все различные классы - знать, свободные люди и рабы - постепенно спаялись под сильным давлением общего бедствия в одно компактное и однородное целое.[5] В то же время, в каком состоянии были те христиане, которые предпочитали жить в своих собственных домах, но под мусульманским игом? Следует признать, что им могло бы достаться гораздо хуже; и примирительная политика, проводимая арабами, без сомнения, в значительной степени способствовала легкости завоевания. Первый завоеватель, Тарик ибн Зейяд, был человеком

замечательной щедрости и милосердия, и его поведение полностью оправдывало гордое хвастовство, которое он произнес, когда предстал перед султаном Сулейманом по ложному обвинению.[6] "Спросите истинно верующих, - сказал он, - спросите также христиан, каким было поведение Тарика в Африке и Испании. Пусть они скажут, находили ли они когда-либо его трусливым, алчным или жестоким".

[1] Аль-Маккари, ii. 34.

[2] Согласно Себастьяну Саламанкскому, мавры никогда не допускались ни в один город Бискайи до 870 года.

[3] Прескотт, "Фердинанд и Изабелла", похоже, считает, что под властью мавров остались только низшие сословия. Тем не менее, в примечании он упоминает замечание Зуриты об обратном (стр. 3).

[4] Саути, "Родерик", Песнь IV.

[5] Тьерри, "Справочник по историческим исследованиям", стр. 346. "Reserrés dans ce coin de terre, devenu pour eux toute la patrie, Goths et Romains, vainqueurs et vaincus, étrangers et indigènes, maîtres et esclaves, tous unis dans le même malheur ... furent égaux dans cet exil." И все же в каждое царствование случались восстания. Фруэла I. (757-768), восстание Бискайи и Галисии: Аурелио (768-774), восстание рабов и вольноотпущенников, см. "Chron. Albeld., vi. sec. 4, и Rodrigo, iii. c. 5, в приштинской редакции sunt: Silo (774-783), Галисийское восстание: также восстания в правление Альфонсо I., Рамиро I. См. Прескотт, "Ferd. и Изабелла", стр. 4.

[6] Или его предшественник, Welid, для точки не определен.

Условия, предоставленные таким сданным городам, обычно содержали следующие положения: что граждане должны сдать всех своих лошадей и оружие; что они могут, если захотят, уехать, оставив свое имущество; что тем, кто останется, за уплату небольшой дани должно быть разрешено следовать их собственной религии, для чего некоторые церкви должны были остаться; что у них должны быть свои собственные судьи и действовать (в определенных пределах) по своим собственным законам. В некоторых случаях также сдавались богатства церквей, как в Мериде,[1] и передавались заложники. Но условия еще лучше, чем эти, были получены Теодомиром из Мурсии от Абдулазиза, сына Мусы. Оригинальный документ сохранился у арабских историков и вполне заслуживает расшифровки:

"Во имя Господа Милосердного! Абдулазиз и Тадмир заключают этот мирный договор — да подтвердит и защитит его Аллах! Тадмир сохранит власть над своим собственным народом, но ни над каким другим народом из числа тех, кто придерживается его веры. Не будет войн между его подданными и подданными арабов, и дети или женщины его народа не будут уведены в плен. Их никто не должен беспокоить в отправлении их религии: их церкви не должны быть сожжены, от них не должны требоваться какие-либо услуги или на них не должны возлагаться обязательства — за исключением тех, которые выражены только в настоящем договоре.... Тадмир не примет наших врагов и не изменит нам в верности, и он не будет скрывать никаких враждебных намерений, которые, как он может знать, существуют против нас. Его вельможи и он сам должны платить дань в размере динара[2] каждый год четырьмя мерами пшеницы и четырьмя ячменя; медовухи, уксуса, меда и масла по четыре меры. Все вассалы Тадмира и каждый человек, облагаемый налогом, должны заплатить половину этих сборов".[3]

Эти благоприятные условия были частично обусловлены адресом Теодомира,^[4] и частично, возможно, пристрастием самого Абдулазиза к христианам, которое также проявилось в его браке с Эгилоной, вдовой короля Родерика, и уважением, которое он оказывал ей. Это пристрастие к христианам вызвало неприязнь сына Мусы к арабам, и он был убит в 716 году.^[5]

[1] Conde i. p. 69. Возможно, это было связано с печально известной скупостью Мусы.

[2] Несколько меньше десяти шиллингов.

[3] Аль Маккари, i. 281: Конде, i. стр. 76.

[4] 38-летний Исидор, сек, говорит о нем: "Для писателя-любителя, красноречия-мирифика, в деле экспедиционном, как и для любого Другого разумного среди прочих изобретений, утилитарного и почетного".

[5] Аль-Маккари, ii. стр. 30. Его даже обвиняли в вступлении в предательскую переписку с христианами Галиции; в разработке проекта массового уничтожения мусульман; в том, что он сам был христианином и т.д.

В целом можно сказать, что сарацинское завоевание завершилось удивительно малым кровопролитием и практически без каких-либо зверств, которые обычно характеризуют порабощение целого народа людьми чуждой расы и вероисповедания. Однако нельзя отрицать, что единственный современный христианский хронист расходится в этом вопросе со всеми арабскими источниками.

"Кто, - говорит Исидор Бежский, - может описать такие ужасы? Если бы каждая конечность в моем теле стала языком, даже тогда человеческая природа не смогла бы изобразить это массовое разорение Испании, все ее бесчисленные и неизмеримые беды. Но чтобы читатель мог вкратце услышать всю историю скорби — не говоря уже обо всех катастрофических бедствиях, которые в бесчисленные века, начиная с Адама и до наших дней, в различных государствах и регионах земли жестокий и подлый враг причинил прекрасному миру, — что бы ни пережила Троя из сказки Гомера, что бы ни претерпел Иерусалим, чтобы сбывались слова пророков, что бы ни претерпел Вавилон, чтобы исполнилось Писание, — все это и многое другое пережила Испания — Испания, некогда полная наслаждений, а теперь страданий, некогда столь возвышенная в славе, а теперь низвергнутая на дно. в позоре и бесчестии".^[1]

[1] См. также Исидор, с. 36. Данхэм, ii. стр. 121, примечание, любопытно замечает: "Исидор, и Родерик могут преувеличивать, но преувеличение доказывает факт".

Очевидно, что это просто рапсодия того же характера, что и бред британского монаха Гильдаса, хотя и гораздо менее обоснованная, как кажется, реальными фактами. Родриго Толедский, следуя за Исидором с интервалом в 500 лет, совершенствует его, вдаваясь в детали, которые, будучи во многих деталях явно ложными, в других могут быть разумно расценены с подозрением как преувеличенные, если не полностью воображаемые. Его слова таковы: Дети повержены на землю, юноши обезглавлены, их отцы пали в битве, старики убиты, женщины обречены на еще большее несчастье; каждый собор сожжен или разрушен, национальное достояние разграблено, клятвы и договоры повсеместно нарушаются.^[1]

Чтобы оценить мягкость и великодушие арабов, нам достаточно сравнить их завоевание Испании с завоеванием Англии саксами, датчанами и даже христианами-норманнами.

Сравнение будет полностью в пользу арабов. Не исключено, что, если бы захватчиками были франки, а не мавры, страна пострадала бы еще больше, как мы можем видеть из реальных результатов вторжения Карла Великого в 777 году. Оказавшись между дьяволом и морскими глубинами, испанцы, возможно, предпочли бы (будь у них выбор) подчиниться сарацинам, а не франкам.[2]

[1] Данхэм, ii. стр. 121, примечание.

[2] Dozy, ii. стр. 41, примечание, цитирует Эрмольда Найджела о "Барселоне":

"Urbs erat interea Francorum inhospita turnis, Maurorum votis adsociata magis."

Для угнетенных рабов, которых было очень много по всей Испании, мусульмане выступали в роли освободителей. Рабу стоило только произнести простую формулу: "Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед - его Пророк", - и он немедленно становился свободным. Евреям мусульмане принесли терпимость, более того, даже влияние и власть. Фактически, со времени падения Иерусалима в 588 году до н.э. евреи никогда не пользовались такой независимостью и влиянием, как в Испании во времена господства арабов. Получив, таким образом, свободу действий, их гений оспаривал превосходство в литературе и искусстве с самими арабами.

Многие из прежних губернаторов Испании были суровыми и даже жестокими в своем управлении, но это относилось как к мусульманам, так и к христианам.[1] Некоторые действительно увеличили дань, возложенную на христиан; но следует помнить, что эта дань[2] была в первую очередь очень легкой, и поэтому увеличение не ощущалось серьезно, поскольку угнетение. Более того, не было недостатка в некоторых правителях, которые защищали христиан от незаконных поборов. Среди них был Абдуррахман аль Гафеки (май-август 721 и 731-732 гг.), о котором арабский писатель говорит:[3] "Он воздал равную справедливость мусульманам и христианам ... он вернул христианам те церкви, которые были отняты у них в нарушение оговоренных договоров; но, с другой стороны, он приказал снести все те, которые были возведены при попустительстве заинтересованных губернаторов". Аналогичным образом о его преемнике Анбасе ибн Сохайме Алкельби (721-726) мы находим запись[4], что "он оказывал равное правосудие каждому человеку, не делая различия между мусульманином и христианином или между христианином и евреем". За Анбасой последовал Яхья ибн Салма (март-сентябрь 726 г.), которого описывают как необдуманно сурового, и за его крайнюю суровость его боялись как мусульмане, так и христиане.[5] Исидор говорит, что он заставил арабов вернуть христианам незаконно отнятое у них имущество.[6] Аналогичной похвалы удостоен Окба ибн ульхеджадж Асселули (734-740).[7] Тем не менее, хотя многие эмиры Испании были справедливыми и прямолинейными людьми, никакой постоянной политики в отношении отношений между мусульманами и христианами проводить было невозможно, в то время как эмиры постоянно менялись, иногда их избирала армия, но чаще назначал халиф или его наместник, на тот момент губернатор Африки. Эта постоянная смена правителей сама по себе была бы фатальной для заселения страны, если бы ей не положило конец избрание Абдуррахмана ибн Муавии халифом Испании и установление его династии на троне в мае 756 года. Но даже после того, как был сделан этот важный шаг, причины, грозившие сделать анархию вечной, все еще действовали в Испании. Главными из них были распри арабских племен и зависть между берберами и арабами.

[1] Например, Альхорр ибн Абдуррахман (717-719); см. Исидор, с. 44, и Конде, i. 94: "Он одинаково угнетал всех: христиан, тех, кто недавно принял ислам, и старейшую из мусульманских семей".

[2] Сначала всего лишь небольшой подушный налог (джизья).

[3] Conde, i. 105.

[4] Конде, i. стр. 99. Исидор, однако, с. 52, говорит: "Vectigalia Christianis duplicata exagitat."

[5] Conde, i. 102.

[6] Исидор, с. 54. Terribilis potestator fere triennio crudelis exaestuat, atque aeri ingenio Hispaniae Sarracenos et Mauros pro pacificis rebus olim ablatis exagitat, atque Christianis plura restaurat.

[7] Conde, i. 114, 115.

Большинство первых завоевателей страны были берберами, в то время как те арабы, которые пришли с ними, принадлежали в основном к фракции маадитов или беладии. [1] Берберы, помимо того, что на них смотрели свысока как на новообращенных, также считались нонконформистами [2] Чистокровные арабы, и, следовательно, ссора не заставила себя долго ждать между двумя сторонами.

Еще в 718 году берберы в Арагоне и Каталонии восстали против арабов под предводительством еврея по имени Хаулан, который был казнен в следующем году. В 726 году они снова восстали, крича, что те, кто в одиночку завоевал страну, имеют права на добычу. [3] Это грозное восстание было подавлено только арабами, выступившими против него общими усилиями. Но непрекращающиеся беспорядки в Африке поддерживали пламя недовольства в Испании, и великое восстание берберов против арабского ига в Африке стало сигналом к подобной решительной попытке в Испании. [4] Подкрепления, которые халиф Езид ибн Абдулмалик отправил в Африку под командованием Кольтума ибн Ияда, были разбиты берберами под командованием вождя по имени Мейсарах и заперты в Сеуте.

[1] Две главные ветви арабов были (1) Потомками Модхара, сына Негуса, сына Маада, сына Аднана. К этому клану принадлежали арабы из Мекки и Медины, а также семья Омейядов. Их также называли кайсайтами, фебритами и арабами-беладии. (2) Потомки Кахтана (иоктана), к числу которых относились кельбиты и йемениты. Они были наиболее многочисленны в Андалусе; см. Аль-Маккари, ii. 24.

[2] Dozy, iii. 124. См. Аль-Макк., ii. 409, примечание Де Гаянгоса. Хотя номинально они были мусульманами, они все еще соблюдали свои еврейские или языческие обряды.

[3] См. Де Гаянгос, Аль-Макк. ii. 410, примечание. Он цитирует "Карту" Борбона, xiv. кв. Стэнли Лейн-Пул, "Мавры в Испании", стр. 55, говорит, что Монуса, женившийся на дочери Эдеса, был вождем берберов. Конде, i. 106, говорит, что Осман аби Неза был лидером, но Осман ан ибн аби Несах был эмиром Испании в 728 году.

[4] Аль-Маккари, ii. 40.

Тем временем в Испании Абдалмалик ибн Каттан [1] Алфери встал на сторону берберов, добился низложения Окбаха ибн Ульхеджаджа в свою пользу, но, сделав это, порвал со своими новыми

союзниками. Затем он был вынужден обратиться за помощью к сирийским арабам, которые были заперты в Сеуте, хотя ранее он оставался глух к их мольбам о том, чтобы они могли перебраться в Испанию.

Сирийцы с радостью приняли это приглашение и под предводительством Бальджа ибн Бешера, племянника Кольтума, пересекли пролив, с готовностью пообещав в то же время вернуться в Африку, когда испанские берберы будут побеждены. Однако, достигнув этой желанной цели, они отказались соблюдать свое соглашение, и Абдалмалик вскоре оказался вынужденным заново искать союза с берберами, а также с андалузскими арабами против своих бывших союзников.[2] Но последнее оказалось слишком сильным для Амира, который был побежден и убит йеменскими последователями Бальджа.

[1] Кардонне, i. стр. 135.

[2] Сирийские арабы, похоже, приобрели дурной характер вдали от дома. Султан Муавия предупредил своего сына, что за границей они меняются к худшему. Смотрите "Сарацины" Окли.

Эта вражда йеменцев против модхаритов, осложненная переходом берберов то на одну, то на другую сторону, продолжалась без перерыва, пока первый халиф Кордовы Абдуррахман ибн Муавия не установил свою власть по всей Испании.

Преемник Бальджа и Талебы ибн Саламы действительно пытался расколоть сирийскую фракцию, разделив их. Он поместил жителей Дамаска в Эльвиру; Эмесы в Севилью; Кенесрина в Хаэн; Алурдана[1] в Малагу и Реджио; Палестины в Сидонию или Херес; Египта в Мурсию; Васита в Кабру; и таким образом они слились с телом андалузских арабов.

Эти берберские войны оказали важное влияние на будущее Испании; поскольку, поскольку берберы обосновались на всех Северных и западных границах, когда они были опустошены гражданской войной, и многие из выживших были вынуждены вернуться в Африку,[2] из-за голода, который поразил страну с 750 по 755 год, границы Испании были расширены. Арабские владения остались практически без защитников,[3] и христиане сразу же продвинули свои границы до Дору, оставив, однако, полосу пустынной земли в качестве барьера между ними и мусульманами. Эту спорную землю они заняли только пятьдесят лет спустя.[4]

[1] /e.См. Аль-Маккари, i. 356, примечание Де Гаянгоса.

[2] Dozy, iii. 24.

[3] Аль-Маккари, ii. 69.

[4] Когда они построили серию крепостей, таких как Зарнора, Симанкас, Сан-Эстеван.

ГЛАВА III.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ В КОРДОВЕ.

Абдуррахман Ибн Муавия высадили в Испании с 750 берберскими всадниками в мае 756 года. Можно сказать, что халифат Кордовы начинается с этой даты, хотя прошло много лет, прежде чем новый султан установил свою власть на прочной основе или был признан правителем всей мусульманской Испании.

В течение сорока пяти лет гражданской войны, которая длилась между вторжением в Тарик и высадкой Абдуррахмана, мы очень мало знаем о том, что делали христиане. Арабские историки слишком заняты описанием распрей своих собственных племен, чтобы уделять какое-либо особое внимание христианам. Но мы можем заключить, что последние в целом были вполне довольны своим новым рабством.^[1] Мусульмане не очень стремились к обращению в свою веру, поскольку обращение испанцев означало серьезное уменьшение дани.^[2] Те христиане, которые действительно отступили — а мы можем полагать, что они были в основном рабами, — сразу же заняли позицию юридического, хотя и не социального, равенства с другими мусульманами. Неудивительно, что рабы стали мусульманами, поскольку, кроме ненависти к своим хозяевам и очевидного временного преимущества принятия ислама, большинство из них вообще ничего не знали о христианстве.^[3] В ряды новообращенных время от времени набирались те, кто переходил в ислам, чтобы избежать уплаты подушного налога или даже избежать уплаты какого-либо штрафа, налагаемого христианскими судами.^[4] Обращает на себя внимание одна вещь. В первые годы завоевания не было той горечи, которая проявлялась между приверженцами соперничающих вероучений, к которым мы так привыкли в более поздние времена. Исидор Бежский, единственный современный христианский авторитет, хотя и восхваляет разрушения, совершенные завоевателями, и жалуется на взимаемую огромную дань, все же более справедливо отзывается о мусульманах^[5], чем любой другой испанский писатель до четырнадцатого века. "Если он ненавидит завоевателей", - говорит Дози,^[6] "он ненавидит их скорее как людей другой расы, чем другого вероисповедания"; и брак Абдулазиза и Эгилонны не вызывает в его душе чувства ужаса.

^[1] Этого не было, когда свирепые Альморавиды и еще более свирепые Альмохады захватили Испанию в одиннадцатом и двенадцатом веках. См. "Сарацины" Фримена, стр. 168.

^[2] Как это произошло в Египте при Амру. См. Кардонне, i, с. 168, и Гиббона, vi, с. 370.

^[3] Дози, ii. 45, цитирует отрывок из Педраки, "Histor. Экллз. из Гранады" (1638), в которой автор указывает, что даже в его время "старые христиане" Центральной Испании были настолько невежественны во всех христианских доктринах, что можно было ожидать, что они с предельной легкостью отрекутся от христианства, если снова окажутся под властью мавров.

^[4] Самсон, "Извинения", ii. сс. 3, 5.

^[5] Говоря об Омаре, второй халиф с таким именем, Исидор, с. 46, говорит: "Танта и ханжество приписывают квантам нулевых из арабского рода".

^[6] Dozy, ii. стр. 42.

В целом состояние массы людей, христиан или ренегатов, было, безусловно, предпочтительнее их состояния до завоевания.^[1] Те крепостные, которые оставались христианами, если они работали на государственных землях, отдавали треть произведенной продукции государству; если на частных землях, четыре пятых их арабским владельцам.^[2] Свободные христиане сохранили свои владения и могли даже отчуждать свои земли. Они платили дифференцированный налог, варьировавшийся от тринадцати фунтов до трех гиней.^[3] По всей вероятности, положение христиан под властью мусульман было не хуже, чем у их единоверцев в Галисии и Леоне. Ярким доказательством этого служит тот факт, что, несмотря на смутенное состояние страны, которое, казалось бы, дает большие надежды на успех, мы не слышим ни о каких попытках восстания со стороны покоренных христиан в восьмом веке, за исключением Беджи, где христиане, по-видимому, были уведены честолубием арабского вождя.^[4] Они были даже несколько безразличны к делу своих единоверцев на Севере, и попытки Пелайо и его преемников побудить их восстать вместе со своими братьями увенчались незначительным успехом.^[5]

^[1] Смотрите, в частности, Conde, Предисловие к п. vi.

^[2] Dozy, ii. 39.

^[3] Dozy, ii. 40.

^[4] Дози, ii. 42.

^[5] Кардонне, i. 106.

Однако не может быть никаких сомнений в том, что хорошее взаимопонимание, которое поначалу существовало между мусульманами и их подданными-христианами, постепенно уступило место совершенно иному положению вещей, в немалой степени благодаря свободным христианам на Севере, чье присутствие на их границах было постоянной угрозой мусульманскому владычеству и постоянным стимулом для подвластных христиан восстать и утвердить свою свободу.

Наша цель сейчас - проследить, насколько позволят скудные указания, разбросанные у авторов того времени, отношения, существовавшие между двумя религиями в течение 275 лет правления Халифата, и влияние, которое эти отношения оказали на развитие той и другой. Естественным образом будет сначала ответить на первый вопрос.

С целью лучшего понимания положения христианства и магометанства в самом начале нашего исследования мы сочли целесообразным в предварительном очерке указать на развитие христианства в Испании, предшествовавшее периоду, когда мусульмане, только что вышедшие из своих родных пустынь Аравии и Африки, с мечом в одной руке и Кораном в другой, овладели одной из прекраснейших провинций христианского мира. Поскольку это уже сделано, мы можем сразу же приступить к исследованию взаимоотношений христианства и мусульманства в Испании за 300 лет существования Кордовского халифата.

Именно во исполнение предполагаемого пророчества Мухаммеда и повинаясь предписаниям самого Корана, арабы, наводнив Сирию, Египет и Африку, вторглись в Испанию, и война с самого начала приняла характер джихада, или религиозной войны — характер, который она сохраняла благодаря постоянно растущему фанатизму сражающихся до тех пор, пока каждый

мусульманин не был вынужден отречься от своей веры или изгнан из Испании. Но, как мы видели, само завоевание было на удивление свободным от каких-либо вспышек религиозного безумия; хотя, конечно, должно было быть много христиан, которые отдали свои жизни, защищая все, что было им близко и дорого, защищая своих жен и детей, свои дома и свою страну, свою религию и свою честь. По крайней мере, один такой случай был зафиксирован арабскими историками,[1] когда губернатор Кордовы и 400 человек гарнизона после трехмесячной осады в церкви Святого Георгия предпочли быть сожженными в своих крепостях, чем сдаться при условии принятия ислама или уплаты дани.

Опуская историю о легендарном мученике Николае, как состоящую из ошибок и нелепостей,[2] первым мучеником, названным так по—настоящему, был некий епископ по имени Анамбад, который был казнен Османом ибн аби Несахом (727-728) - правителем, виновным в пролитии большого количества христианской крови, если верить Исидору.[3]

[1] Аль Маккари, глава 279, говорит: "Это стало причиной того, что это место с тех пор называется Кенисату-л-хараки (церковь сожженных), а также из-за великого почитания, с которым оно всегда пользовалось христианами, из-за мужества и стойкости, проявленных во имя своей религии теми, кто умер в нем".

[2] Флорес, "Испанский сагр", xiv. 392.

[3] Isidore, sec. 58, "Munuza quia a sanguine Christianorum, quen ibidem innocentem fuderat, nimium erat crapulatus, et Anabadi, illustris episcopi,.... quem ipse cremaverat, valde exhaustus," etc. Сомнительно, кем был этот Мунуза, но, вероятно, Османом ибн аби Несахом, губернатором Испании.

Пятнадцать лет спустя христианин по имени Петр, придерживавшийся во многом той же тактики, что и псевдомученики в следующем столетии, добился своего собственного осуждения и смерти. Он занимал ответственный пост в правительстве, занимал должность сборщика государственных податей, и, по-видимому, был в дружеских отношениях со многими арабскими дворянами. Возможно, он был довольно небрежен в своих религиозных обрядах или даже скрывал свое христианство из корыстных побуждений. Однако он заболел и, думая, что его жизнь близка к концу, созвал своих друзей-мусульман и, поблагодарив их за то, что они проявили к нему свою заботу, придя, продолжил: "Но я хочу, чтобы вы были свидетелями этой моей последней воли. Всякий, кто не верит в Отца, Сына и Святого Духа, Единосущную Троицу, слеп сердцем и заслуживает вечного наказания, как и Магомет, ваш лжепророк, предтеча Антихриста. Поэтому я заклинаю вас сегодня отказаться от этих басен, и пусть небо и земля будут свидетелями между нами". Хотя слушатели были сильно разгневаны, что было естественно, они решили не обращать внимания на эти и другие подобные слова, милосердно предположив, что у больного закружилась голова; но Питер, неожиданно поправившись, повторил свое прежнее осуждение Мухаммеда, проклиная его, его книгу и его последователей. После этого он был казнен, и мы не можем быть полностью удивлены этому.[1]

Кроме этих двух отдельных случаев мученичества, мы не находим больше никаких записей до правления Абдуррахмана II. (Май 822-август 852). На второй год правления этого короля два христианина, Иоанн и Адульф, публично исповедовавшие свою веру и осудившие Магомета, были казнены 17 сентября 824 года.[2]

[1] Мы приводим отчет в том виде, в каком его приводит Флери, v. 88 (Bk. 42), но с большими сомнениями относительно его подлинности, поскольку ни один другой автор, которого мы видели, не упоминает об этом.

[2] Флорез, х. 358: Флери, v. 487. Они были похоронены в церкви Святого Киприана в Кордове. Смотрите "De translatione martyrum Georgii etc.", раздел 7.

Это первое определенное указание, которое мы имеем на то, что терпимостью, проявляемой мусульманами, начали злоупотреблять их христианские подданные; и не может быть никаких разумных сомнений в том, что это опрометчивое поведение последних было главной причиной так называемых преследований, которые последовали. Но помимо этого фанатизма со стороны небольшой части подвластных христиан, действовали и другие причины, рассчитанные на то, чтобы вызвать трения между двумя народами. В течение столетия, прошедшего после завоевания, христиане и мусульмане, жившие бок о бок под одним и тем же правлением, которое, учитывая времена, в которые оно возникло, было примечательно не меньше своей справедливостью и умеренностью, чем своим внешним блеском и пышностью, постепенно сближались друг с другом. Среди них участились смешанные браки; [1] и это оказалось плодотворной причиной религиозных разногласий. Соответственно, мы обнаруживаем, что религиозные смуты в правление Абдуррахмана II (822-852) и Мухаммеда I. (852-886) начались с казни двух детей смешанных родителей. Нунило и Алодия были детьми отца-мусульманина и матери-христианки. Их отец был терпимым человеком и, по-видимому, при жизни разрешал своим детям исповедовать веру их матери. После его смерти мать снова вышла замуж, и новый муж, будучи фанатичным мусульманином и побуждаемый, как мы можем предположить, *одио витричи*, немедленно приступил к обращению своих падчериц в истинную веру ислама, его усилия в этом направлении привели его к жестокому обращению, даже к пыткам, [2] молодой человек исповедницы. Его максимальные усилия добиться их обращения потерпели неудачу, и он передал их судье по обвинению в вероотступничестве, а судья - палачу, которым они были обезглавлены 21 октября 840 года. [3]

[1], без сомнения, частично из-за брака пленниц. Смотрите также ниже "the maiden tribute", стр. 96, 97.

[2] Итак, мисс Йонг.

[3] Эта дата приведена Моралесом в деле apud Migne, том схv, стр. 886, и Флери, против 487, которые обвиняют Евлогия ", Mem. Sanct., ii. с. 10, о том, что он ошибся, когда назначил дату 851. Псевдо-Люитпранд называет 951 год, ручаясь за эту дату как очевидец: "Я живой, в кастро-Вергети, то есть Кастельоне и т.д."

Хотя были некоторые случаи мученичества такого характера, когда страдальцы действительно заслужили свое звание мучеников, — и мы можем полагать, что не все такие случаи были зарегистрированы, — все же подавляющее большинство из тех, что последовали в 851-860 годах, были другого типа. Они были вызваны вспышкой фанатичного рвения со стороны определенной части христиан, направленного на то, чтобы подавить дух терпимости, который мусульманские власти до сих пор проявляли в обращении со своими христианскими подданными, и вызвать соответствующую волну фанатизма в менее просвещенных и, следовательно, более нетерпимых массах мусульман. Внезапная мания мученичества, проявившаяся в это время, безусловно, является самым замечательным явлением такого рода,

которое было зафиксировано в анналах христианской церкви. Ранее были редкие случаи, когда христиане добровольно предлагали себя для того, чтобы подвергнуться наказанию по закону за то, что они были христианами. Один такой случай с фригийцем по имени Квинт вызвал серьезный скандал в Смирнской церкви; ибо, представ перед проконсулом и заявив, что готов умереть за веру, когда реальность смерти, которой он добивался, была доведена до него видом диких зверей, готовых растерзать его, мужество фригийца иссякло, и он вознес благовония богам. В Африке тоже были свои самопровозглашенные мученики.

Но интерес испанских исповедников превыше всего этого, как из-за их численности, так и из-за постоянства, которое они проявляли в выполнении возложенной на них задачи. Не зафиксировано ни единого случая, хотя, возможно, были и такие, когда потенциальный мученик из страха или по какой-либо другой причине отказался от своей короны. Более того, эти мученичества, разделив Церковь по вопросу об их заслугах, то есть о том, следует ли причислять жертв к истинным мученикам или нет, и вызвав письменные споры по этому вопросу, предоставили нам достаточно, хотя и довольно односторонних, материалов для оценки провокации, данной и полученной с обеих сторон.

С течением времени, когда христиане и мусульмане все теснее взаимодействовали в политической и социальной жизни, Церковь, без сомнения, претерпела некоторый упадок. Каждый заинтересованный мотив был задействован в пользу того, чтобы как можно дальше убрать с глаз долой[1] те отличительные черты христианства, которые могут быть рассчитаны на то, чтобы оскорбить мусульман; соблюдения всех тех мусульманских обычаев, которые в Библии прямо не запрещены для христиан;[2] и, в целом, подчеркивания пунктов, по которым христианство согласно с магометанством, и игнорирования тех (гораздо более важных), в которых они расходятся. У мусульман не было такой причины скрывать свои убеждения или изменять свои догматы. Следовательно, на Церковь напал духовный паралич, который со временем угрожал, если его не остановить, уничтожить саму христианскую жизнь на всем полуострове. Пример Африки, из которой ислам вытеснил христианство, показал, что это не было воображаемой опасностью. Но у Испании было одно преимущество перед Африкой: в ней была свободная христианская община, которая никогда не попадала под мусульманское иго, где огонь христианства, которому грозила опасность быть сметенным всепожирающим пламенем мусульманства, можно было лелеять до тех пор, пока он снова не вспыхнет со своим прежним блеском.

[1] См. ниже, стр. 72, примечание 5.

[2] Например, обрезание.

Однако в мусульманской Испании религиозный пыл не исчез полностью: его все еще можно было обнаружить среди духовенства, и особенно среди обитательниц монастырей. Монахи и монахини, оторванные от всех мирских влияний, в тишине своих монастырей читали жития Святых[1] древних времен и размышляли об их славных деяниях и чудесах, которые совершила их вера. Они размышляли над такими текстами, как "Вы предстанете перед правителями и царями ради Меня";[2] и "Всякого, кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Моим Отцом, который на Небесах";[3] до тех пор, пока они не заставили себя поверить, что их настоящий долг - предстать перед правителями и царями, и не только исповедовать Христа, но и поносить Мухаммеда.

[1] См. Dozy, ii. 112.

[2] St Mark xiii. 9.

[3] Матф. х. 32.

Однако упрек в фанатичном саморазрушении неприменим, как не преминули указать апологеты их деяний, к первым двум жертвам, пострадавшим в ходе этого преследования.

Перфектус,[1] священник Кордовы, который воспитывался в школе при церкви Святого Ацилуса, однажды, выйдя за покупками предметов первой необходимости для домашнего обихода, был остановлен несколькими мусульманами на улице и попросил высказать свое мнение об их Пророке. Что побудило их обратиться с этой странной просьбой, нам не сообщается,[2] но, изложенный таким образом, едва ли создает у нас впечатление, что это было сделано с целью доставить священнику неприятности. Ибо в мусульманских странах был хорошо известный закон, согласно которому, если кто-либо проклинал мусульманина, он подлежал бичеванию,[3] если он ударил его, его убивали: последнее наказание также ожидало любого, кто злословил о Мухаммеде, и распространялось даже на мусульманского правителя, если он услышал богохульство, не обратив на это внимания.[4] Поэтому Перфектус, зная об этом законе, дал осторожный[5] ответ, отказываясь выполнить их просьбу, пока они не поклянутся, что он не пострадает вследствие того, что он может сказать. Когда они дали требуемое условие, он процитировал слова: "Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и покажут великие знамения и чудеса; настолько, что, если бы это было возможно, они обманули бы даже избранных",[6] и продолжил говорить о Мухаммеде в обычной манере, как о лживом самозванце и распутном прелюбодее, завершив словами: "Так он, поощряющий всякую распутность и погрязший в своих собственных грязных похотях, отдал вас всех на потворство вечной чувственности". Это опрометчивое оскорбление того, кого мусульмане почитают так же, как мы почитаем Христа, и неблагодарное преимущество принесенной ими клятвы, естественно, разозлили его слушателей почти до неконтролируемой степени. Однако они сдержали свое обещание и воздержались от того, чтобы наложить на него руки в то время, с намерением, как говорит Евлогий, отомстить в будущем.[7]

[1] Евлогий, "Воспоминание. Святилище", ii., глава i. разделы. 1-4: Альвар, "Указатель". Лум., раздел 3.

[2] См., однако, Приложение А, стр. 158.

[3] Alvar, "Ind. Lum.," sec. 6. "Ecce enim lex publica pendet, et legalis iussa per omnem regnum eorum discurrit, ut, qui blasphematur, flagellatur, et qui percusserit occidatur." Неандер В., стр. 464, примечание, указывает, что "богохульство" относится к проклятию мусульман, а не Мухаммеда. Eul., "Mem. Sanct.," Pref., sec. 5, "Irrefragibilis manet sententia, animadverti debere in eos qui talia de ipso non videntur profiteri." Узнав о смерти Исаака, король опубликовал напоминание об этом законе.

[4] См. стр. 91.

[5] Альвар, "Ind. Lum.," раздел 3, называет это робким ответом.

[6] Мэтт. xxiv. 24.

[7] "Всеобщий фурор в связи с окончательным ответом". Eulogius, 1.1.

Если это было так, то вскоре представилась возможность, и Перфектус, находясь за границей с поручением, аналогичным предыдущему, был встречен[1] его бывшими следователями, которые по обвинению в оскорблении Мухаммеда и действиях вопреки их религии потащили его к кади. Когда его допрашивали, мужество поначалу изменило ему, и он отказался от своих слов. Затем он был заключен в тюрьму в ожидании дальнейшего допроса в конце месяца, который, как оказалось, был Рамаданом, или месяцем поста. В тюрьме священник раскаялся в своей слабости, и когда его снова привели к судье на мусульманскую Пасху, он отказался от своего отречения, добавив: "Я проклинал и проклиная вашего пророка, посланника не Бога, а сатаны, торговца колдовством, прелюбодея и лжеца". Его немедленно повели на казнь, но перед смертью он предсказал смерть царского министра Назара в течение года после его собственной. Он был обезглавлен 18 апреля 850 года.[2] Апологеты, на основании недостаточных доказательств, описывают смерть двух мусульман, которые утонули в тот же день в реке, как явный суд Небес за убийство Перфектуса.[3]

[1] "Долой обход", - говорит Алвар, "Инд. Лум.", раздел 4.

[2] Йоханнес Васей относит это преследование (по явной ошибке) к 950 году, при Абдуррахмане III., заявляя в то же время, что некоторые авторы отнесли его к 850 году, но, как ему показалось, ошибочно: "Абдуррахман Халихатан рекс Кордобе двигает дуодецимским преследованием в Христианос".

[3] Хвалебная речь., "Мем. Святыня" ii., глава i. раздел 5.

Пример, поданный Перфектом, принес плоды не сразу, но, без сомнения, доказательства, которые он давал о легкости и сравнительной безболезненности, с помощью которых можно было получить мученический венец, не остались незамеченными для задумчивых и ревностных духов, живущих в уединенных убежищах и пытающихся религиозной набожностью отрезать себя от соблазнительных удовольствий активной жизни.

Следующей жертвой, чуть более чем через год, стал мелкий торговец по имени Джон,[1] который, похоже, не смирился со своей судьбой. Он вызвал враждебность своих мусульманских соперников приобретенной им привычкой произносить имя Пророка в своих рыночных сделках, употребляя его имя, как они думали, всуе и с целью привлечения покупателей.[2] Иоанн, будучи обвинен в этом, с несвоевременной шутливостью возразил: "Проклят тот, кто желает назвать имя вашего Пророка". Он предстал перед Кади и, получив 400 ударов,[3] был брошен в тюрьму. Впоследствии его забрали оттуда и провезли по городу верхом на осле задом наперед, в то время как перед ним по христианским кварталам был разослан глашатай, провозглашавший: "Таково будет наказание тех, кто злословит Пророка Божьего".

[1] Эвголиус, "Память. Святылище". i. раздел 9; и Альвар, инд. Лум. раздел 5.

[2] Итак, Евлогий, 1. 1., и Дози, ii., 129. Alvar's account (1. 1.) is not very intelligible: "Parvipendens nostrum prophetam, semper eius nomen in derisione frequentas, et mendacium tuum per iuramenta nostrae religionis, ut tibi videtur, falsa auribus te ignorantium Christianum esse semper confirmas."

[3] Или, согласно Евлогию, 500.

До сих пор у нас были случаи, когда обвинение в преследовании, выдвинутое апологетами мучеников против мусульман, могло быть более или менее обоснованным, но следующий случай носит иной характер. Исаак,[1] монах Табаноса, происходивший от знатных и богатых предков, родился в 824 году и благодаря своему знанию арабского языка в юности достиг должности экселенца, или писца,[2] но отказался от своего назначения в возрасте двадцати лет, чтобы поступить в монастырь Табанос, который его дядя и тетя, Иеремия и Элизабет, основали недалеко от Кордовы.

[1] Хвалебная речь., "Мет. Святое", ii. глава ii. раздел 1, также предисловие, разделы. 2 и далее. После его смерти Исааку приписывали чудеса с самых ранних лет. Говорили, что он говорил три раза в утробе своей матери (ср. аналогичную басню об Иисусе в Коране, гл. стих 40), и когда ребенок обнимал, невредимый, огненный шар с Небес.

[2] Не является, как Флорес, сборщиком налогов.

Воодушевленный рассказом о смерти Перфектуса и страданиях Джона, он добровольно предстал перед кади и, притворившись "вопрошающим", попросил его разъяснить ему доктрины ислама. Кади, поздравив себя с перспективой такого многообещающего обращения, с серьезным видом подчинился; когда Исаак, отвечая ему на беглом арабском, сказал: "Он солгал тебе — да поглотит его проклятие Небес! — тот, кто, исполненный всякого нечестия, ввел в заблуждение столько людей и обрек их вместе с собой на самые нижние глубины ада. Исполненный сатаны и практикующий сатанинские искусства, он напоил своих последователей смертоносным вином и, без сомнения, искупит свою вину вечным проклятием". Услышав эти и другие подобные *целомудренные*[1], судья слушал в каком-то оцепенении от ярости и изумления, чувства, которые даже нашли выход в слезах; пока его негодование не вышло из-под контроля, он ударил монаха по лицу, который затем сказал: "Ты бьешь то, что создано по образу Божьему?"[2] Заседатели Кади также упрекнули его в нанесении удара заключенному, поскольку их закон гласит, что тот, кто достоин смерти, не должен терпеть других унижений. Кади, к которому теперь вернулось самообладание, вынес свое решение, что Исаак, будь он пьян или безумен, совершил преступление, которое, по прямому закону Мухаммеда, заслуживало достойного наказания. Соответственно, он был обезглавлен, и, когда его тело было сожжено, его прах был выброшен в реку (3 июня 851 года). Это было сделано для того, чтобы помешать христианам унести его тело и сохранить его для совершения чудес.[3]

Поведение и судьба Исаака, рассказывает нам Евлогий, наэлектризовали людей, которые были поражены *новизной* этого.[4] Именно в этот момент сам Евлогий начал выражать свое сочувствие этим фанатичным поступкам, поощряя других следовать примеру Исаака и помогая им.

[1] Евлогий, "Воспоминание. Sanct.," Pref., sec. 5, "*Ore pudico summisque reverentiae ausibus viribusque.*"

[2] Ср. Деяния xxiii. 3.

[3] Хвалебная речь., "Lib. Извинения", раздел 35, упоминает предлагаемый указ властей, предусматривающий более суровое наказание за посещение искателя реликвий.

[4] См. Панегирик., Письмо Альвару, апуд Флорес., xi. 290.

Количество введенных в заблуждение мужчин и женщин, которые теперь вышли вперед и поплатились своими жизнями, безусловно, поразительно и, похоже, поразило мусульман как совершенно необъяснимое. Сами арабы были самыми храбрыми людьми, каких когда-либо видел мир, и, по самим предписаниям их веры, были обязаны рисковать своей жизнью ради своей религии в реальном человеческом конфликте с неверными врагами, и все же они были неспособны понять, как какой-либо человек в здравом уме мог добровольно лишиться себя жизни таким способом, который не мог послужить делу, религиозному или иному, которое было у него в сердце. Они были совершенно неспособны оценить тот острый антагонизм к миру и его опасному окружению, которому учит христианство; тот дух отречения от суеты, более того, даже от жизненных обязанностей, который побуждал мужчин и женщин замуровывать себя в монастырях и уединенных местах, вдали от всех сфер человеческой полезности. Естественно, что в жизни при таких обстоятельствах было мало того, ради чего стоило жить, и отказаться от нее стало тем легче, что смерть, которая сама по себе желанна, была еще больше облечена славой мученичества.

Поэтому примеру Исаака в течение двух дней последовал монах по имени Санкция^[1] или Санчо, который был казнен 5 июня. Тремя днями позже были обезглавлены Петр, священник Экии; Валабонсус, диакон Илипы; Сабиниан и Вистремундус, монахи Святого Зоила; Хабентиус, монах церкви Святого Христофора в Кордове; в то время как Иеремия,^[2] дядя Исаака, был забит бичеванием до смерти. Их тела были сожжены, а пепел выброшен в реку.

Сисенанда Бадахосского^[3] 16 июля постигла аналогичная участь: четыре дня спустя Павел, дьякон Святого Зоила, сдался; и столько же дней спустя Теодомир, монах из Кармоны: все они были обезглавлены.

^[1] Хвалебная речь., "Mem. Святилище", ii. с. 3.

^[2] Там же., с. iv.

^[3] После своей мученической смерти он добился освобождения из тюрьмы Тверии, священника из Бежи! Eulog., "Mem. Святилище", ii. в. vi.

ГЛАВА IV.

ФАНАТИЗМ МУЧЕНИКОВ.

Следующими кандидатами на мученическую смерть были две молодые и красивые девушки, историю которых мы узнаем от их покровителя Евлогия, который, по-видимому, относился к одной из этих девушек, Флоре, с платонической любовью, смешанной со своего рода религиозной набожностью.

Флора,^[1] дочь отца-мусульманина и матери-христианки, родилась в Кордове. Говорят, что она практиковала воздержание даже в своей колыбели. Сначала она была воспитана как мусульманка и жила в соответствии с этой верой, пока, обратившись в христианство примерно за восемь лет до этого и найдя нетерпимость своего отца и брата невыносимой, она не покинула свой дом. Но когда ее брат, в своих попытках найти и вернуть ее, преследовал многие христианские семьи, которых он подозревал в пособничестве ее побегу, она добровольно

сдалась ему, сказав: "Вот я, кого ты ищешь, и ради кого ты преследуешь народ Божий. Я христианин. Сделайте все возможное, чтобы аннулировать это признание: никакие ваши муки не смогут победить мою веру ". Ее брат, после тщетных попыток, чередуя угрозы и уговоры, вернуть ее к совершенному ею заблуждению, в конце концов потащил ее к кади; и он, выслушав обвинения ее брата и ее собственное признание, приказал варварски избить ее, а затем почти мертвую передать брату. Однако ей удалось выздороветь, и она сбежала под руководством ангела.[2] Вскоре после этого, во время молитвы в церкви, она была найдена Марией, сестрой вышеупомянутого Валабонсуса,[3], принявшей мученическую смерть несколькими месяцами ранее. Их отец, будучи христианином, обратил свою неверующую жену. Они переехали жить во Фрониано, недалеко от Кордовы, а их дочь получила образование в женском монастыре Кутеклара, недалеко от города, под присмотром настоятельницы Артемии. Размышляя о мученической смерти своего брата и, возможно, как это часто бывало, увидев его прославленный дух в видении, она покинула монастырь, решив последовать по его святым стопам. Направляясь сдаваться, она свернула в церковь, чтобы помолиться, и нашла там Флору.

[1] "Жизнь Флоры и Марии" Евлогия, разд. 3 и далее.

[2] Там же., раздел 8. "Аджелико комитанте мяту".

[3] "Жизнь Флоры и Марии", с. 11. Лейн Пул, "Мавры в Испании", говорит "Сестра Исаака".

Затем эти преданные девушки вместе отправились в путь[1] проклинать Мухаммеда, о котором они, вероятно, почти ничего не знали, и расстаться с собственными жизнями. Однако судья, пожалев их молодость и красоту, просто заключил их в тюрьму. Известие о заключении его сестры в тюрьму дошло до брата Флоры, он убедил судью провести дальнейший допрос, и ее вывели из тюрьмы к Кади, который, указав на ее брата, спросил ее, знает ли она его. Флора ответила, что да — как ее брат по плоти. "Как же тогда получается, - спросил судья, - что он остается добропорядочным мусульманином, в то время как вы отступили от веры?" Она ответила, что Бог просветил ее; и, заявив, что готова повторить свои прежние обвинения в адрес Пророка, она снова была заключена в тюрьму. Здесь ей и Марии угрожают быть выброшенными на улицу в качестве проституток[2] — наказание гораздо худшее, чем легкая смерть, которой они желали. Это поколебало их постоянство, когда они нашли неожиданного утешителя в лице самого Евлогия, который сейчас находится в тюрьме за то, что поощрял и подстрекал к неповиновению законам. Странно, что ему позволили выполнять в самой тюрьме ту самую работу, за которую он был заключен в тюрьму. Поддержка Евлогия позволила этим нежным девушкам стойко выдержать еще один допрос, и судья, оказавшийся слишком милосердным или слишком хорошим мусульманином, чтобы выполнить вышеупомянутую угрозу, вывел их на смерть (24 ноября 851 г.). Перед своей смертью они пообещали Евлогию ходатайствовать перед престолом Божьим о его освобождении, которое, соответственно, состоится через шесть дней после их собственной казни.[3]

Прошло немногим более месяца, прежде чем Гумесинд, священник из округа Кампания, недалеко от Кордовы, и Сервус Деи, монах, умерли таким же образом (13 января 852 г.).[4]

[1] Хвалебная речь. Альвару, i. раздел 2; "Жизнь Флоры и Марии", Панегирик, раздел 12.

[2] Там же., с. 13, и Хвалебная речь ", Док. Март., раздел 4. Евлогий попытался уменьшить ужас от этой угрозы, указав, что "non polluit mentem alina corruptio, quam non foedat propria delectatis" — слабое утешение, но единственное! Похоже, он не знал — или, несомненно, процитировал бы это — прямое предписание Корана (xxiv. стих 35): "Не принуждайте своих служанок к проституции, если они желают жить целомудренно ... но, если кто—либо принудит их к этому, воистину, Бог будет милостив к таким женщинам после их принуждения".

[3] Хвалебная речь., письмо Альвару Флорезу, xi. 295. Флери, ст. 100.

[4] Евлогий, "Воспоминание. Святилище", II. в. ix.

Теперь в гонке за мученичеством наступила шестимесячная пауза, и казалось, что Церковь пришла к здравому смыслу по этому вопросу. Однако это было далеко не так. До сих пор жертвами почти без исключения были священники, монахи и монахини; но следующие мученики дают нам примеры супружеских пар, претендующих на долю этой сомнительной чести. Это были Аврелий, сын отца-мусульманина и матери-христианки, и его жена Сабигота (или Наталия), дочь родителей-мусульман, чей отец умер, ее мать вышла замуж за христианина и обратилась; и Феликс и его жена Лилиоса.[1] Казалось бы, при всем вреде, который был нанесен этой вспышкой фанатизма, была также достигнута некоторая польза в пробуждении мирских приверженцев христианства от духовного оцепенения, в которое они погружались; ибо эти новомученики принадлежали к классу скрытых[2] Христиане, которые теперь были пристыжены и вынуждены признать свое истинное вероучение.[3] И все же, несомненно, было бы гораздо лучше, если бы они довольствовались жизнью христиан, а не умирали как самоубийцы. В их случае, действительно, мы обнаруживаем не внезапный непреодолимый импульс, побуждающий их пренебрегать законами, а медленно созревающее убеждение в том, что их долгом, пренебрегая всеми человеческими связями, было отдать себя смерти. В этом решении они были подкреплены советом и поддержкой Евлогия и Альвара,[4] последний из которых предусмотрительно предупреждает Аврелия, чтобы тот убедился, что его мужества достаточно, чтобы выдержать испытание.[5] Сабиготу убеждают сопровождать своего мужа в его саморазрушении, Евлогий преодолевает ее естественное нежелание оставлять своих детей,[6] воз рекомендует им должен быть передан на попечение монастыря. Своевременное видение, в котором ей являются Флора и Мария, укрепляет ее цель.

[1] Там же., ii. глава x., разделы 1, 2.

[2] См. ниже, стр. 72.

[3] Аврелий был пробужден от своего религиозного притворства, увидев страдания Иоанна. См. Панегирик., "Mem. Sanct.", ii. с. x., раздел 5.

[4] Там же., с. 18.

[5] Это привело бы нас к предположению, что смелость некоторых подвела.

[6] Евлогий комментирует:"О божественный пыл восхищения, о филиорум аффектус респуитур!" Родители не только бросают своих детей, но и раздают большую часть своего имущества бедным, тем самым увеличивая число своих собственных детей.

Тем временем иностранный монах из Вифлеема, который, будучи послан по делам, связанным с его монастырем, в Африку, пересек границу Испании, движимый царившим там диким

энтузиазмом, решил предложить себя в качестве кандидата на мученическую смерть вместе с четырьмя вышеупомянутыми людьми.

Затем они вместе советуются, как им лучше всего осуществить свою цель, поскольку, очевидно, им было достаточно трудно принять мученическую смерть для себя, чтобы показать, что заявления апологетов о том, что бушевали жестокие преследования, были, по крайней мере, сильно преувеличены, если не совсем безосновательны. Принятый план, который разработчики дерзко приписали внушению Бога,[1] заключался в том, что женщины должны были выйти в непокрытом виде и торопливыми шагами направиться к церкви в надежде, что такое необычное зрелище привлечет к ним внимание и приведет к аресту всех присутствующих. Все вышло так, как хотелось, и все они предстали перед судьей и были допрошены с обычным результатом, за исключением того, что судья в этот раз уволил их с презрительным гневом.[2] Но Джордж, разочарованный своим неподобающим милосердием, когда их уводили, разразился словами:[3] "Разве вы не можете спуститься в ад, не попытавшись затащить за собой и нас туда в качестве ваших спутников?"

Эта бессвязная ругань, естественно, привела солдат в ярость, поскольку, без сомнения, так и должно было быть. Соответственно, пленников снова потащили к кади, который мягким тоном упрека спросил их, почему они отказались от веры ислама,[4] и отказался жить, пообещав им в то же время большие награды, если они снова станут мусульманами. После их отказа их заключили под стражу на два дня, которые показались им очень долгими, так сильно они хотели умереть. Они проводят время за пением гимнов и благословлены посещениями ангелов и чудесными знамениями. С них спадают цепи, и тюремщики не осмеливаются снова связать тех, кого освободил Сам Христос.[5] Власти, сейчас, как всегда, стремясь по возможности избежать суровых наказаний, решают освободить Джорджа, потому что они сами этого не сделали[6] услышали его богохульство. Он срывает их милосердное намерение, повторяя свои слова на месте, и, соответственно, его выводят вперед и обезглавливают вместе с остальными (27 июля 852 г.).

В течение месяца Кристофер,[7] монах из Роханы арабского происхождения и Леовигильд, монах из Фраги, оба находятся недалеко от Кордовы, казнены за одно и то же преступление и одним и тем же способом, их мертвые тела прибиты гвоздями к кольям. Выходя подышать воздухом в своем дворце,[8] король увидел эти тела и приказал сжечь их, а пепел развеять в реке. Той же ночью Абдуррахмана II. сразил апоплексический удар, и друзья мучеников приветствовали это как явный суд с Небес.

[1] Хвалебная речь., "Мем. Святилище", ii. сек. 27. "*Omnes in cornmuni coepimus cogitare quomodo ad desideratum perveniremus coronam: et ita Domino disfiensante visum est nobis ut fugerent sorores nostrae revelatis vultibus ad ecclesiam si forte nos alligandi daretur occasio, et ita factum est.*"

[2] *Ibid.*."

[3] Там же., с. 30. "Не потеряется ли адская клаустрофобия, ни в коем случае не нарушается ли жизнь?" *Numquid sine nobis aeterna vos cruciamina non adurent?*"

[4] Там же., с. 31.

[5] Хвалебная речь., "Мем. Святилище", с. 32.

[6] Там же., с. 33. "Ipsi optimates et priores palatii." Джордж, будучи иностранцем, не мог быть обвинен в вероотступничестве, как другие.

[7] Там же., ii. с. xi. "Юлийская жизнь Альвара", iv. 12.

[8] О "великолепном солярии", Eul., "Mem. Sanct.", с. ii. sec. 2. См. Ортис, "Сборник", iii. 52 (apud Buckle, ii. 442, прим.) "En lo mas cruel de los tormentos subió Abderramen un dia á las azutens ó galerias de su Palacio. Descubrió desde alli los cuerpos de los Santos marterizados en los patibulos y atravesados con los palos, mandó los quemasen todos paraque no quedase reliquia cumpliósse luego la órdsa; pero aquel impio probó bien presto los rigores de la venganza divina que volviá por la sangre derramada de sus Santos. Improvisamente se le pegó la lengua al paladar y fauces: cerróssle la boca, y no pudo pronunciar una palabra, ni dar un gemido. Conduxeronle, sus criados á la cama, murio aguella misma noche, y antes de apagarse las hoqueras en que ardian los santos cuerpos, entró la infeliz alma de Abderramen en los etemos fuegos del infierno."

Ему наследовал Мухаммед I. (852-886), менее способный и более фанатичный правитель, чем его отец. Едва он взошел на трон, как Эмила, дьякон, и Иеремия, священник церкви Святого Киприана близ Кордовы, следуя по стопам стольких предшественников, предстали перед кади и оскорбили Мухаммеда, причем первый мог сделать это тем более осмысленно и действенно, что был в замечательной степени знатоком арабского языка.[1] Эмила и Иеремия получили желанный приз и были казнены (15 сентября 852 года). Обычное чудо произошло после казни, описывая которую благочестивый Евлогий переходит на размер, говоря: "Athletas cecidisse pios elementa fatentur".

На следующий день произошло такое безобразие, что самые фанатичные партизаны-мученики, должно быть, покраснели, вспоминая об этом. Два евнуха, Рогель, монах из Парапанды, недалеко от Эльвиры, и Сервио Део, евнух иностранного происхождения, ворвались в мечеть и, проповедуя — как они сказали — собравшимся прихожанам, поносили своего Пророка и свою религию. [2] Будучи атакованными и почти разорванными на куски разъяренной паствой, они были спасены Кади, который заключил их в тюрьму до тех пор, пока не будет объявлен их приговор. Они были приговорены к отрубанию рук и ног и обезглавливанию; этот приговор был приведен в исполнение.[3]

[1] Хвалебная речь., "Mem. Sanct," ii. с. xii. Арабский может похвастаться большим словарным запасом ругательств, чем большинство языков: смотрите отчет Безант о смерти профессора Палмера в "Его жизни".

[2] Там же., с. xiii. секунды 1, 2.

[3] Eul. (1.1), adds: "Et ipsa gentilitas tali spectaculo stupefacta nescio quid de Christianismo indulgentius sentiebat."

После этой новой провокации ярость и опасения короля не знали границ. Его вполне можно было бы простить за то, что он думал, что это пренебрежение законами и религиозный фанатизм могли означать только широко распространенное недовольство и заговор против мусульманского правления. На самом деле, как мы увидим, христиане Толедо именно в это время подняли знамя восстания в пользу своих кордовских братьев. Таким образом, Мухаммед, по-видимому, замыслил настоящее преследование, которое должно было искоренить христианство в его владениях.[1] Говорят, что он даже отдавал приказы о всеобщей резне

мужчин среди христиан и о рабстве или, что еще хуже, о женщинах, если они не отступали.[2] Но беспристрастный совет его советников спас короля от этого преступления. Они указывали, что ни один человек какого-либо ума, образования или ранга среди христиан не принимал участия в деяниях zelotim и что не следует истреблять все христианское сообщество, поскольку их действиями не руководил какой-либо отдельный лидер. Другие советники, по-видимому, отвлекли короля от его плана массовой резни, поощряя его к законным действиям против христиан с максимальной строгостью и таким образом заставить их подчиниться.[3]

Эти решительные меры, по-видимому, возымели некоторый эффект, поскольку за девять месяцев не было зарегистрировано никаких других казней; когда Фандила, священник Табаноса,[4] и выбранный монахами монастыря Святого Сальватора в качестве одного из своих духовных надзирателей, выступил вперед и оскорбил Пророка, после чего он был заключен в тюрьму и впоследствии обезглавлен (13 июня 853 г.). Его судьба пробудила дремлющий фанатизм Анастасия,[5] священника церкви Святого Ацилуса; Феликса, газтульского монаха из Алькала-де-Энарес; и Дигны, девственницы из женского монастыря Святой Елизаветы в Табаносе (последняя укрепила в своей решимости благодаря небесному видению), которая, следуя обычному плану, обезглавливаются на следующий день; их примеру следует Бенилдис, матрона (15 июня).[6]

[1] Хвалебная речь., "Mem. Sanct," ii. c. xii. "Non iam solummodo de mortibus resistentium sibi excogitare coepenint, verum etiam totam extirpare ecclesiam ruminarunt. Quoniam nimio terrore tot hominum recurrentium ad martyrium concussa gentilitas regni sui arbitrabatur imminere excidium, cum tali etiam praecinctos virtute parvulos videret." Аналогичный проект приписывается (без сомнения, ошибочно) Абдуррахману.

[2] *Ibid.*, iii. c. vii. sec. 4. "lusserat enim omnes Christianos generali sententia perdere, feminasque publico distractu disperdere." Cp. also Alvar, *Life of Eul.*, iv. 12. "Rex Mahomad incredibili rabie et effrenata sententia Christicolum genus del ere funditus cogitabat."

[3] Там же. "Multi insaniam modificare nitentes per trucem voluntatis iniquae officium diversis et exquisitis occasionibus gregem Christi impetere tentaverunt."

[4] Там же. iii. c. vii. c. 1, 2. Флери, ст. 520, говорит, что он был монахом из Гвадикса.

[5] Там же., глава viii. секунды 1, 2.

[6] Хвалебная речь., "Mem. Святое", iii. глава ix.

Монастыри Табаноса наполнились таким количеством фанатиков, что правительство теперь подавило это место, удалив монахинь и заперев их, чтобы помешать другим сдаться.[1] Однако одна из них, Колумба,[2] сестра Элизабет и аббата Мартина, ухитрилась сбежать. Эта Колумба упорно оставалась девственницей, несмотря на попытки ее матери заставить ее выйти замуж, которые прекратились только после смерти матери. Теперь она сдалась и была обезглавлена (17 сентября).

Всего месяц спустя Помпозу,[3] из монастыря Святого Сальватора, Пегнамеллар, постигла та же участь. Затем в этих казнях наступила пауза, которая не прерывалась до 11 июля следующего года, когда священник Абундий принял мученическую смерть. Похоже, он действительно

заслужил имя мученика, ибо был выдан властям предательством других,[4] и не искал мученичества.

Прошел еще один аналогичный период, прежде чем Аматор, священник Туччи (Техада); Петр, монах из Кордовы; и Людовик, брат Павла, диакона, обезглавленного четырьмя годами ранее, разделили ту же участь (30 апреля 855 г.).[5]

Спустя почти год Витесинд, раскаявшийся отступник; Элиас, старый священник Лузитании; и Павел и Исидор, молодые монахи, предались казни[6] (17 апреля 856 г.) В июне того же года более почтенная жертва, такая как Абундиус, была предана на погибель. Это был Аргимирус, старый монах, бывший цензор Кордовы (28 июня).[7] Ровно месяц спустя Аурея, девственница и сестра братьев Джона и Адульфа, о мученической смерти которых уже упоминалось, предстала перед мировым судьей. Происходившая из одной из благороднейших арабских семей,[8] ее долгое время не трогали, хотя о ее отступничестве от христианства было хорошо известно. Теперь она была напугана до временного подчинения; но вскоре, раскаявшись в своей уступчивости и признав себя истинной христианкой, она обрела мученический венец (29 июля).

[1] Итак, мисс Йонг.

[2] Хвалебная речь., "Mem. Святое", III. с. х. сек. I, 2.

[3] Там же., с. xi.

[4] Там же., глава xii. "Quorundam commento vel fraude gentilium ad martyrium furore pertractum."

[5] Там же., глава xiii.

[6] Там же., сс. xiv. xv.

[7] Хвалебная речь., "Mem. Sanct.," iii. с. xv., "Quorundam ethnicorum dolo vel odio circumventus."

[8] Там же., xvii. с. I, "Grandi fastu Arabicae traducis exornabatur."

Следующий пример представляет собой аналогичный пример реального преследования. Рудерик,[1] священник, брат которого был мусульманином, неосмотрительно вмешался в качестве миротворца в ссору, в которой был замешан его брат. Обычная судьба миротворцев заключалась в том, что на него напали обе стороны и чуть не убили. На самом деле его брат решил, что он совершенно мертв, и приказал пронести тело по городу, объявив, что его брат стал мусульманином перед своей смертью.[2] Однако Рудерик выздоровел и совершил побег, но, будучи вынужден вернуться в Кордову, встретился со своим братом, который немедленно предстал перед Кади по обвинению в вероотступничестве. Ему были обещаны его жизнь и свобода, если он только признает, что Христос был всего лишь человеком, а Мухаммед - посланником Бога. После отказа его сажают в тюрьму, и он находит в тюрьме некоего Саломона, также обвиняемого в отступничестве от ислама. Двое сокамерников завязывают большую дружбу и, следовательно, разлучаются. После третьего увещевания их приговаривают к смертной казни, но не раньше, чем судья сделает все возможное, чтобы подкупить их, чтобы они отказались от своей цели, предложив почести и награды.[3] Они были казнены 13 марта 857 года, а их тела брошены в реку — даже камни, окропленные их кровью, были подняты и брошены в воду, чтобы христиане не сохранили их как реликвии. Тело Рудерика было выброшено на берег свежим, как после убийства; в то время как Саломону, которому повезло

меньше, он сообщил набожному христианину в видении, где его тело лежало в зарослях тамариска недалеко от города Нимфианум.

До сих пор пособник этих мученичеств сам ухитрялся избегать наказания, к которому он призывал других. Было ли это вызвано каким-либо недостойным страхом смерти с его стороны, неясно, но, возможно, это было вызвано уважением, с которым к нему относились мусульманские власти. Среди них он был хорошо известен как человек с безупречным характером и непритворным благочестием, и несколько арабов высокого ранга, которые были его личными друзьями, проявили желание оградить его от последствий его безумия. Евлогий[4] происходил из сенаторской семьи Кордовы и получил образование в церкви Святого Зоила, где посвятил себя церковным наукам и вскоре превзошел в обучении своих современников. Вместе со своим другом Альваром он сидел у ног Сперандео, выдающегося настоятеля провинции Бетика. Помимо сестры Ануло, у Евлогия было два брата, занимавшихся торговлей, и еще один брат, Иосиф, который, по-видимому, служил в правительстве.[5]

[1] Хвалебная речь., "Библиотека. Апол.," с. 21 и далее.

[2] Итак, инквизиторы в Испании делали вид, что их жертвы отреклись от своих ошибок перед сожжением.

[3] Eul., Библиотека. Апол., с. 27.

[4] Жизнь Альвара, с. i. раздел 2.

[5] Eul. ad Wiliesindum, с. 8, "Иосиф, кто виноват в тираническом возмущении во время главного суда": если только это не метафорический намек на Иосифа в Египте.

Евлогий рано прославился своей практикой аскетизма и стремлением к монашеской жизни,[1] и славой мученичества. Когда власти совместно с Реккафредусом, епископом Севильи, предприняли решительные меры по искоренению мании мученичества угрозами, побоями и тюремным заключением, хотя многие были напуганы до покорности, Евлогий, по словам Альвара,[2] оставался непреклонным, несмотря на то, что его выделили как "incentor martyrum" одним из некий Гомес, который был христианином-выжидателем на службе у короля.[3]

[1] "Жизнь Альвара", раздел 3, "Не добродетельная анимия, которая восстанавливает силы, а частичка человеческой души, могучая сарцина".

[2] "Hic inadibilis (=твердый) nunquam vacillare vel tenui est visus surro".—Жизнь Альвара, раздел 5.

[3] Этот человек, говорит Алвар, раздел 6, по божьему приговору утратил свою приверженность христианской вере, на которую он, таким образом, постеснялся нападать. См. ниже, стр. 72.

Нет никаких сомнений в том, что Евлогий делал все, что мог, чтобы вмешаться и остановить то слияние христиан и арабов, которое, как он видел, происходило вокруг него. Полагая, что такие тесные отношения между народами ведут к духовной деградации христианства, он намеренно стремился усугубить эти отношения и, насколько мог, сделать невозможным хорошее взаимопонимание. Чтобы воспрепятствовать изучению арабского христианами, он привез с собой из путешествия в Памплуну классические произведения Вергилия, Горация (Сатиры), Ювенала и "О гражданстве божьем" Августина.

В то время, когда произошли эти мученические смерти, Евлогий был священником, но по какой-то причине он пытался воздержаться от служения мессы на том основании, что сам был великим грешником.[1] Однако его духовный начальник[2] (? Савл, епископ Кордовы) вскоре заставил его взглянуть на вопрос иначе, пригрозив ему анафемой если он и дальше будет пренебрегать своим долгом. Выступая как видный сторонник крайней партии в Церкви, он был заключен в тюрьму в 851 году, где написал трактаты в пользу мучеников, и был освобожден, как мы видели, благодаря заступничеству Флоры и Марии 29 ноября того же года.

[1] Он признает свою "вину", глава i. раздел 7. Возможно, он был заражен одной из "мигетских ошибок" прошлого столетия, которая заключалась в том, что "священники должны быть святыми". Савл, епископ Кордовы (850-861), в письме другому епископу (Флорез, xi. 156-163) с неодобрением относится к тем (? Евлогий), который считал, что "*sacramenta tunc esse solum modo sancta, cum sanctorum fuerint manibus praelibata*"; и он цитирует Августина и Исидора против этой ошибки.

[2] Собственный Понтифик.

В 858 году,[1] после смерти Вистремируса он был избран голосами народа[2] его преемником на посту епископа из Толедо; но по какой-то причине, возможно, из-за вмешательства мусульман, ему помешали занять свой престол. Тогда народ решил не иметь епископа, если они вообще могут его не иметь.[3] Однако, добавляет благочестивый Альвар, он все-таки получил свое епископство, ибо "все святые люди - епископы, хотя и не все епископы святые люди".

[1] "Жизнь Юлия", Альвар, ii. с. 10.

[2] "Communis electio".

[3] Флери, v. 547, говорит, что при жизни Евлогия был избран другой епископ; но слова Альвара - "*Alium sibi eo vivente interdixerunt eligere*".

В следующем году он снова был заключен в тюрьму как нарушитель общественного спокойствия, но, как и в прошлый раз, ему было разрешено поддерживать и ободрять Флору и Марию, так и теперь ему было разрешено закончить в тюрьме книгу в защиту мучеников,[1], которая имела прямую тенденцию побуждать других поступать так же. Повод для второго заключения Евлогия был следующим:—Леокрития, девушка арабского происхождения и благородного происхождения,[2] была тайно крещена Лилиозой, женой Феликса. Ее родители, узнав о ее отступничестве, жестоко обращались с ней и даже избивали, чтобы заставить ее отречься от Христа. Естественно, она обратилась к Евлогию и его сестре Ануло за советом в своих горестях, выразив желание сбежать в ту часть Испании, где христианское богослужение было бесплатным. В качестве первого шага к этому она покидает своих родителей под предлогом того, что собирается на свадьбу, и находит убежище у Евлогия. Ее родители, разъяренные ее побегом, сажают в тюрьму самых разных людей по обвинению в пособничестве ей; и в конце концов ее предают и заставляют врасплох в доме ее защитника. Их обоих тащат к кади, который сердито спрашивает Евлогия, почему он упорствует в нарушении законов таким образом.[3] Епископ защищает себя, ссылаясь на то, что христианское духовенство обязано делиться знаниями о своей религии, если его попросят, как это сделала Леокрития.[4] Затем судья угрожает подвергнуть его бичеванию, но Евлогий, предпочитая смерть столь болезненному и унижающему достоинство наказанию, повторяет урок, который он преподавал

столь многим другим, и поносит Мухаммеда. Тем не менее судья проявляет склонность относиться к нему снисходительно, и его отправляют в тюрьму вместе с Леокритией.

Когда он снова предстает перед королевским советом, [5] влиятельный друг предпринимает последнюю попытку спасти его, говоря: "Дураки и идиоты бросаются навстречу собственной гибели, но что побуждает тебя, человека признанной мудрости и безупречного характера, вопреки всем естественным инстинктам, расставаться со своей жизнью таким образом?" Он убеждает Евлогия сказать только одно слово уступки в час опасности, обещая, что впоследствии он будет свободен исповедовать свою религию так, как ему заблагорассудится, без каких-либо препятствий. Но епископ теперь едва ли мог повернуть назад и отверг все подобные предложения, воскликнув: "Если бы они только знали, какая радость ожидает нас на небесах!"

[1] См. Панегирик, Письмо Альвару Флорезу, xi. 295.

[2] Альвар, "Жизнь хвалебная", i, с. 13.

[3] Альвар, "Хвалебная жизнь", главы 14, 15.

[4] Этот вид прозелитизма не рассматривался мусульманами как тяжкое преступление. См. Dozy, ii. 171.

[5] Альвар, "Жизнь Юлия", v. с. 15. Флери против 548.

По пути на казнь, когда один из случайных прохожих ударил его по одной щеке, он покорно подставил другую нападающему. Он был обезглавлен 11 марта 859 года, а Леокрития - четыре дня спустя. Чудесные явления почтили тело епископа-мученика, которое было похоронено в церкви Святого Генезия, откуда в следующем году оно было перенесено в его собственную церковь Святого Зоила, а в 883 году было передано вместе с телом Леокритии Альфонсо III. (866-910) по прямому соглашению.

ГЛАВА V.

СПОР О МУЧЕНИКАХ.

Со смертью Евлогия череда добровольных мученических смертей подходит к концу, и на этом этапе будет удобно рассмотреть весь вопрос об отношении Церкви к гражданской власти и о том, в какой степени те "исповедники", которые были преданы смерти при обстоятельствах, о которых уже говорилось, имели право называться мучениками. К сожалению, имеющиеся у нас свидетельства по этому вопросу почти полностью взяты у апологетов их деяний, и поэтому их справедливо можно заподозрить в некоторой предвзятости. Однако даже из них можно достаточно убедительно показать, что в то время в мусульманской Испании не свирепствовали настоящие преследования, которые могли бы оправдать крайние меры, принятые партией zelотов.

Если не считать случаев с Джоном и Адульфом, а также с Нунило и Алодией, дата которых сомнительна, нет ни одного зарегистрированного случая, когда арабы в Испании казнили христианина за его религию до середины IX века. Музарабы, [1] так называли христиан, живших

при арабах, пользовались замечательной степенью свободы в отправлении своей религии — службы и обряды Церкви проводились, как и прежде.[2] Только в Кордове мы находим упоминания о следующих церквях:[3] Церковь святого Ацилуса, бывшего мученика Кордовы; святого Зоила; святого трех мучеников — Фауста, Януария, Марциала; святого Киприана; св. Генезия и Евлалии; и Девы Марии.

[1] Де Гаянгос в "Аль-Макк", стр. 420, говорит, что это слово означает "тех, кто пытается подражать арабам в манерах и языке".

[2] Хвалебная речь. Письмо Альвару. После смерти Флоры, по его словам, он провел девятый час в молитве, затем "auctis tripuccliis, vespertinum, matutinum, missale sacrificium consequenter ad honorem (Dei) et gloriam nostrarum virginum celebravimus".

[3] Флорес, х. 245.

О последнем из них есть интересный рассказ арабского писателя, умершего в 1034 году.[1] "Однажды я вошел ночью, - говорит он, - в главную христианскую церковь. Я нашел все это усыпанным зелеными ветвями мирта и засаженным кипарисами. Звон колоколов раздавался в моих ушах; сияние бесчисленных ламп ослепляло мои глаза; священники, одетые в богатые шелковые одежды ярких и причудливых расцветок и подпоясанные поясными шнурами, подходили, чтобы поклониться Иисусу. Каждый из присутствующих согнал веселье со своего лица и изгнал из головы все приятные мысли; и если они направляли свои шаги к мраморной купели, то только для того, чтобы сделать глоток воды тыльной стороной ладони. Затем священник поднялся, встал среди них и, взяв в руки кубок с вином, приготовился освятить его: он приложился к напитку своими пересохшими губами, губами, такими же темными, как смуглые губы прекрасной девушки; аромат его содержимого пленил его чувства, но когда он попробовал восхитительный напиток, сладость и аромат, казалось, захватили его ". Выходя из церкви, араб с истинно арабской легкостью импровизировал несколько стихов следующего содержания: "Клянусь Господом милосердным! этот Божий особняк пропитан запахом неферментированного красного ликера, столь приятным для молодежи. Именно к девушке были обращены их молитвы, именно ради нее они надели свои веселые туники, вместо того чтобы унижаться перед Всевышним". Ахмед также говорит: "священники, желая, чтобы мы подольше оставались среди них, начали петь вокруг нас со своими книгами в руках; каждый негодяй протягивал нам ладонь своей иссохшей руки (со святой водой), но они были даже подобны летучей мыши, чья безопасность заключается в его ненависти к свету; предлагая нам все, что могли себе позволить, - пить молодое вино или есть свиное мясо". Это повествование во многих отношениях очень характерно для арабского писателя, который не почувствовал бы неуместности иллюстрации на подобную тему, взятой из "уст служанки", или неуместности упоминания свиного мяса. Но этот рассказ заслуживает внимания по другим причинам, поскольку он показывает, как мало даже наиболее умные мусульмане понимали церемонии религии, которую они завоевали, хотя им можно было бы простить то, что они думали, что христиане поклонялись Деве Марии, как потому, что сам Мухаммед впал в ту же ошибку, так и потому, что, вероятно, Римская церковь и ее приверженцы уже начали оказывать ей идолопоклонническое почитание.

Главной церковью Кордовы во времена конкисты, по-видимому, была церковь Святого Винсента. О взятии города,[2] Христианам пришлось уступить половину его арабам, любопытная договоренность, но применяемая сарацинами в других местах. В 784 году христиане были вынуждены продать свою половину за 100 000 динаров, и ее снесли, чтобы освободить место для Большой мечети.[3] В 894 году мы узнаем, что кордовцам было разрешено построить новую церковь.

[1] Ахмед ибн Абдильмалик ибн Шохейд, Аль-Макк., глава 246. Я цитирую перевод Де Гаянгоса.

[2] Де Гаянгос в Аль-Макке, стр. 368, говорит, что собор сначала был гарантирован христианам. Некоторое время спустя после 750 года им пришлось уступить половину из них; в 784 году они были вынуждены продать другую половину, а взамен им разрешили восстановить разрушенные церкви. О "церкви сожженных" см. Выше, стр. 29, примечание 1.

[3] Это не было закончено до 793 года. Первоначальное сооружение стоило 80 000 динаров. Несколько халифов достроили его, и только Хакем II (961-976) потратил на него 160 000 динаров.

Помимо них в стенах Кордовы было десять или двенадцать монастырей и церквей в непосредственной близости от Кордовы: среди них монастырь Святого Христофора, знаменитый монастырь Табаноса, упраздненный, как упоминалось выше, в 854 году;[1] монастыря Святого Феликса во Фрониано, святого Мартина в Рояне, Девы Марии в Кутекларе, Святого Сальватора в Пегнамеллар; и церкви СС. Юстуса, пастора и святого Себастьяна.

Мы привели названия этих церквей и монастырей[2] в Кордове или около нее, как для того, чтобы показать, насколько они были многочисленны, так и потому, что из той или иной из них вышли почти все самопожертвованные мученики, заявления о которых мы собираемся рассмотреть. За исключением случаев, подобных вышеупомянутому, христианам не разрешалось строить новые церкви,[3] но, учитывая уменьшение числа христиан вследствие завоевания и отступничества очень многих, это нельзя считать большим испытанием. Более того, было предписано, что христианские церкви должны быть открыты как для мусульман, так и для христиан, хотя во время совершения мессы, по-видимому, они должны были оставаться закрытыми. Мечети никогда не должны были быть осквернены шагом неверного.[4]

[1] Dozy, ii. 162.

[2] Монастыри были основаны в Испании за 150 лет до сарацинского завоевания. В основном им плохо жилось от рук арабов, несмотря на предписания халифа Абубекера (см. Конде, i. 37, и Гиббона), но Лорбан в Коимбре получил благоприятную хартию в 734 году (Флери, v. 89; но Данхэм, ii. 154, сомневается в подлинности хартии).

[3] Ср. условие Омара при падении Иерусалима.

[4] См. Хартию Коимбры, апуд Флери, v. 89.

Религиозное брожение, которое так сильно проявилось в Кордове, не распространилось на другие части Испании. Например, в Эльвире, колыбели испанского христианства, вскоре после кордовской мученической смерти (в 864 году) мечеть, основанная в год завоевания и остававшаяся незастроенной в течение 150 лет, была окончательно достроена. То, что мы слышим о христианах в Эльвире в это время, не делает им чести, поскольку их епископ Сэмюэль

печально известен как больной печенью.[1] Именно в Кордове сосредоточен основной интерес в этот период; и Кордове мы пока ограничим наше внимание.

Имеется множество свидетельств того, что партия энтузиастов, как тех, кто принес себя в жертву мученичеству, так и тех, кто помогал своим более импульсивным собратьям, была сравнительно небольшой группой в Испанской Церкви; и что их действия вызвали не что иное, как смятение в умах более здравомыслящей части христианской общины, как в арабской части Испании, так, возможно, в меньшей степени, на свободном Севере.[2] Главными лидерами партии zelotes — насколько мы находим упоминания о них — были Савл, епископ Кордовы (850-861), Евлогий и Самсон, настоятель монастыря Пегнамеллар; в то время как Реккафредус, епископ Севильи, и Хостегесис из Малаги, были видными священнослужителями с другой стороны. сторона.

[1] Ибн Хатиб, апуд Дози, ii. 210.

[2] Йонг, стр. 63.

Прежде чем рассказать о том, какие шаги последний предпринял совместно с мусульманскими властями для подавления опасной вспышки фанатизма, будет интересно отметить, каково было отношение различных секций Церкви к заблудшим людям, которые отдали себя смерти, и их притязаниям на мученический венец. Те, кто отрицал обоснованность этих утверждений, основывали свое утверждение на том основании, что так называемые мученики сами довели себя до гибели, поскольку в то время не было никаких преследований; что они не творили чудес в доказательство своих высоких притязаний; что они были убиты людьми, которые верили в истинного Бога; что они умерли легкой и немедленной смертью; и что их тела разложились, как у других людей.

Это было злоупотреблением словами, заявила партия умеренных, называть этих самоубийц святым именем мучеников, когда никакое насилие на высоких постах не заставило их отречься от своей веры,[1] или вмешиваться в их надлежащее соблюдение христианства. Это был всего лишь акт показной гордости — а гордыня была корнем всего зла — навлекать на себя опасность. Такое поведение никогда не предписывалось Христом и было совершенно чуждо кротости и смирению Его характера.[2]

Они могли бы добавить, что такие добровольные мученичества были недвусмысленно осуждены,

(а.) Циркулярным письмом Смирнской церкви к другим церквям, описывающим мученическую смерть Поликарпа в следующих выражениях: "Мы не одобряем тех, кто жертвует собой по собственной воле, ибо Евангелие учит нас не этому":[3]

(род.) Святого Киприана,[4] который, когда предстал перед консулом и был допрошен, сказал: "Наша дисциплина запрещает, чтобы кто-либо приносил себя в жертву по собственной воле"; и в своем последнем письме он говорит: "Пусть никто из вас не приносит себя в жертву язычникам, достаточно, если он скажет при задержании:"

(ок.) Климент Александрийский: "Мы также обвиняем тех, кто спешит на смерть, ибо есть некоторые, не из нас, но только носящие то же имя, которые сдаются сами":[5]

(ум.) Косвенно синодом Эльвиры, или Иллибериса (около 305 г.), один из канонов которого запрещал причислять его к лику мучеников, убитых на месте за разбитие идолов:

(е.) Менсурием, епископом Карфагенским, который, когда с ним консультировались по вопросу сокращения огромных списков признанных мучеников, высказал мнение, что в первую очередь следует исключить тех, кто домогался мученической смерти.[6] Только один епископ, и он покойный, Бенедикт XIV. Рим,[7] осмелился одобрить то, что осудила Церковь. И это не единственный случай, когда Римская церковь отменила решения более раннего христианского мира.

[1] Eul., "Mem. Sanct.," i., sec. 18, "Quos nulla praesidialis violentia fidem suam negare compulit, nec a cultu sanctae piaeque religionis amovit:" sec. 23, "Quos liberalitas regis suum incolere iusserat Christianismum."

[2] Цитирую такие тексты, как Матф. ст. 44: "Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас": Пет. ii. 23: "Подчиняйтесь всякому постановлению человека ради Господа".

[3] Евсевий iv. 15. См. Неандер, i. стр. 150. (167 г. н.э.)

[4] Погиб 258.

[5] См. статью Лонга "М. Аврелий Антонин", Вступление, стр. 21.

[6]"История христианской церкви" Бертона, стр. 336.

[7] 1740-1748: в его "О служении беатификации и канонизации блаженных", Вк. iii. 16, с. 7. Флери, v. 541.

Обвинения против zelotim были двоякими: в том, что не было никаких преследований, достойных этого названия, которые могли бы оправдать их деяния, и в том, что сами эти деяния противоречили учению и духу христианства. Последняя часть обвинения уже рассматривалась и может считаться обоснованной. Что касается другой части, то апологеты, надо признаться, отвечают весьма неуверенно. Иногда, действительно, они категорически отрицают это:[1] "как будто, - говорит Евлогий, - разрушение наших церквей",[2] оскорбления обрушившийся на наше духовенство ежемесячный налог,[3], который мы платим, опасности тяжелой жизни, прожитой на пособие, - ничто ". Постоянно упоминаются эти оскорбления. "Никто, - говорит тот же автор,[4] "никто не может выйти или войти к нам в безопасности, никто не может пройти мимо группы мусульман на улице, не подвергнувшись оскорблению. Они издеваются над пометками[5] нашего заказа. Они улюлюкают и называют нас дураками и тщеславными. Даже дети глумятся над нами и даже бросают камни и черепки в священников. Звук церковного колокола[6] никогда не перестает вызывать у слушателей-мусульман самые грязные и богохульные выражения. Они даже считают осквернением прикасаться к одежде христианина". Альвар добавляет, что мусульмане сыпали проклятиями, когда видели крест,[7] и когда они становились свидетелями погребения по христианским обрядам, громко говорили: "Не прояви к ним милосердия, о Боже", бросали камни в народ Господа и оскверняли их уши самыми грязными оскорблениями.[8] "И все же, - возмущенно восклицает он, - вы говорите, что сейчас не время гонений; отвечаю, это не время апостолов. Но я утверждаю, что это смертельно опасное время[9] ... разве мы не согнулись под ярмом рабства, не обременены невыносимыми

налогами, не разорены на наши товары, не избиты бичами жестокого обращения, не стали притчей во языцех, да, зрелищем для всех народов?"[10]

[1] Eul., "Мет. Святилище", i. c. 21: Альвар, "Инд. Лум.", с. 3.

[2] Там же; и Альвар, "Ind. Lum.", раздел 7.

[3] Леовигильд, "De habitu Clericorum". "Migne", 121, стр. 565.

[4] Eul., l.l.

[5] Стигматы.

[6] Альвар, "Указ. соч.", раздел 6, "Насмешки и современность над подушевыми движениями инфанды и ее конгеминантов". Он добавляет: "День и ночь со своих минаретов они поносят Господа, взывая к Аллаху и Мухаммеду!" Eul., "Lib. Ap.", с. 19, признается, что, услышав их призыв к молитве, он всегда цитировал Псалом xcvi. 7: "Посрамлены будут все, кто поклоняется резным изображениям" — весьма неуместное проклятие применительно к мусульманам.

[7] Альвар, л.л., "Символ веры, осуждающий обесцвечивание кожи".

[8] "Spurcitiarum fimo".—Там же.

[9] "Мортиферум".— "Ind. Lum.", раздел 3.

[10] Альвар, "Ind. Lum.", с. 31, дает нам очень жестокую картину мусульманского характера: "Sunt in superbia tumidi, in tumore cordis elati, in delectatione carnalium operum fluidi, in comestione superfluii ... sine misericordia crudeles, sine iustitia invasores, sine honore absque veritate, benignitatis nescientes affectum ... humilitatem velut insaniam deridentes, castitatem velut spurcitiarum respuentes."

В том, что в обществе имело место определенное жестокое обращение и что низшие классы мусульман не прилагали никаких усилий, чтобы скрыть свою неприязнь и презрение к таким христианским верованиям и обрядам, которые расходились с их собственным вероисповеданием, и, более того, относились к священникам и монахам с особой неприязнью, сомневаться не приходится. Но, с другой стороны, нет недостатка в доказательствах того, что положение христиан ни в коем случае не было таким плохим, как нас заставляют предполагать апологеты. Мелкие неприятности не могли не существовать нигде при таких обстоятельствах, какие действительно существовали в Испании в то время, и мы можем быть уверены, что христианские священники, в частности, не вели себя с тем смирением, которое могло бы смягчить эти неприятности. Организованной оппозиции христианству, если только мусульманское правление само по себе можно назвать таковым, не было до тех пор, пока оно не было вызвано к жизни действиями самих фанатиков. Но помимо всех других фактов, которые указывают на этот вывод, мы можем призвать самих апологетов в доказательство того, что во времена первых мученичеств не было настоящих гонений.

Евлогий[1] признает, что христианам не позволяли и не препятствовали свободному исповеданию их религии, говоря, что такое положение вещей[2] произошло не из-за снисходительности (точно!) мусульман, но по Божественной милости. Алвар тоже в отрывке, который, кажется, противоречит всей позиции, которую он пытается защитить, говорит[3]: "Хотя

многие были жертвами преследований, очень многие другие — и вы не можете этого отрицать — принесли себя в добровольную жертву Господу. Разве не ясно, что не арабы начали преследования, а мы начали проповедовать? Прочтите историю мучеников, и вы увидите, что они добровольно бросились навстречу своей судьбе, не ожидая приказов преследователей или ловушек доносчиков; да, и — что является столь сильным обвинением против них — что они истощили терпение своих правителей и принцев оскорблением за оскорблением".[4]

[1] "Память. Святилище", i. с. 29.

[2] А именно: "Вопрос между ипсосом и молестией фидея дегимуса".

[3] "Ind. Lum.," раздел 3.

[4] "Fatigasse praesides et principes multis contumeliis."—*Ibid.*

Что касается другой части обвинения, что добровольные мученики не были мучениками, Евлогий мог только выступить против Священных Писаний, цитируемых его оппонентами,[1] и сослаться на морально слепых, которые делают зло своим добром и принимают тьму за свой свет;[2] в то время как он привел высказывание некоторых мудрецов о том, что "те мученики будут занимать первое место в небесных отрядах, которые пошли на смерть без приглашения".[3]

Он также пытался защитить практику поношения Мухаммеда, ссылаясь на то, что был разрешен экзорцизм против дьявола, что достаточно нелепо; но Альвар идет дальше и спокойно уверяет нас, что эти оскорбления и поношения пророка были всего лишь формой проповеди[4] бедным невежественным мусульманам, наивно отмечая, что Священные Писания подтверждают, что Евангелие Христа было всего лишь формой проповеди. Это должно быть проповедано всем народам. Тогда как мусульманам никто не проповедовал, эти святые-мученики взяли на себя священный долг сделать их "должниками веры".

Второе обвинение[5] против мучеников заключалось в том, что они не творили чудес — серьезный недостаток в эпоху, когда чудеса были чуть ли не проверкой святости. Евлогий[6] смог опровергнуть обвинение, только признав этот факт, но добавив, что чудеса были частыми в ранние века, чтобы утвердить христианство на прочной основе; и что постоянство мучеников само по себе было чудом (что было правдой, но не до конца). Если бы он был доволен этим, он поступил мудро; но он продолжает: "Более того, чудеса не являются признаком истины, поскольку даже неверующие могут творить их".[7] Теперь, пытаясь показать, почему эти мученики не творили никаких чудес, он косвенно признает, что им не хватало именно этого;[8] и все же в других частях своей работы он упоминает чудеса, совершенные этими самыми мучениками, как, например, Исааком, Флорой и Марией.[9] Таким образом, достойный священник оказывается перед дилеммой: если чудеса на самом деле не являются признаком истины, зачем приписывать их мученикам, когда, как это допускается в других местах, они были неспособны творить их? если, с другой стороны, они действительно совершали эти чудеса, почему бы не привести их в качестве доказательства против клеветников?

[1] Eul., "Мет. Святилище", i. с. 19.

[2] Исайя против 20.

[3] Eul., "Мем. Святое", i. с. 24. Взято из каких-то "Деяний святых", вероятно, из СС. Эметерий и Каледоний — книга, явно не имеющая авторитета.

[4] "Ind. Lum.," раздел 10, "B hac Israelitica gente nullus hactenus exstitit praedicator, согласно вопросу о должниках, сохраняющих верность". Isti enim (i.e., the martyrs) apostolatus vicem in eosdem et evangelicam praedicationem impleverunt, eosque fidei debitores reddiderunt."

[5] Eul., "Мем. Святолище", i. 13.

[6] "Библиотека. Прим.," раздел 7.

[7] "Библиотека. Прим.," с. 10.

[8] Ср. "Мем. Святое", i. раздел 13.

[9] "Мем. Святолище", Предисловие, раздел 4.

Третье возражение любопытно тем, что мученики были преданы смерти не идолопоклонниками, а людьми, поклоняющимися Богу и признающими божественный закон,[1] и, следовательно, не были настоящими мучениками. Евлогий упускает из виду истинный ответ, который достаточно очевиден, и презрительно восклицает: "Как будто можно сказать, что они верят в Бога, которые преследуют Свою Церковь и считают ненавистным верить во Христа, который был истинным Богом и истинным человеком".[2]

В-четвертых, мученики умерли быстрой и легкой смертью. Но, как указывает Евлогий,[3] боль и пытки не дают дополнительных прав на венец мученика.

Наконец, было высказано возражение, что тела этих мучеников, как и следовало ожидать, были испорчены и даже, в некоторых случаях, были съедены собаками. "Какое это имеет значение", - говорит Евлогий,[4] "поскольку их души уносятся в небесные обители".

[1] Eul. "Lib. Apol.," раздел 3.

[2] Там же., с. 12.

[3] Там же., раздел 5.

[4] "Мем. Святолище", i. с. 17.

Но Евлогий взял на себя смелость ответить не только на возражения собратьев-христиан, но и на насмешки мусульман. "Почему, - сказали они, - если ваш Бог - истинный Бог, разве Он не наводит ужас на палачей своих святых каким-нибудь великим чудом? и почему сами мученики не творят чудес, пока вокруг них толпа? Вы стремитесь к собственной гибели, и все же вы не творите чудес, которые могли бы побудить нас изменить наше мнение о вашем вероучении, тем самым не принося ни вам пользы, ни нам вреда".[1]

Однако постоянство мучеников повлияло на мусульман больше, чем они хотели признать, как мы можем заключить из насмешек в адрес христиан, когда во времена правления Мухаммеда некоторые христиане из страха смерти даже отступили. "Куда", - торжествующе вопрошали они,[2] "исчезла ли храбрость ваших мучеников? Что стало с тем опрометчивым безумием, с которым они искали смерти?" И все же, хотя они делали вид, что считают мучеников глупцами или безумцами, они не могли быть слепы к тому эффекту, который их постоянство, вероятно,

производило на тех, кто видел их смерть, и к тому благоговению, с которым христиане относились к их мощам. Поэтому они категорически запретили сохранять тела мучеников[3] и поклонялись им, а также делали все возможное, чтобы сделать это в определенных случаях невозможным, сжигая трупы и развеивая пепел над рекой, хотя иногда они довольствовались тем, что бросали несгоревшие тела в ручей.

[1] "Мем. Святое", i. с. 12.

[2] Хвалебная речь., "Мем. Святилище", iii. раздел 6.

[3] Смотрите "De Translatione corporum Sanctorum Martyrum" и др., раздел 11. "Non enim, quos martyres faciunt, venerari Saraceni permittunt". См. Выше, стр. 38. Тела более ранних мучеников были более свободно переданы по просьбе христиан. См. "Chron. Silen.", с. 95-100; Dozy, iv. 119, о передаче тела Юстуса; и Eul., "Ad Wiliesindum", с. 9, где Евлогий упоминает, что он отвез тела святых Зоила и Аустуса в Памплуну. Позже Хакем II. (961-976) отдал тело мальчика Пелагиуса по просьбе Рамиро III. Мариана, viii. 5.

Однако, несмотря на эти правила, многие тела были тайно вывезены и погребены в церквях, где на них смотрели как на самое драгоценное достояние; и мученики, которые, по признанию самих их почитателей, при жизни никогда не творили никаких чудес, после смерти получили возможность совершать ряд необычайных деяний, которые окончательно не прекратились до тех пор, пока современное просвещение не рассеяло тьму средневековья.

Так случилось, что мы располагаем очень интересным отчетом об обстоятельствах, при которых мощи трех из этих кордовских мучеников были перенесены с беспокойного места их страстей в более мирные и суеверные монастыри Франции.[1]

Это было в 858 году, когда Хильдуин, настоятель монастыря Святого Винсента и Святого Креста недалеко от Парижа, узнав, что тело их святого покровителя, Святого Винсента, находится в Валенсии, послал двух монахов, Усуарда и Одиларда, с королевским[2], чтобы раздобыть драгоценные реликвии для их собственного монастыря. Направляясь выполнять это поручение, монахи узнали, что тела больше нет в Валенсии. Фактически, это было передано[3] монахом по имени Андалдус в Сарагосу. Сеньор, епископ этого города, захватил его, и оно все еще почиталось там, но под именем святого Маринуса, телом которого, как твердо утверждал монах, оно было. Сеньор, очевидно, усомнился в этом заявлении и пытал Андалдуса, чтобы вытянуть из него правду, но тщетно; ибо монах, зная, что святой Винсент был диаконом Сарагосы, опасался, что епископ никогда не отдаст тело, если узнает о его личности. Однако Усуард и Одилард знали только то, что тело принадлежало Маринусу, как и было заявлено.

[1] Перевод SS. martyrum Georgii, Aurelii и Nathaliae ex urbe Cordobae Parisios: аукцион Аймойно.—"Migne", том 115, стр. 939 и далее.

[2] Карл Лысый.

[3] "По божественному побуждению", как обычно.

Разочаровавшись, таким образом, в своем поручении, они задержались в Барселоне, думая забрать какие-нибудь другие реликвии, когда друг, занимающий высокое положение в этом городе, по имени Сунифрид, упомянул о преследовании в Кордове, новости о котором, похоже, не распространились за пределы Испании. Они сразу же решают отправиться в Кордову,

полагаясь на тамошнего друга по имени Леовигильд, который поможет им получить то, что они хотели. Однако путешествие по Испании, похоже, было отнюдь не безопасным^[1] в этот период их смелое решение вызывает страх и восхищение у их друзей. Владелец готской границы Хунифрид, находясь в дружеских отношениях с вали из Сарагосы, пишет ему от их имени, и он поручает им заботу о караване, который как раз направлялся в Кордову.

[1] См. раздел 2 и Eul., "Ad Wiliesindum", где он называет дороги в Галлию "stipata praedonibus", а всю Готию - "perturbata funeroso Wilihelmi incursu".

Добравшись до Кордовы через много дней, они отправляются в церковь Святого Киприана, где покоятся тела Иоанна и Адульфа. Слух об их прибытии приносит Леовигильду (по имени Абад Саломес), которая оказывается очень полезным другом, и Самсона, который как раз в этот момент становится настоятелем монастыря в Пегнамелларе, где были похоронены тела Георгия, Аврелия и Сабиготы — те самые реликвии, которые они решили попытаться заполнить.

Монахи монастыря, естественно, возражают против расставания с такими драгоценными вещами, но Самсону удается получить разрешение епископа на выдачу тел.

Это было тем более кстати, что теперь им представился шанс вернуться в Барселону, присоединившись к экспедиции, которую Мухаммед I собирался предпринять против Толедо. Был отдан приказ, чтобы все жители, как приезжие, так и горожане, за исключением городской стражи, вышли вместе с королем. Однако франкские монахи столкнулись с неожиданной трудностью. Во временное отсутствие настоятеля монахи Пегнамеллара отказались отдать реликвии, и лишь с большим трудом удалось убедить епископа Савла подтвердить свое прежнее разрешение на их вынос.

Теперь тела были эксгумированы без ведома мусульман и запечатаны личной печатью Карла, привезенной специально для этой цели. Тело Георгия было найдено целым, но от двух других остались только голова Наталии и туловище Аврелия. Двое последних соединяются, образуя один труп, как написано: "они двое будут одной плотью". Пробыв в Кордове восемь недель, они отправились в путь под защитой нескольких христиан, служивших в армии. Леовигильд, который отсутствовал по делам короля, теперь возвращается и сопровождает их в Толедо. С приближением армии, разгромившей разбойников, наводнивших эти места, монахи со своим драгоценным грузом благополучно добрались до Сарагосы и вернулись со своей добычей во Францию, где мощи сотворили множество удивительных чудес.

Давайте вернемся после этого отступления к шагам, предпринятым умеренной партией среди христиан и мусульманскими властями, чтобы положить конец тому, что казалось столь опасной агитацией. О том, что Реккафредус был не единственным высокопоставленным священнослужителем, который выступил против нового движения, мы достаточно ясно узнаем от Альвара,^[1] который говорит нам, что "епископы, священники, дьяконы и "мудрецы" Кордовы объединились в нападениях на новых мучеников, под влиянием страха почти отрицая веру Христа". , если не на словах, то все же своими поступками". Таким образом, мы можем заключить, что большая часть церковных властей была сердцем и душой с епископом Севильи, в то время как партия, возглавляемая Евлогием и Савлом, была сравнительно небольшой. Однако были необходимы решительные меры, и Реккафредус без колебаний заключил в тюрьму нескольких священников и клириков.^[2] Евлогий жалуется, что церкви были лишены своих служителей, и обычные церковные обряды были приостановлены, "в то время как паук ткал

свою паутину в пустынных проходах, где царил только ужасающая тишина". В этом отрывке автор, несомненно, дает волю своему воображению, однако в главном утверждении, должно быть, была определенная доля правды, поскольку он повторяет его снова и снова.[3]

Свидетельство Альвара говорит о том же: "Разве те, кто казался столпами церкви, теми самыми скалами, на которых она основана, кто считался избранниками Божьими, разве они, говорю я, не говорили зла о мучениках Божьих в присутствии этих циников или, скорее, этих эпикурейцев, без принуждения, но по своей собственной воле? Разве пастыри Христовы, учителя Церкви, епископы, аббаты, священники, главы нашей иерархии и ее могущественные люди публично не осудили мучеников нашей Церкви как еретиков?"[4]

[1] "Жизнь хвалебного слова", глава i, раздел 4.

[2] Алвар, "Жизнь хвалебного слова", ii. раздел 4—"Omnes sacerdotes quos potuit carcerali vinculo alligavit." Eul., "Doc. Martyr," sec. 11*—"Repleta sunt penetralia carceris clericorum catervis, viduata est ecclesia sacro praesulum et sacerdotum officio ... privata prorsus ecclesia omni sacro ministerio." Alvar, "Ind. Lum.," secs. 14, 18—"Templa Christi a sacrificio desolata, et loca sancta ab ethnicis exstirpata."

[3] Eul., "Док. Mart.," sec. 16—"Eremitatem ecclesiarum, compeditionem sacerdotum ... et quod non est nobis in hoc tempore sacrificium nec holocaustum nee oblatio." Cp. Ep. ad Wilies, sec. 10.

[4] Альвар, "Ind. Lum.," с. 14.

Не удовлетворившись заключением фанатиков в тюрьму, партия порядка заставила их поклясться, что они не будут хватать мученика за руку, злословя о Пророке.[1] Тем, кто не подчинился, угрожали неслыханными наказаниями, потерей конечностей и беспощадным бичеванием.[2] Это последнее утверждение следует воспринимать с оговоркой, по крайней мере, если оно вложено в уста христианской партии Reccafredus. Крайне маловероятно, что христианские епископы и священники прибегли бы к такому обращению со своими единоверцами: тем не менее, у них было наготове духовное оружие, и они не замедлили пустить его в ход. Они предали анафеме[3] тех, кто помогал зелотам; и сам Евлогий, похоже, чудом избежал их приговора об отлучении от церкви.[4]

[1] Там же., с. 15—"Не до мученической смерти хирурга пальмама, iuramentum extorsimus ... et maledictum ne maledictionibus impeterent, evangelio et cruce educta, vi iurare improbiter fecimus."

[2] Там же., ср. Альвар, "Хвалебная жизнь", iv, с. 12 — "Мучительная агитация, волнения солнца".

[3] Хвалебная речь., "Mem. Sanct." i. sec. 28—"Ne ceteri ad huiusmodi palaestram discurrant schedulis anathematum per loca varia damnari iubentur." Альвар, "Ind. Lum.," с. 31—"Plerosque patres anathematizantes talia patientes".

[4] Хвалебная речь., "Мем. Святилище", iii. с. iv. раздел 5.

Эта акция против зелотов, по всей вероятности, была предпринята, если не по наущению мусульманских властей, то в тесном сотрудничестве с ними. Евлогий[1] приписывает все беды, обрушившиеся на Церковь, такие как заключение в тюрьму епископов, священников,

настоятелей и дьяконов, гневу короля; и Альвар отчетливо заявляет, что короля убеждали, даже подкупали, принять меры против христиан.[2] Маловероятно, что короля требовалось долго убеждать. Мухаммед, по крайней мере, кажется, был основательно напуган продолжающейся агитацией против мусульманства. Естественно, он подозревал, что за этим кроется какой-то политический заговор; предположение, которое получает некоторое подтверждение из различных упоминаний в книге Евлогия[3] мучеников как "Воинов Божьих", обреченных на войну против Его мусульманских врагов; и из несомненного факта, что христиане Толедо действительно выступили в поддержку своих единоверцев в Кордове.[4] Как бы то ни было, король в 852 году, безусловно, посоветовался[5] со своими министрами о том, как следует реагировать на волнения, и он, похоже, собрал своего рода большой совет[6] Церкви, когда обсуждался тот же вопрос. Вследствие этого были приняты более строгие меры и применено более строгое тюремное заключение. Но Мухаммед пошел дальше этого. Он лишил своих должностей всех христиан, которые занимали должности во дворце,[7] или в связи с Двором, и вывел из христианского "кадетского корпуса",[8] королевский щедрость обычно распространялась и на них. Он приказал разрушить все церкви, построенные после завоевания, и все более поздние пристройки к ранее существовавшим. Он издал суровый указ против тех, кто поносил Мухаммеда.[9] Он даже имел в виду изгнать всех христиан из своих владений.[10] Это намерение вместе с приказом, касающимся церквей, не было выполнено, вероятно, из-за вовремя вспыхнувшего восстания в Толедо.[11]

[1] Ep. ad Wilies, c. 10.

[2] Альвар, "Ind. Lum.", c. 35.

[3] См. Dozy, ii. 136.

[4] Конде, i. 249: Дози, ii. 161, ссылается на авторитет Евлогия, что он подстрекал их к восстанию при Синдиле.

[5] Хвалебная речь., "Мем. Святыище", ii. в. xiv.

[6] Робертсон называет это Примирильной запиской.

[7] Хвалебная речь., "Mem. Sanct.," ii. § 2.

[8] "Военные пуэрос". Eulog. "Память. Святыня", III в. н.э.

[9] Хвалебная речь. "Мем. Sanct.," ii. c. xiv—"Tunc iam procul dubio enecandi nos difficultas fuit adempta, si quisquam vatis sui temerarius exprobator ultro occurreret." Это, по-видимому, означает, что христиане и сарадины были обязаны отдать в руки правосудия любого, кто поносил Пророка, или же убить его на месте.

[10] Хвалебная речь, "Док. Mart.," sec. 18—"Moslemi ... omne regni sui, sicuti cernitis, genus excludere moliuntur Christicolarum."

[11] Хвалебная речь., "Мем. Святыище", III. в. iv.

В одной из своих работ на эту тему Евлогий выражает опасение, что вмешательство мучеников навлечет беду на Церковь в Испании, подобно тому, как вмешательство Моисея в Египте поначалу во многом усугубило тяготы израильтян.[1] Поэтому ему не следовало удивляться,

когда такой результат действительно последовал; и при этом он не должен был жаловаться на то, что теперь мусульмане позволяют христианам соблюдать свою религию только таким образом, который они решили диктовать; и что христиане были подвергнуты всевозможным налогам и поборам.[2]

Эти совместные репрессивные меры, принятые королем и епископом Севильи, вскоре возымели свое действие. Крайняя партия была разбита, некоторые бежали в более тихие регионы, другие прятались и выходили за границу только переодетыми и ночью — не из страха смерти, как осторожно добавляет Евлогий, а потому, что высокая награда мученичества предназначена не для многих недостойных, а для немногих достойных.[3]

[1] Там же., ii. с. xvi.

[2] Хвалебная речь., Док. Mart., " sec. 18—" *Nunc pro suo libito tantummodo exercere nos sinentes Christianismum ... nunc publicum imponentes censum, nunc rebus nos abdicantes detrimentis atterunt rerum.*"

[3] Хвалебная речь., "Mem. Sanct.," ii. sec. 14—" *Quia indigni sumus martyrio, quod quibusdam et non omnibus datum est.*"

Некоторые даже отступили,[1] в то время как многие из тех, кто аплодировал деяниям мучеников, теперь называли их нескромными и обвиняли в потворстве эгоистичному желанию покинуть страдающую Церковь ради раннего пребывания в небесах.[2] Другие, чтобы сохранить посты в правительстве или добиться расположения короля, скрывали свою религию, стараясь не молиться и не осеять себя крестным знаменем публично.[3] Сам Евлогий был выделен на заседании Королевского совета одним из королевских секретарей, Гомесом, сыном Антониана, сына Джулиана,[4] как главарь новое мятежное движение. Этот человек был очень мирским христианином,[5] и, без сомнения, в то время боялся потерять свою прибыльную должность при дворе, которую он получил благодаря своему замечательному знанию арабского. Фактически, он потерял свой пост вместе со всеми другими придворными-христианами, но вернул его, став мусульманином;[6] и таков был пыл нового прозелита, что его называли "голубем мечети".[7]

Результат этого собора был, как мы видели, враждебным партии, лидерами которой были Евлогий и Савл, но первый автор, упоминая фактически принятый указ, делает вид, что это была просто попытка обмануть короля, выраженная фигурально; и он признает, что такое лицемерие было недостойно собравшихся прелатов и должностных лиц.[8] Не разумнее ли предположить, что Евлогий и его сторонники проголосовали за это — как они, похоже, и сделали — с мысленной оговоркой, в то время как их оппоненты искренне считали такой шаг необходимым?

[1] Хвалебная речь., "Mem. Sanct.," ii. с. xv. 1—" *Fidem praevaricantur, abdicant religionem, Crucifixum detestantur.*"

[2] Хвалебная речь., "Mem. Sanct., ii. с. ii. sec. 6. Также в своем письме Альвару, отправляющем "Мем. Святоша, - говорит он, - очень немногие оставались тверды в своих принципах.

[3] Альвар, "Ind. Lum.," раздел 9—" *Cum palam coram ethnicis orationem non faciunt, signo crucis oscitantes frontem non muniunt ... Christianos contra fidei suae socios pro regis gratia, pro vendibilibus muneribus et defensione gentilitia praeliantes.*" Elsewhere he says: "Nullus invenitur qui

iuxta iussum Domini tonantis aetherii super montes Babiloniae, caligosasque turres crucis fidei attollat vexillum, sacrificium Deo offerens vespertinum."

[4] Хвалебная речь., "Мем. Святое", iii. с. iv. раздел. 5: Альвар, "Инд. Лум.", раздел 18. См. Выше, стр. 51.

[5] Ибн аль—Куттия—апуд Дози, ii. 137.

[6] Хвалебная речь., "Mem. Sanct.," iii. с. ii.

[7] Dozy, ii. 137.

[8] Eul., "Mem. Святилище", ii в. xv, с. 3—"Aliquid commentaremur, quod ipsius tyranni ac populorum serperet aures." "praemissum pontificate decretum" он называет "allegorice editum".

ГЛАВА VI.

МУЗАРАБЫ.

Смерть Евлогия стала сигналом к прекращению сомнительных мученичеств, которые в течение нескольких лет стали таким обычным явлением, хотя дух, побуждавший обманутых жертв, ни в коей мере не был подавлен ни в Испании, ни в соседних странах.[1] Тем не менее, меры, принятые для подавления мании смерти, позволили на некоторое время предотвратить любую новую вспышку.

При слабом правительстве Абдаллы (888-912) христиане, решив расстаться с жизнью ради лучшей цели, чем от рук палача, подняли восстание, о чем будет рассказано ниже, в нескольких частях Испании. После битвы при Агиларе, или Поли, в 891 году между арабской и испанской группировками 1000 побежденных христиан были поставлены перед выбором: ислам или смерть, и все, кроме одного, выбрали последнее.[2]

Во время долгого правления Абдуррахмана III (912-961) было несколько отдельных случаев мученической смерти, о которых с таким же успехом можно упомянуть сейчас. После великой битвы в Долине Рашес,[3] где Абдуррахман победил королей Наварры и Леона, один из двух сражающихся епископов, которые были взяты в плен по этому случаю, отдал в качестве заложника для собственного освобождения четырнадцатилетнего юношу по имени Пелагиус. Говорят, король, сраженный его красотой, пожелал воздействовать на мальчика своей отвратительной волей, но его ухаживания были с презрением отвергнуты, и несчастный юноша был предан смерти с особой жестокостью, отказавшись спасти свою жизнь вероотступничеством.[4] Другая версия истории изложена саксонской монахиней из Гаудершайма по имени Хросвита, которая написала стихотворение на эту тему пятьдесят лет спустя. Она рассказывает нам, что царь попытался поцеловать Пелагия, который в ответ ударил его по лицу и в результате был казнен путем обезглавливания (26 июня 925 г.).[5]

[1] Смотрите "Жизнь Аргентеи", разделы 3, 5.

[2] Dozy, ii. 287.

[3] Валь-дю- Жункерас, 920 год н.э.

[4] Йоханнес Васаус с комментариями для повторной отправки. Ромеи, iv. 257, не верят в эту версию истории. Возможно, Аль-Макк., ii. 154, ссылается на того же Пелагия, когда упоминает о симпатии короля к красивому христианскому пажу.

[5] Сампиро, секунды. 26-28.

В "Смерти Арджентеи" (28 апреля 931 г.) мы имеем последний пример в Испании христианина, ищущего мученической смерти. Она была дочерью великого мятежника Омара ибн Хафсуна, [1] и его жены Колумбы, и родилась в крепости этого вождя Бобастро. После смерти ее матери Омар пожелал, чтобы она взяла на себя обязанности матери во дворце, поскольку Омар стал чем-то вроде короля в своих собственных владениях. Она отказалась, попросив лишь о тихом уединении, где она могла бы подготовить свою душу к мученичеству; и она написала одному набожному христианину, чьи желания склоняли его в том же направлении, предложив, чтобы они вместе искали венец мученичества. [2] После разрушения Бобастро Абдуррахманом в 928 году она отправилась в Кордову. [3] Там она встретила галла по имени Вульфур, которого во сне предупредили, что в этом городе он должен найти девственницу, с которой ему предстоит принять мученическую смерть. Однако, когда становится известна его цель, губернатор города сажает Вульфур в тюрьму. Аргентея отправляется навестить его там, и ее останавливают охранники, которые, узнав, что она христианка, приводят ее к судье как отступницу, и ее сажают в тюрьму вместе с Вульфурой. Поскольку альтернатива ислама вместо смертной казни отвергнута, они оба казнены, но Аргентею, как "дерзкую мятежницу", сначала подвергают бичеванию 1000 ударами и отрезают ей язык. Ее тело было похоронено в церкви трех святителей.

В 934 году [4] мы слышим о двухстах монахах Кардены, убитых берберами в армии Абдуррахмана; и в некотором смысле их можно рассматривать как мучеников за свою веру.

[1] Который, став христианином, взял имя Самуил. Флорес, х. стр. 564 и далее

[2] Смотрите "Жизнь Аргентеи" анонимного автора.

[3] Там же., раздел 4.

[4] Дози, iii. 52. Мариана, viii. 6, называет 993 года, но говорит, что это могло произойти в 893 году.

Говорят, что в 953 году погибла мученица по имени Евгения; [1] и тридцать лет спустя, последние мученики, о которых у нас есть какие-либо сведения при арабском правлении. Доминик Саррацин, сын Иоанна, и его товарищи, взятые в плен при взятии Симанкаса, два с половиной года содержались в тюрьме. [2] Затем их вывели и казнили, как раз когда Рамиро III., или его преемник, послал за ними выкуп. [3]

Нет никаких доказательств того, что при великом Абдуррахмане имело место преследование христиан, и заявления тех авторов, которые утверждают обратное, могут быть отброшены как не подкрепленные доказательствами. [4]

Теперь мы вернемся назад и рассмотрим общий взгляд на христианскую церковь и ее состояние при арабах в Испании, особенно — поскольку у нас больше всего информации о тех периодах — при двух королях Абдуррахмане II. и III.

При первом из этих государей положение христиан, пока не начались гонения, которые они сами спровоцировали, было очень сносным, и большинство христиан были вполне довольны своей участью. Они служили в армии, как свободные люди, так и рабы; они занимали прибыльные должности при дворе, или в домах арабской знати, или в качестве правительственных чиновников. Но хотя миряне жили в достатке, духовенству и более строгим церковникам было на что жаловаться; ибо Церковь[5] нельзя было назвать свободной, хотя богослужение было свободным, поскольку власть созывать соборы теперь перешла к арабской исполнительной власти, которая, как мы видели, заставляла даже мусульман и евреев заседать на этих соборах. Кафедры также были выставлены на аукцион, и скандальное зрелище, когда атеисты и еретики занимали титулы епископов и получали вознаграждение, не было чем-то необычным.[6]

[1] Шотт., iv. 246.

[2] Рорбахер, xii. 192.

[3] Хартия, апуд Флорес, xiv. 397.

[4] См. выше, стр. 36, примечание 1. Упоминается также письмо Иоанна Сервуса Деи, епископа Толедского, к Музарабе относительно последних мученичеств и отступничеств, якобы написанное в 937 году.

[5] Dozy, ii. 47.

[6] Альвар, "Ер.," xiii. 3. Самсон, "Апол.", II. вв. ii.-iv.

Как и следовало ожидать, арабский вскоре начал вытеснять латынь по всей стране, и еще до начала IX века Священные Писания были переведены на язык завоевателей [1] Одоарием, епископом Аквиты, и Иоанном Севильским. Хишем I. (788-796) запретил использование любого языка, кроме арабского, так что его христианским подданным приходилось пользоваться Евангелиями на арабском;[2] и вскоре испанцам даже не разрешили писать на латыни.[3] Даже если это утверждение вызывает сомнения, мы знаем, что латынью постепенно стали пренебрегать и о ней забыли. Алвар высказывает красноречивый протест против этого: "Увы, христиане не знают своего собственного языка, а латиняне пренебрегают своим языком, так что во всей Коллегии Христа[4] едва ли найдется тот, кто может вразумительно написать приветственное обращение к своему брату на латыни, в то время как многие могут произнести цветистую риторику халдеев". [5] В области поэзии — своеобразной гордости арабов — христиане, кажется, даже превзошли своих мастеров; и соперничеству двух наций в этом искусстве мы можем приписать совершенство и изобилие местных баллад, которыми может похвастаться Испания.

Мы видели, как Евлогий делал все возможное, чтобы воспрепятствовать такому пренебрежению латынью, представив в Испании некоторые шедевры на этом языке; но сомнительно, чтобы его усилия принесли большой результат. Из остатков испанских писателей, которыми мы располагаем, мы можем видеть, что структура этого языка в Испании значительно выродилась.[6]

[1] Мерфи, "История. Магомет. Империя в Испании", стр. 309.

[2] Йонг, стр. 60.

[3] Conde, i. 239.

[4] "Omni Christi collegio".

[5] Альвар, "Ind. Lum.", с. 35.

[6] См. Elipandus и Alvar passim. Алкуин, с другой стороны, замечательно пишет на латыни.

Некоторые предложения настолько неграмотны, что их с трудом можно разобрать. Более того, мы находим Самсона[1], прямо обвиняющего Хостегесиса, епископа Малаги, в неумении писать по-латыни; и аналогичным образом Иона Орлеанский (839) обвиняет Клавдия, епископа Турина, который сам был испанцем, в том же дефекте.

Пренебрежение латынью сопровождалось растущим безразличием к доктринальной основе христианства, образованных христиан заставляли посвящать свое время, которое можно было бы с большей пользой потратить на изучение их собственных Священных Писаний, знакомству с мусульманской религией и даже разгадыванию хитросплетений противоречивого богословия, выросшего вокруг первоначальной простоты Корана и наложившегося на нее.[2] Великие Отцы Церкви были отложены в сторону непрочитанными, и даже Пророки, Апостолы и само Евангелие мало кто изучал. В то время как высшие классы были безразличны к религии, низшие погрязли в бедности[3] и невежестве.[4] Неизбежным результатом этого безразличия, невежества и бедности стало заметное ухудшение характера испанского христианства, доказательств чему слишком много.

[1] Самсон, "Апостол", с. vii.

[2] Alvar, "Ind. Lum.," sec. 35—"Ac dum illorum sacramenta inquirimus, et philosophorum sectas scire non pro ipsorum convincendis erroribus sed pro elegantia leporis et locutione luculenter diserta. Quis rogo hodie solers in nostris fidelibus laicis invenitur, qui Scripturis sanctis intentus volumina quorumcunque Doctorum Latine conscripta respiciat? Quis Evangelico, quis Prophetico, quis Apostolico ustus tenetur amore? Nonne omnes iuvenes Christiani vultu decori, linguae disertis, habitu gestuque conspicui, Gentilicia eruditione praeclari, Arabico eloquio sublimati, volumina Chaldaeorum avidissime tractunt?"

[3] Флорес, xix. 383, Хартия 993 года; см. также "Дози", iii. 31; а что касается положения христиан в Свободных Штатах, Бакл, "История. Цивилизации", i. 443.

[4] Dozy (l.l.).

Мы находим аббата Самсона, отчетливо обвиняющего Хостегесиса, епископа Малаги, в симонии, утверждающего, что он продал священство низким и недостойным людям;[1] в то время как Алвар обвиняет Савла, епископа Кордовы, в получении епископства путем подкупа.[2] Другими нарушениями, вменяемыми Хостегесису, были то, что он занимал свой престол с двадцатого года вопреки канонам церкви, и что он избивал священников, чтобы вымогать у них деньги, пока они не умерли у него на руках.

Помимо избрания в священство недостойными средствами недостойных людей, чье невежество и наглость пастве приходилось терпеть молча,[3] многие были неофициально рукоположены без предъявления свидетельств о характере или получения согласия их

собратьев по духовенству и паствы.[4] Многие церкви представляли неприличное зрелище двух соперничающих пасторов, противоречащее постановлениям, полученным от Отцов.[5]

Изменения также были внесены в доктрину и ритуал, на которые нельзя было ссылаться ни в коем случае, в нарушение установленных обычаев и учения Церкви. Это дошло до того, что его противники обвинили Самсона в еретичестве и идолопоклонстве, потому что он разрешал браки двоюродных братьев; не согласился с мнением, что Бог когда-либо был заключен в покоях сердца Девы;[6] утверждал вездесущность Бога, даже в идолах и дьяволе, и это в реальной, а не ложной форме. метафизический, смысл;[7] и отрицал, что Бог восседал на возвышенном троне над своими созданиями. Из этого ясно, что Хостегесис и те, кто думал вместе с ним[8] были заражены антропоморфистской ересью.

[1] Самсон, "Апол.", Вк. ii., Предисловие к разделу 2.

[2] См. "Письмо к Савлу", раздел 3—"Потенциальный эним, требующий утверждения канонической непоследовательности, вестра изначальная компрометирующая, si quadringenti solid non fuissent palam eunuchis vel aliis exsoluti". Дози, ii. 140, добавляет, что деньги были гарантированы за счет доходов епископата, но это предположение.

[3] Самсон, "Апостол", ii. Предисловие, раздел 5; Дози, ii. 268.

[4] Альвар ад Саулюм, раздел 3—"Sine testimonis, sine connibentia clericorum".

[5] Там же.

[6] Самсон, "Апол.", ii. Предисловие, главы 7 и iii.— "Cubiculum cordis Virginei". Похоже, это цитата из готской литургии.

[7] "По существу, а не по деталям".—Там же.

[8] Роман и Себастьян, Самсон, Предисловие, раздел 6.

Многие представители духовенства не только придерживались еретических взглядов, но и пользовались дурной славой. Хостегесис не стыдился тратить средства от церковной десятины и пожертвований, которые он с трудом вымогал у своей паствы,[1] на подкуп придворных чиновников и сыновей короля, устраивая для них пиры, на которых предавались открытому и вопиющему пороку.[2] Духовенство не гнушалось притворяться больным, чтобы избежать уплаты ежемесячного налога своим мусульманским правителям.[3] Некоторые, даже занимающие самые высокие посты в Церкви, отреклись от своего Спасителя и перешли к мусульманам; одним из таких отступников был Самуил, епископ Эльвиры, дядя матери Хостегесиса, который с рвением извращенца преследовал Церковь, которую он покинул, сажая в тюрьму духовенство, облагая налогом свою бывшую паству и даже заставляя некоторые принимают ислам.[4]

Поэтому неудивительно, что епископы и духовенство иногда подвергались низложению. Самсон, действительно, подвергся этому позору от рук враждебной фракции под руководством Hostegesis на основании своей мнимой ереси; и, точно так же, Валентий,[5] епископ Кордовы, был лишен своей кафедры, потому что он был сторонником Самсона. Но эти случаи больше дискредитируют депонирующих, чем их жертв. Случаи депонирования нередки в свободных штатах на Севере. Сисенандус, седьмой епископ Компостеллы (940), был низложен королем

Санчо за распутный образ жизни и растрату церковных денег.[6] После смерти короля он вернул себе престол, изгнав своего преемника. Пелайо, другой епископ Компостеллы, понес такое же наказание.[7]

[1] В пожертвовании одной трети для Церкви Хостегесису было отказано как кощунственному; поэтому он продолжил вымогать ее, "suis codicibus institutis".—Самсон "Apol.", ii. Предисловие, раздел 2

[2] Там же. Состояние Церкви на Севере было ненамного лучше. См. Йонг, стр. 86.

[3] Леовигильд де хабиту Клерикорум. Дози, ii. 110.

[4] Самсон, Преф. ii. 4.

[5] Наследовал Саулу в 861 году и был свергнут в 864 году.

[6] Мариана, viii. 5. Он перешел на сторону мусульман. Саути, "Хроника Уголовного розыска", стр. 228. Йонг, стр. 86.

[7] Мариана (1.1.).

Когда короли Кастилии постепенно оттеснили мавров и когда Альфонсо взял Толедо в 1085 году, его жена Констанция Бургундская и ее духовный наставник, монах по имени Бернард, были в ужасе от распушенности нравов и доктрины музарабских христиан. К их пристрастию к поэзии и естественным наукам относились с подозрительным отвращением, а употребление в пищу свинины, обрезание и, что не менее важно, чистоплотные привычки,[1], приобретенные в результате общения с мусульманами, рассматривались как многочисленные признаки зверя. В 1209 году крестоносцы, участвовавшие в войнах в Испании, даже хотели обратить свое благочестивое оружие против этих бедных Музарабов, настолько возмущены они были не римскими обрядами. Однако нам говорят, что Альфонсо Великий, строя и восстанавливая церкви на территории, недавно отвоеванной у мавров, вновь установил готские обряды, как раньше соблюдались в Толедо.[2]

Свободная церковь на Севере сама находилась под большой угрозой исчезновения, когда армии великого Альманзера (977-1002) ежегодно проносились по христианским королевствам подобно какой-то разрушительной буре.[3] Пятьдесят две победоносные кампании провел этот неотразимый воин против неверных.[4] Барселона, Памплуна и Леон пали от его рук, священный город Компостелла был разграблен и на некоторое время опустел, колокола храма Святого Иакова были перевезены в Кордову, чтобы служить светильниками в большой мечети. Поэтому мы не удивлены, обнаружив, что на Севере было много епископов, потерявших свои кафедры; и это имело место еще до десятого века, когда епископ по имени Сабарик, изгнанный арабами со своей епархии, получил кафедру Миндумета от Альфонсо III. в 867 году,[5] а двадцать лет спустя епископ по имени Себастьян получил кафедру Миндумета. таким же образом можно увидеть Аурию.[6]

Вполне естественно, что мусульмане и духовенство христианской церкви враждебно относятся друг к другу, но удивительно обнаружить — как мы действительно обнаруживаем в некоторых случаях — что последние действуют заодно с арабами в жестоком обращении со своими

соотечественниками и единоверцами. Таким образом, как мы видели, Hostegesis, опираясь на поддержку светской власти,[7] избивал и сажал в тюрьму духовенство за удержание у него церковной десятины, волоча их голыми по городу, а перед ними кричал глашатай: "Таково наказание тех, кто не платит десятину своему епископу".[8] Было даже обнаружено, что епископы совершали епископские посещения, узнавая имена всей своей паствы, как будто с намерением помолиться за них по отдельности, а затем передать их имена гражданским властям для целей налогообложения.[9] Другие получили от арабов привилегию обрабатывать доходы, полученные от христианского налогообложения, и жестоко притесняли своих единоверцев.[10]

[1] Арабы вульгарно предполагали, что христиане на Севере не моются. См. Конде, i. 203 — "Это связано с этими людьми из Галисии ... что они живут как дикари или дикие звери и никогда не моют ни себя, ни одежду".

[2] "Хронология. Albeld.," sec. 58—"Ordinem Gothorum sicuti Toletum fuerat statuit."

[3] "Хроника. Silense," sec. 72—"Eadem tempestate in Hispania omnis divinus cultus periit."

[4] Он не был побежден в своей последней битве, как обычно утверждается в исторических источниках.—См. Аль-Маккари, ii. 197.

[5] Флорес, Особенно. Cap.," xviii. 312.

[6] Там же., xvii. 244.

[7] "Поздравили ману фултуса". Samson, ii. Предисловие к разделу 2.

[8] Там же.

[9] Там же. и Хвалебная речь, "Мем. Святынище", iii. с. iv. раздел 5.

[10] Eul., 1.1.

Эти гнусные меры были поддержаны, даже если они не были спровоцированы, Сервандусом, христианским графом Кордовы. Он был сыном крепостного Церкви,[1] и женился на двоюродной сестре Хостегесиса.[2] Вместо того, чтобы отстаивать дело христиан, к чему его должно было побуждать его положение, он зашел так далеко в противоположном направлении, что призвал их к себе и попытался поколебать их привязанность к христианству — религии, по крайней мере номинально, также и его собственной. Тех, кто держался твердо, он заставлял платить повышенные налоги и даже шантажировал церкви. Он без колебаний вытаскивал тела мучеников из-под алтарей церквей и, показывая их королю, напоминал ему, что христианам запрещено хоронить своих мучеников.[3]

Вслед за враждебными мерами, предпринятыми Хостегесисом против Самсона и Валентия, он обвинил их в подстрекательстве фанатиков к поношению Мухаммеда, настаивая на том, что они должны столкнуться с этой дилеммой. Их следует спросить, было ли правдой то, что говорили хулители, или нет. "Если они ответят "правда", пусть они будут наказаны так же, как и клеветник; если "ложь", прикажите им самим убить этого человека; отказавшись от этого, вы будете знать, что они помогали ему оскорблять вашего Пророка. В таком случае, дай мне разрешение, и я сам убью этих троих.[4]

[1] Dozy, ii. 268.

[2] Самсон, "Апостол", ii. Предисловие к разделу 5.

[3] Самсон, 1.1.

[4] Там же., раздел 9. Этот же Сервандус, самый подлый из таймсеров, видя, что дело султана (Абдаллы) терпит неудачу, дезертировал к мятежнику Омару и его христианским последователям и был убит при Поли (?) —Ибн Хайян., апуд Дози, ii. 270. Его арабское имя было Шербил, и он был обезглавлен арабами в Кордове.—См. Примечание Де Гаянгоса к Аль-Маку., ii. 451, 2.

У нас была возможность упомянуть один или два случая проведения Церковных и национальных Соборов в Испании при арабах, и будет нелишним перечислить все зарегистрированные случаи, чтобы мы могли сравнить их с теми, которые проводились при готах. Одной из наиболее характерных черт Старой Церкви в Испании было то, что она была настолько тесно связана с гражданской властью, что почти превратила правительство Испании в теократию. Эта тесная связь Церкви и государства, естественно, была разрушена арабским завоеванием; но мусульманские правители, видя, насколько полезными могут быть такие институты, как генеральные соборы, для урегулирования отношений между мусульманами и христианами, позволили созывать чисто церковные соборы под своей юрисдикцией, а также созывали другие, в которых они сами принимали участие вместе с евреями, к великому возмущению более строгих христиан.[1]

К чисто церковному виду относится собор, проведенный в Севилье Элипандом[2] для осуждения ошибок Мигетия; и другой, проведенный Чихилой в Толедо в 776 году, против ошибок Эгилы, епископа Эльвиры.[3] Неизвестно, отрекся ли Эгила от своей ошибки, но несомненно, что он остался епископом.

Также говорят, что Элипанд, но на основании весьма сомнительных источников, провел совет, на котором он отрекся от своей собственной ошибки усыновления.[4]

[1] Мы даже находим в 962 году, что епископы Толедо и Кордовы носили мусульманские имена, а именно: Обейдолла ибн Касим (Аль Маккари, ii. 162) и Акбар ибн Абдаллах. Дози, iii. 99.

[2] Точная дата неизвестна. Флери, ii. стр. 235.

[3] "Псевдо Люитпранд", с. 236, гласит—"Ad concilium ex omnibus Hispaniae partibus concurrunt". Смотрите также Письмо папы Адриана I. епископам Испании в 785 году. Об этом Эгиле известно очень мало, и нет уверенности в том, епископом какой епархии он был.

[4] См. ниже, стр. 131 и далее. и 166 и далее.

Но соборы другого типа, частично церковные, частично политические, по-видимому, были более распространенными, и мы уже видели, как Реккафред, епископ Севильи, совместно с мусульманскими властями созвал такой собор, чтобы усилить фанатичную партию среди христиан; и у нас есть более подробный отчет о другом соборе, который провели Хостегесис, епископ Малаги, и Сервандус, граф Кордовы.[1] Этот собор, по-видимому, имел некоторую связь с предыдущим при Реккафреде, поскольку Серванд был сильным и беспринципным противником партии, возглавляемой Евлогием, в то время как Самсон был их преданным

сторонником, хотя он не зашел в своих взглядах настолько далеко, чтобы принять мученическую смерть лично. Теперь Самсона обвинили в ереси[2] и святотатстве, как уже упоминалось. Хостегесис навязал свои взгляды собравшимся епископам с помощью светской власти, и, соответственно, несчастному настоятелю был вынесен приговор об анафеме и низложении.[3] Одним из епископов, по—видимому, согласившихся, был Валентин, епископ Кордовы, но его решение, очевидно, было вынесено под давлением, поскольку после закрытия собора он выслушал мнения других согласившихся епископов и некоторых, кто не присутствовал, относительно их мнений и обнаружил, что большинство из них были готовы подтвердить ортодоксальность Самсона, и на этот счет был составлен меморандум. Валентиус также вынес ему приговор о низложении, и его сменил Стефан Флакк,[4]- избрание последнего было довольно неофициальным, поскольку ни один митрополит не помогал в этом,[5] и ни духовенство, ни миряне его епархии не подали прошения в его пользу.

[1] Самсон, "Апостол" ii. Преф.

[2] На том основании, среди прочего, что он признал "nescio quam similitudines (помимо Троицы) non creaturas sed creatores". Кажется, что это (глава ix.) были просто качества, такие как мудрость и т.д. См. Самсона, глава iii.

[3] "Нескромная упрощенка и ее последствия у superbiae fascibus sedentium".—Там же. Самсон был лишен возможности занимать должность или даже принадлежать к Церкви.—Там же.

[4] В 864.

[5] См. выше, стр. 8.

Это новое низложение было официально санкционировано новым собором, состоявшимся в церкви Святого Ацилуса; Флакк и некоторые из тех, кто был на стороне Валентия, но теперь в ужасе подчинились, присутствуя при этом; в то время как места тех, кто отказался прийти, заняли евреи и мусульмане.[1] Это своевольное разбирательство едва не привело к открытому разрыву в Церкви.[2]

Говорят, что в 914 году собор был проведен (но на основании сомнительных данных) Оронтием Толедским,[3] и двадцать лет спустя Василием Кордовским. Они попадут под власть величайшего из халифов Омейядов Испании.[4]

[1] Sayones (?) на латыни. Самсон, глава iii.

[2] Там же., с. 10.

[3] "Псевдо Лейт", с. 328.

[4] Там же. с. 341.

ГЛАВА VII.

ИСПАНИЯ При АБДУРРАХМАНЕ III.

Абдуррахмана III, Аннасира Лидиниллаха (912-961), можно считать Соломоном испанских султанов. Вступив на престол совсем юным, за исключением своих дядей, сыновей покойного султана, он обнаружил, что страну раздирают бесчисленные группировки, а королевской власти открыто бросают вызов повстанцы - арабы, берберы и христиане. Лично и через своих генералов он подавил всех этих мятежников, и хотя не всегда успешно сражался с христианами на Севере, все же он разгромил их в серии крупных сражений.^[1] Он объединил все несогласованные элементы под своим правлением в одно великое целое,^[2] тем самым дав арабскому господству в Испании еще одну жизнь. В 929 году он принял титул амира аль-Муменина, или Предводителя правоверных. Его союза добивался император Востока,^[3] и он обращался на равных с императором Германии и королем Франции. К этому великому королю с большей достоверностью, чем к его тезке Абдуррахману II, можно применить слова мисс Йонг:—^[4]

"Он принадлежал к тому типу восточных монархов, который, кажется, сформировался по образцу Соломона — великодушный, мудрый, величественный, терпимый и миролюбивый. Он составлял такой же разительный контраст с суровым, аскетичным, ограниченным, но серьезным Альфонсо или Рамиро, как изысканные арки в виде подков, решетки из нитевидной каменной кладки, инкрустированные драгоценностями мраморные тротуары и стройные минареты с их темными сводчатыми церквями с низкими сводами и прочными замками, построенными из твердого неподатливого гранита".

^[1] Мутония (918); Калаборра; Вале-де-Жункерас (921).

^[2] Dozy, ii. 351, от арабского писателя.

^[3] Очень интересный отчет об этом посольстве Константина VII (947) приведен в Аль-Маккари, ii. 137, у Ибн Халдуна. - См. Конде, i. 442.

^[4] Стр. 57.

Мы не находим в этом короле ни капли той подозрительной ревности, которую мы видели в Мухаммеде, хотя Омар, заклятый мятежник и христианский ренегат, все еще держался в Бобастро, когда взошел на трон; и его отношение к христианам на протяжении всего его правления было терпимым и политичным.

Но его утверждения в этом отношении лучше всего видны из очень интересного фрагмента, дошедшего до наших дней, описывающего посольство некоего Иоанна из Горца, монаха из аббатства близ Меца, который вез письма от Оттона, императора Германии, испанскому султану.^[1]

В 950 году Абдуррахман отправил посольство к императору. Епископ, стоявший во главе этого посольства, умер, и это, по-видимому, вызвало задержку с ответом. Поскольку письмо халифа содержало богохульства против Христа, было решено написать ответ от имени короля, такой, который, возможно, убедил бы Абдуррахмана в ошибочности его поступков. Некий епископ Адальберо был назначен главой ответного посольства,^[2] и он просит настоятеля монастыря

Горц дать ему двух помощников. Выбираются двое, но один из них ссорится со своим начальником и изгоняется из тела; после чего Джон предлагает себя в качестве замены. Аббат лишь с большой неохотой дает свое согласие на отъезд Джона, зная, что молодой монах страстно желал стать мучеником, если бы только у него была такая возможность.

[1] Смотрите "Vita Johannis Abbatis Gorziensis", 973, Иоанна, настоятеля Арнульфа. "Migne", том. cxxxvii., стр. 239-310.

[2] В 953.

Проехав через Лион и отправившись на корабле в Барселону, послы достигли пограничного города Тортоса и, наконец, добрались до Кордовы, где им выделили дом в двух милях от дворца, и, хотя их хорошо приняли, к их ужасу, им сообщили, что, поскольку мавританских послов заставили ждать ответа три года, посланцам Оттона придется ждать девять лет. Более того, теперь они обнаружили, что король уже был ознакомлен с содержанием письма, отправленного Оттоном, товарищем покойного посла-епископом, которого Иоанн и его спутники взяли с собой в Барселону.

Король нанимает еврея Хасдая в качестве своего посредника, который предупреждает их не разглашать содержание письма, поскольку это навлечет на них наказание; ибо в письме содержалось то, что мусульмане сочли бы богохульством против их Пророка. Вскоре после этого к ним посылают Иоанна, епископа Кордовы, с предложением отнести свои дары королю и ничего не говорить о письме. Но Иоанн из Горца решительно отказался это сделать, заявив, что доставка письма была его главной обязанностью, и что, поскольку Абдуррахман начал с того, что поносил Христа, он не должен удивляться ответным действиям Оттона против Мухаммеда. Однако Иоанн Кордовский умоляет его вспомнить о положении, в котором находились христиане, а именно под властью язычников. "Апостол запретил нам, - сказал он, - сопротивляться сильным мира сего. В нашем бедствии у нас есть одно утешение: нам позволено соблюдать наши собственные законы и обряды, и наши правители, если они видят, что мы усердны в нашей религии, почитают нас, лелеют нас и радуются нашему обществу, в то время как они ненавидят евреев. Поскольку наша религия, таким образом, не терпит вреда от их рук, давайте повиноваться мусульманам и в других вещах". Поэтому епископ был озабочен тем, чтобы письмо было закрыто, поскольку оно было рассчитано на то, чтобы нанести вред христианской общине и не принести пользы Оттону. Однако его совет остался без внимания. Монах из Горца был полон решимости выполнить то, что считал своим прямым долгом; он также не собирался отказываться от шанса принять мученическую смерть, хотя его поступок мог повлечь за собой катастрофические последствия для христиан, подвластных маврам. Он насмеялся над епископом за то, что тот давал свои советы из страха перед человеком. "Лучше умереть с голоду, чем есть соль неверующих"; и выразил ужас по поводу того факта, что епископ был обрезан, а также воздерживался от некоторых видов мяса из уважения к мусульманской щепетильности. Напрасно епископ указывал, что иначе они не смогли бы жить с сарацинами.

Иоанн Гожский выразил намерение немедленно доставить письмо, но король отказал послам в аудиенции, предоставив их самим себе на шесть или семь недель. Однако в начале 955 года король послал к ним с вопросом, тверды ли они в своем прежнем решении, и, получив утвердительный ответ, пригрозил всем христианам в своих владениях потерей привилегий и даже смертью. Иоанн Гожский просто отвечает, что вина ляжет на голову короля; но последнего

склоняют к более мягким советам его советники, которые напоминают ему о власти Отона и уверенности в том, что он вмешается в пользу своих послов.

Иоанн Горзский теперь предлагает единственно возможный курс, чтобы Абдуррахман отправил новое посольство к Отону и попросил инструкций для своих послов в сложившихся обстоятельствах. Рекемундус, [1] христианин, предлагает отправиться послом, если в награду ему будет предоставлено вакантное епископство. Он отправляется в путь и достигает Горца в феврале 956 года. Оттон вручает ему новое письмо с инструкциями подавить предыдущее, заключить союз с султаном и договориться с ним о борьбе с разбойниками, наводнившими границы.

[1] Де Гаянгос в "Аль Маккари", ii. стр. 464, отождествляет его с Раби, епископом, упомянутым в качестве посла Абдуррахмана III. в Аль-Маккари, i. 236, ii. 139; но Раби, возможно, был епископом, умершим во время посольства к Отону. Рекемундус, как говорит Де Гаянгос (1.1.), был катибом или дворцовым клерком.

Покинув Горц с Дудо, легатом императора, 30 марта, он прибыл в Кордову 1 июня, но султан отказался принять вторых гостей, пока не примет предыдущее посольство. Итак, после трех лет полузаточения Иоанна освобождают и велят ему подготовиться к присутствию короля, побрившись, умывшись и надев новую одежду. Он отказывается идти в чем-либо ином, чем он есть; и даже когда король, думая, что его отказ вызван бедностью, посылает ему суммуденег, монах принимает подарок и раздает его бедным, но говорит, что будет видеть короля только как бедного монаха. Король добродушно сказал: "Пусть приезжает, как ему заблагорассудится". 21 июня 956 года послов провели к королю по дороге, запруженной туристами. Ступени дворца были застелены гобеленами, а по обе стороны от входа выстроился почетный караул. При появлении Иоанна король в знак большого отличия протянул ему для поцелуя раскрытую ладонь и жестом пригласил сесть рядом со своим ложем. После некоторого молчания Абдуррахман извинился перед монахом за долгую задержку, которую он был вынужден навязать посольству, и которая ни в коем случае не была вызвана неуважением к самому Джону, чью добродетель и мудрость он не мог не признать. В доказательство того, что это был не пустой комплимент, король выразил готовность дать ему все, что он попросит. Гнев Джона проходит при этих милостивых словах, и они дружески беседуют. Но когда монах просит разрешения удалиться, Абдуррахман говорит: "После столь долгого ожидания встречи друг с другом, неужели мы расстанемся так скоро?" Он предполагает, что им следует провести по крайней мере три собеседования. На своей следующей встрече они обсуждают соответствующую мощь империй Отона и самого халифа; и султан, наученный опытом Испании, указывает на неразумность позволять феодальным подданным становиться слишком могущественными, разделяя королевства между ними.

Так заканчивается этот уникальный и интересный фрагмент, который проливает такой приятный свет на характер и двор величайшего из испанских султанов и доказывает, что христиане в то время пользовались значительной свободой и даже почетом в руках мусульманского правительства.

Причина, по которой король не пожелал получить первое письмо, принесенное Иоанном, заключалась не столько в том, что он не хотел читать слова против Мухаммеда, сколько в том, что тем самым он навлек бы на себя смертную казнь, которая по закону полагалась любому мусульманину — королю или рабу, — который слушал оскорбления Пророка, не требуя от

богохульника немедленного возмездия. Но — и в этом заключалась дилемма короля — он не мог наказать послов, не навлекая на себя враждебности Отона. Единственной возможной альтернативой была предложенная Джоном просьба Ото отозвать неугодное письмо без официального прочтения султаном, и Абдуррахман согласился. Умеренность короля бросается в глаза во всем, поскольку мы должны рассматривать угрозу в адрес христиан всего лишь как угрозу, которая на самом деле никогда не предназначалась для приведения в исполнение.

Можно подумать, что испанские халифы, проявляя терпимость к своим христианским подданным, забыли традиции ислама; но, на самом деле, Мухаммед, похоже, был очень непоследователен в своих взглядах на христиан и евреев в разные периоды своей карьеры, и хотя он призывал к необходимости Священных войн,[1] он разрешил допустить людей книги. отдать дань уважения.[2] В одном отрывке он даже, кажется, допускает возможность спасения евреев, христиан и сабиян: "Воистину, те, кто уверовал, и те, кто принял иудаизм, и сабияне, и христиане — кто бы из них ни верил в Бога и в последний день и делал то, что правильно, — на них не снизойдет страх, и они не будут опечалены".[3] И в устах Мухаммеда можно найти один замечательный текст: "Да не будет насилия в религии". [4]

Более того, некоторые из лучших мусульманских правителей, когда-либо живших, придерживались того же принципа терпимости. Сообщается, что Аббас II, один из персидских суфиев, сказал: "Судить о совести людей - дело Бога, а не мое, и я никогда не буду вмешиваться в то, что принадлежит суду великого Создателя и Владыки Вселенной".[5] Опять же, Акбар, один из величайших царей, когда-либо живших, следовал на практике принципу, выраженному его министром Абуль Фазлом: "Преследования, в конце концов, сводят на нет их собственные цели; они вынуждают людей скрывать свои мнения, но не приводят к их изменению".[6] Несомненно, благородные чувства, и такие, каких нам следует ожидать от последователей Христа, а не Мухаммеда!

[1] Традиция приписывает Мухаммеду еще большее одобрение Священных войн, чем это можно найти в Коране, — например, : "Меч - ключ от рая и Ада. Капля крови, пролитая за дело Божье, ночь, проведенная с оружием в руках, приносят больше пользы, чем два месяца поста и молитв. Кто бы ни пал в битве с неверными, ему прощаются его грехи".

[2] Коран, xlvii., ad init.

[3] Коран, ст. 73. Это можно сказать в общем смысле Деяний х. 35.

[4] Коран, ii., ст. 258.

[5] См. "Сарацины" Фримена, стр. 230; из "Персии" Малкольма, i. стр. 583.

[6] Там же, из "Айин Акбери", стр. 11.

Однако слишком часто отдельные части христианской церкви проявляли нетерпимость, а не терпимость. Алкуин, действительно, говорит в своем письме к Акиле, епископ Винчестерский, что он не одобряет наказания ереси со смертью, потому что Бог устами своего пророка, сказал: "Нет мне удовольствия в смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был;"[1], но Алкуин был человеком необычайной мягкостью и сладким разумности, в своих письмах к Феликсу и Elipandus показания. С другой стороны, в Церкви было слишком много

неистовых фанатиков, таких как Арнольд из Сито, чьи нечестивые слова в связи с резней альбигойцев вряд ли будут забыты: "Убивайте всех, Бог узнает Своих".

Фактически, христианский дух оказался настолько противоположным мусульманскому в этом отношении, что их веротерпимость была выдвинута архиепископом Валенсии в качестве главного аргумента против мавров в его мемориале Филиппу III. в конце шестнадцатого века.[2]

Очень печальный пример фанатизма и нетерпимости приводит Бернард, французский монах, которого Альфонсо сделал архиепископом Толедо после взятия этого города в 1085 году. По капитулянтскому договору некоторые мечети были явно зарезервированы за мусульманами, точно так же, как некоторые церкви были зарезервированы за христианами Мусой в 712 году. Но Бернард, желая продемонстрировать свое рвение в деле Божьем, вопреки данному королем слову, предпочел отслужить мессу в главной мечети. Альфонсо был вне себя от гнева, когда услышал о действиях своего архиепископа, но мусульмане с удивительной терпимостью, видя, что король не санкционировал возмутительное поведение Бернарда, выступили по собственной воле и умоляли его простить этот поступок и даже добровольно сдали свою мечеть.[3]

Христианам не только разрешалось исповедовать свою религию, но даже, как мы видели выше, поощрялось в ней.[4] Альманзор, поборник ислама, разрешал своим слугам-христианам отдыхать по воскресеньям. Христиане во все времена правления занимали высокие посты при дворе[5] и по всей стране, и не только служащие времени христиане, но и такие люди, как Самсон и Леовигильд, которые, как было известно, симпатизировали партии zelotes, были наняты королем для написания писем соседним королям и ведения переговоров с ними. Это, без сомнения, было связано с их общей надежностью, быстротой и знанием арабского, а также латыни.

[1] Иезекииль xxxiii. 11.

[2] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 376, н.

[3] Мариана, ix. 10.

[4] См. стр. 57. Недавняя история дает аналогичный пример со стороны христиан. См. "Гордон в Центральной Африке", стр. 54 — "Я заставил их построить мечеть и соблюдать Рамадан". Там же., стр. 249: "Я приказал очистить мечеть и восстановить ее для богослужений, одарил священников и глашатая и провел грандиозную церемонию при ее открытии.... Они благословили меня и прокляли Зебер-пашу, который отобрал у них мечеть. Мне кажется, что мусульманин поклоняется Богу так же хорошо, как и я, и является таким же приемлемым, если он искренен, как любой христианин".

[5] Например, секретарь, фермер по налогам или даже премьер-министр.

Среди великих государственных деятелей был один, занимавший должность Китабату-дх-дхимам, что в переводе означает "служба защиты". Христиане и евреи находились под его общей юрисдикцией и назывались "народом защиты".[1] Но помимо этого арабского "государственного секретаря по делам христиан", у последнего были свои графы — пережиток готской системы, — которые, однако, не всегда отстаивали свои интересы.[2] Были также христианские цензоры,[3] но неизвестно, какую должность они занимали в государстве.

Молодые кадеты-христиане благородного происхождения воспитывались при дворе, и в королевской телохранительнице служило немало славонских христиан, которых при Хакеме I (796-822) было 2000.[4]

[1] Аль-Макк., i. стр. 103; и примечание Де Гаянгоса, стр. 398.

[2] Например.. Сервандус. Ср. также Киприан.

[3] См. выше, стр. 49.

[4] Conde, i. p. 260.

Учитывая все обстоятельства, вызывает удивление тот факт, что эти два народа, столь непохожие по расе, привычкам, предрассудкам и религии, жили так сравнительно спокойно бок о бок, несмотря на постоянное состояние войны между арабами и христианами на Севере, которое, как правило, поддерживало вражду двух рас в той части Испании, которая находилась под властью мусульман.[1] Более того, у чистокровных арабов была очень сильна расовая гордость. Так, поэт Саид ибн Джуд в стихотворении под названием "Битва за город" (Polei) хвастается, что победители принадлежат к чистой расе Аднана и Кахтана, без какой-либо иностранной примеси; в то время как побежденных испанцев он называет негодями, последователями ложной веры,[2] сыновья бледнолицых. Надменные арабы, на самом деле, были слишком склонны смотреть на всех испанцев, как на ренегатов, так и на христиан, как на простых канарейкиных.[3]

Но, несмотря на это, расы в определенной степени слились; и Евлогий пытается доказать, что, если бы не вспышка фанатизма в середине IX века, это слияние имело бы серьезные последствия для христианства в Испании.[4]

Арабы не гнушались искать союза со свободными христианскими государствами, и последние не чурались делать то же самое, когда этого требовали политические обстоятельства. Уже в 798 году вали приграничных городов стремились стать независимыми с помощью того, что арабский писатель описывает как "гнусную политику и недостойные поступки", т.е., ища дружбы христианских королей;[5] и есть много примеров, когда эти короли просили помощи, даже раболепной, у арабских принцев.[6]

[1] Dozy, ii. 108, puts the distinction between the races very forcibly:—"Ce peuple qui joignait à une gaité franche et vive une sensualité raffinée devait inspirer aux prêtres, qui aimaient les retraites éternelles et profondes, les grands renoncements et les terribles expiations, une répugnance extrême et invincible."

[2] Dozy, ii. 223.

[3] "C'était leur terme consacrée." Дози, ii. 211.

[4] "Boe за долоп! quia esse sub Gentibus delicias computamus, iugumque cum infidelibus ducere non renitimur. Et inde ex cotidiano usu illorum sacrilegiis plerumque utimur et magis ipsorum contubernia affectamus."—Eul., "Дос. Мученик", раздел 18.

[5] Conde, i. 244: "Хроника. Альб., vi. с. 58: "Хроника". Lib., с. 30.

[6] Аль Маккари, ii. 161, Ордоньо Плохой и Хакем II.

Опять же, как это было неизбежно в силу характера данного случая, смешанные браки были обычным явлением между двумя расами. Пример был рано подан вдовой Родерика, последнего короля Готов, вышедшей замуж за Абдулазиза, сына Мусы. Сыновья Витизы также женились на арабских женщинах, и Сара, дочь одного из этих принцев, была прародительницей знатной арабской семьи, одним из ее потомков был историк Ибн аль-Куттия, что означает сын готской принцессы.[1] Абдуррахман Анассир, величайший из всех испанских султанов, был сыном рабыни-христианки по имени Мария,[2] и могущественный Альманзор имел для бабушки, дочери христианина-отступника.[3] Таковы некоторые примеры, но нет необходимости останавливаться на таком распространенном явлении, как смешанные браки между народами, которое не запрещено ни Кораном,[4] ни Библией.

Однако в этой связи есть один момент, который заслуживает более пристального внимания. Предполагалось, что смешению рас частично способствовала ежегодная дань в размере 100 девушек, выплачиваемая северными королями более ранним арабским султанам. Современные историки в основном ставят под сомнение эту историю, говоря, что из ранних историков никто не упоминает о ней, и что арабы даже не упоминают об этом.[5] Но если верить Конде, арабский писатель действительно говорит об этом, как о чем-то хорошо известном. В письме Омара[6] ибн Алафтаса Альмудафара, короля Алгарве, Альфонсо VI., в 1086 году, встречаются слова: "Помнишь ли ты времена Мухаммеда Альманзора и вспомни те договоры, по которым твои предки оказывали ему почтение даже от своих собственных дочерей и посылали ему тех девушек в дань уважения даже земле, которой мы правим".

[1] Аль Маккари, ii. 15, 22, и примечание Де Гаянгоса, стр. 454.

[2] Conde, i. 364.

[3] Dozy, iii. 124.

[4] Коран, ст. 5: "Вам разрешается жениться на свободных женщинах из числа тех, кто получил Священные Писания до вас".

[5] Данхэм, ii. 131: "История Испании" Роми, iii. 276.

[6] Конде, ii. 238: Аль Маккари, ii. 256, называет его Омаром ибн Мухаммедом и др. ибн Алафтасом Альмутаваккелем, королем Бадахоса.

"Девичья дань" - тема нескольких старинных баллад испанских христиан. Ниже приведены два куплета из одной из них:—

"Ибо тот, кто дает мавританскому королю сотню испанских девушек
Каждый год, когда наступает новый день;
Если он не язычник, он пополняет ряды язычников —
Лучше сжечь королевство, чем терпеть такое презрение!

"Если мусульманам нужна дань, плати дань мужчинам,
Посылай праздных трутней дразнить их в их ульях с медом;
Ибо, когда платят девушками, от каждой девушки вырастает

пять или шесть сильных воинов". служить мавританскому королю.[1]

Саути также говорит, что единственная известная ему старинная португальская баллада была на эту тему. Таким образом, свидетельства баллад убедительны в пользу факта такого рода, что также свидетельствует против авторов баллад.[2]

Что касается христианских хронистов, то совершенно верно, что мы не находим упоминания об этой дани в истории Себастьяна Саламанкского и Хронике Альбельдума, но есть прямой намек на нее в документе, включенном в собрание Флореса.[3] "Наши предки, - говорит Рамиро, — короли страны - мы краснеем, когда рассказываем об этом, — чтобы освободиться от набегов сарацин, согласились ежегодно выплачивать им позорную дань в виде ста девушек, отличавшихся красотой, пятидесяти благородного происхождения и пятидесяти из народа". Именно для того, чтобы положить конец этой гнусной дани, Рамиро теперь приказал взимать ее *в массовом порядке*. Это, если документ подлинный (а Флорес не дает никаких намеков на обратное), является хорошим доказательством факта. Многие последующие авторы упоминают об этом. Лукас Туйский[4] говорит, что у Рамиро попросили дань в 842 году. Йоханнес Васеус[5] говорит об этом, как и Альфонсо, епископ Бургоса;[6] и, наконец, Родриго Толедский[7] говорится, что Морегат (783-788), получив трон Леона с помощью сарацин, согласился отправлять эту дань ежегодно.

Таким образом, в целом, имеются свидетельства в пользу того, что первая дань - это не миф, а что она регулярно выплачивалась на протяжении более пятидесяти лет. Большинство этих девушек-христианок, вероятно, приняли религию своих мужей, но в некоторых случаях они, без сомнения, обратили их в свою собственную веру.

По разным причинам, некоторые из которых будут упомянуты в другом месте, часто происходили переходы из одной религии в другую. Мирские интересы, естественно, привели к тому, что баланс сил в этих делах сильно склонился в пользу христиан, но по мере того, как мусульманская власть приходила в упадок, происходило обратное. Хотя добровольное отступничество было и остается непростительным, Мухаммед, по-видимому, делал снисхождение тем, кто отступал по принуждению; ибо, когда один из его последователей, Аммар ибн Ясер, будучи замученным курайшитами, отрекся от своей веры в Бога и в миссию Мухаммеда, но впоследствии с плачем пришел к Пророку, Мухаммед принял его ласково и, вытирая глаза, сказал: "В чем твоя вина, если они принудили тебя?"[8]

[1] Локхарт.

[2] Если только баллады не были написаны позже 1250 года—*т.е.*, после того, как Родриго Толедский сделал историю известной благодаря своей истории.

[3] "Собор Святой Испании", XIX. 329—"Привилегии для голосования, 844 год от Рождества Христова Ранемиро И., уступка церкви Б. Якоби".

[4] Лукас Тюденис, "Хроника мира", bk. iv.

[5] "Хроника Испании", 783 год н.э.

[6] "Анацефалез", раздел 51.

[7] III. с. 7.

[8] Коран, xvi. версия. 109, Примечание к продаже.

ГЛАВА VIII.

МУВАЛЛАДЫ.

О том, что переходы из христианства в ислам поначалу были очень многочисленными, мы можем в достаточной степени судить по тому факту, что новообращенные сформировали большую и важную партию в государстве и им почти удалось вырвать правительство Испании у арабов. Беспорядки и гражданская война, которые, можно сказать, были почти хроническими в Испании во времена арабского владычества, были вызваны тем фактом, что три различные расы, поселившиеся в этой стране, боролись за господство, причем каждая из этих рас сама была разделена на две крайне враждебные группировки. Арабы были разделены на две фракции арабов-йеменцев или беладии, потомков Кахтана, и модхаритов, арабов из Мекки и Медины, которые утверждали, что происходят от Аднана.[1] К последнему разделу принадлежала царствующая семья Омейядов. Берберы, которые считали себя настоящими завоевателями Испании и численность которых впоследствии пополнилась новыми иммигрантами, состояли из двух враждебных племен ботар и беранис. В-третьих, были испанцы, частично христиане, частично мусульмане; последние были либо самими ренегатами, либо потомками ренегатов. Арабы называли этих отступников Мосалимами, или Новыми мусульманами,[2] и их потомков Мувалладами,[3] или тех, кто не арабского происхождения. Христиане были либо христианами, платящими дань, называемыми Ахлу дхимма; или свободными христианами под властью мусульман, называемыми Аджеми;[4] или отступниками от ислама,[5] по имени Мураддин. Чистокровные арабы смотрели на мувалладов, несмотря на мусульманскую доктрину равенства и братства мусульман, с величайшим презрением.[6] Их положение было даже хуже, чем у христиан, поскольку они, вообще говоря, были отстранены от прибыльных должностей и от всякого управления делами — опасная политика, учитывая, что они составляли большинство населения.[7] Более сильные и гуманные, чем берберы, они были друзьями порядка и цивилизации. Интеллектуально они даже превосходили арабов-завоевателей.[8]

Естественным результатом того, что они были испанцами по расе и арабами по религии, было то, что они становились то на сторону одной фракции, то на сторону другой, и одно время, при слабом Абдалле (888-912), были опорой султана в борьбе с его мятежными подданными. Порвав с султаном, они почти сумели завладеть всем королевством и принесли огонь и опустошение к самым воротам Кордовы.[9]

[1] См. выше, стр. 23, примечание 3.

[2] Ср. "Новые христиане".

[3] Произносится как Мулад, следовательно, мулат. Это слово означает "усыновленный".

[4] Аль-Маккари, ii. 446. Записка Де Гаянгоса.

[5] Аль-Маккари, ii. 458.

[6] Ср. "Гордон в Центральной Африке", стр. 300. "... единственное, о чем я сожалею, - это о том, что я христианин. И все же они были бы первыми, кто стал бы презирать меня, если бы я отрекся и стал мусульманином ". Арабский поэт называет их "сыновьями рабов", Дози, ii. 258.

[7] Со Дози, ii. стр. 52. Но, возможно, он имел в виду "арабское население".

[8] Dozy, ii. 261.

[9] Аль Маккари, ii. стр. 458. Записка Де Гаянгоса.

Еще в 805 году муваллады Кордовы, подстрекаемые некоторыми теологами, подняли восстание под предводительством Хакема I., но восстание было подавлено. Однако в 814 году они снова восстали, и восстание было с большой жестокостью подавлено с помощью берберов, кордовские муваллады были сосланы, 1500 человек отправились в Александрию, а 8000 - в Фес.[1] Но, несмотря на уничтожение в Кордове, ренегаты все еще были сильны в Испании. В Эльвире они восстали во время правления Абдаллы под предводительством Набиля и сбросили арабское иго;[2] а до этого Абдуррахман ибн Мерван ибн Юнас и Садун возглавляли аналогичные восстания в Бадахосе и Мериде.[3] В Севилье элемент Муваллада был особенно силен, как мы видим по многим фамилиям, таким как Бени Анджелино, Бени Сабарико, которые выдают испанское происхождение. Большинство жителей рано приняли ислам, и к середине девятого века у них появилась своя мечеть, но они сохранили многие испанские обычаи и особенности. Когда севильские арабы восстали против султана, партия ренегатов присоединилась к последнему. В Сарагосе бени каси, потомки знатной готской семьи, основали независимое государство, безразлично ведущее войну со всеми своими соседями.

[1] Dozy, Приложение. В к тому ii. Отсюда Хакема звали Аль-рабади (= он из пригорода).

[2] Ихн Хайян, апуд Аль Маккари, ii. 446, и далее.

[3] В 875. "Хроника Альбела", с. 62. Дози, ii. 184.

В рамки данного исследования не входит изучение истории всех восстаний арабов или берберов против власти султана, но политика и позиция мувалладов и христиан являются необходимой частью нашей темы. Последние, хотя в целом к ним относились хорошо, естественно, с сожалением вспоминали дни своего собственного господства и были готовы интриговать с любым, кто мог помочь им против их арабских правителей. Соответственно, мы находим, что они общались с королями Франции; и до сих пор сохранилось письмо Людовика Добропорядочного к народу Мерида, написанное в 826 году, следующего содержания: "Мы слышали о вашем несчастье, которое вы испытываете из-за жестокости вашего короля Абдуррахмана, который пытался отобрать ваше имущество и притеснял вас точно так же, как это делал его отец Абулаз. Он, заставив вас платить несправедливые налоги, которые вы не были обязаны платить, превратил вас из друзей во врагов и из послушных в непослушных вассалов, поскольку посягнул на ваши свободы. Но мы слышали, что вы, как храбрые люди, сопротивляетесь тирану, и мы пишем сейчас, чтобы выразить вам соболезнования и призвать вас продолжать сопротивление, и поскольку ваш король такой же наш враг, как и ваш, давайте присоединимся к нему.

"Мы намерены следующим летом отправить армию к границе, чтобы ждать там, пока вы не дадите нам сигнал к действию. Знай же, что, если ты покинешь его и присоединишься к нам,

тебе будут гарантированы твои древние свободы, ты будешь свободен от всех налогов и податей и будешь жить по своим собственным законам".[1]

Обещанная армия была отправлена под командованием сына короля, но, похоже, ничего не добились.

В период религиозных волнений в Кордове, когда добровольные мученичества стали таким частым явлением, и как раз во время восшествия на престол Мухаммеда, христиане Толедо, воодушевленные, как мы можем предположить, своей близостью к свободным христианам, восстали в пользу своих единоверцев в Кордове. Неудивительно поэтому, что Мухаммед вообразил, что вспышка фанатизма в Кордове была всего лишь сигналом к всеобщему мятежу его христианских подданных. Как мы уже видели, король выступил с армией против толедцев, которые обратились за помощью к Ордоньо I Леонскому. Обрадованный такой возможностью ослабить арабское правительство, Ордоньо послал большие вспомогательные силы, но толедцы и леонесцы были разбиты войсками султана с большой резней.[2] Однако в течение двадцати лет Толедо стал практически независимым, за исключением выплаты дани.[3]

[1] Апуд Флорес, "Собор Святой Испании".

[2] Dozy, ii. 162.

[3] Там же, стр. 182.

Из всего этого становится ясно, что испанская часть населения, будь то мусульмане или христиане, была настроена против исключительности древних арабов и готова выступить против них сообща. Единство расы возобладало над различием вероисповедания, как это было в случае с английскими католиками во время войны с Испанией, и как это обычно бывает при подобных обстоятельствах. Национальной партии посчастливилось найти способного лидера в лице знаменитого повстанца Омара ибн Хафсуна, который был близок к тому, чтобы вырвать суверенитет Испании из рук Омейядов. Омар происходил от графа Альфонсо,[1] и его семья были христианами до отступничества его деда Джаффара. Омар, будучи необузданным неуправляемым юношей, выбрал прибыльную и почетную профессию бандита, его штаб-квартира находилась в Бобастро или Биштере, цитадели где-то между Арчидоной и Рондой, в сьерра, простирающейся от Гранады до Гибралтара.[2] После краткого пребывания в Африке, где его амбиции были воспламенены пророчеством, возвещающим великое будущее, он вернулся в Испанию и сразу же снова начал разбойничать в Бобастро с почти 6000 человек.[3] Попав в плен, он был доставлен в Кордову, но пощажен при условии зачисления в королевские войска. Но вскоре он бежал из Кордовы и стал вождем всех испанцев на Юге, мусульман и христиан,[4], чей пыл он возбудил такими словами, как эти: "Слишком долго вы несли иго султана, который отнимает у вас ваши товары и облагает вас налогами сверх ваших средств. Неужели вы позволите арабам растоптать себя, которые смотрят на вас как на своих рабов? Не амбиции побуждают меня восстать, а желание отомстить за вас и за себя". Чтобы укрепить свое дело, он в разное время заключал союзы с Мувалладами в Эльвире, Севилье и Сарагосе, а также с успешным повстанцем Абдуррахманом ибн Мерваном в Бадахосе.

[1] Dozy, ii. 190.

[2] Аль-Маккари, ii. 437. Записка Де Гаянгоса.

[3] В 880 или 881.

[4] Смотрите описание его, цитируемое Стэнли Лейн-Пулом ("Мавры в Испании", стр. 107) арабского писателя: "Горе тебе, Кордова! когда капитан с большим носом и уродливым лицом — тот, кого спереди охраняют мусульмане, а сзади идолопоклонники, — когда Ибн Хафсун появляется перед твоими воротами. Тогда свершится твоя ужасная участь".

Открыто бросив вызов войскам султана, он был сдержан только Альмундиром, сыном короля, который наследовал своему отцу в 886 году. Омар еще больше укрепился, когда на его сторону перешел Шербиль, граф Кордовы.[1] Смерть Альмундхира в 888 году устранила с пути Омара его единственного способного врага, и во время слабого правления Абдаллы лидер повстанцев был фактическим королем юга и востока Испании. Округ Реджио[2] был передан ему королем, а наместник Омара, Ибн Мастарна, был назначен начальником Приехо.

Эта затяжная война, которая на самом деле была войной за национальную независимость, велась год за годом с переменным успехом. В свое время Омар задумал провозгласить абасидских халифов,[3] в другой раз он сам захватил королевскую власть; и империю Абдаллаха спасла только своевременная победа в 891 году при Хисн-Страхе (или Эспиле).[4] Битва произошла накануне Песаха, и мусульмане дразнили своих врагов таким радостным праздником и таким количеством жертв в память о нем. Это показывает, что значительная, возможно, самая многочисленная, часть армии Омара была христианской. Другое указание на это содержится в стихотворении Тариха ибн Хабиба,[5] где, говоря о грядущем разрушении Кордовы, он говорит: "Самым безопасным местом тогда будет холм Абу Абду, где когда-то стояла церковь", имея в виду, что христианские солдаты Омара будут уважать это святилище, и никакое другое. Действительно, несомненно, что сам Омар стал христианином незадолго до этой битвы,[6] как и его отец до него. Он взял имя Самуил, а его дочь Аргентея, как мы видели, приняла мученическую смерть. Это изменение вероисповедания со стороны Омара изменило характер войны, и придало ей больше религиозного характера,[7] и, возможно, меньше национального характера, поскольку испанские мусульмане отпали от него, когда он стал христианином и построил церкви.

[1] Сервандус. Аль-Маккари, ii. 456. Примечание Де Гаянгоса.

[2] Где ислам был почти вымершим. Дози, ii. 335.

[3] Аль Маккари, ii. стр. 456. Записка Де Гаянгоса.

[4] Ибн Хайян, апуд Аль-Макк., ii. стр. 452. Похоже, это та же победа, что и та, которую Дози (ii. 284) называет Поли или Агилар.

[5] См. Dozy, ii. стр. 275.

[6] Ибн Хайян, апуд Дози, ii. стр. 326.

[7] В 896 году, при захвате Казлоны отступником по имени Ибн ас Халия, все христиане были вырезаны. Дози, ii. с. 327.

К концу своего правления Абдалла смог утвердить свое превосходство, хотя Омар и его последователи все еще держались. Сам Омар умер только в 917 году, через несколько лет после смерти Абдаллы. Преемник короля, Абдуррахман III, был человеком, отличным от

Абдаллы, и низложение Омара стало лишь вопросом времени, хотя на самом деле отступничество Омара от ислама сделало конечный успех национальной партии весьма сомнительным, если не невозможным. После смерти Омара его сын Джаффар думал заручиться поддержкой испанских мусульман, приняв ислам; но тем самым он потерял доверие христиан, которыми был убит. В 928 году его брат Хафс вместе с Бобастро сдался султану, и великое восстание было окончательно подавлено.

Так закончилась великая борьба национальной партии, сначала под руководством Мувалладов, а затем христиан, за то, чтобы сбросить арабское и берберское иго. В течение оставшейся части десятого века сильная администрация Абдуррахмана III, Хакема II и великого Альманзора не давала христианам ни малейшего шанса поднять крик "Испания для испанцев". После устранения опасности возобновления восстания положение христиан, похоже, ничуть не ухудшилось вследствие их недавнего недовольства, и Абдуррахман, сам сын матери-христианки, относился ко всем участникам восстания с большой снисходительностью, даже вопреки желаниям и советам наиболее набожных мусульман. Альманзор тоже завоевал уважение и даже симпатию своих христианских подданных, и нет никаких сомнений в том, что его победы над христианскими государствами на Севере[1] были одержаны в значительной степени с помощью христианских солдат. Его смерть стала сигналом к распаду испанского халифата, и с 1010-1031 годов, когда халифат был окончательно уничтожен, в сарацинской Испании царила полная анархия. Берберы предприняли решительные усилия, чтобы восстановить свое господство, и их силам, поддержанным христианами, удалось возвести Сулеймана на трон в 1013 году. Последовала череда слабых правителей, созданных различными фракциями — арабами, берберами и рабовладельцами — вплоть до Хишема III. был вынужден отречься от престола в 1031 году, и династии Омейядов пришел конец, просуществовав 275 лет. К этому времени христиане на Севере собрались для совместного наступления на сарацинские провинции, чтобы никогда больше не отступать, и их почти невозможно было остановить, пока в 1492 году не пала Гранада, последний оплот мавров в Испании.[2]

[1] Аль Маккари, ii. стр. 214.

[2] В 1630 году в Испании не осталось ни одного мусульманина.—Аль-Макк., i. стр. 74.

ГЛАВА IX.

ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ, НЕ ЗНАЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА

ЧУЖОЕ КРЕДО.

Несмотря на тесный контакт, в который были вовлечены христиане и мусульмане в Испании, а также многочисленные обращения и частые смешанные браки между двумя сектами, ни у одной из сторон, по-видимому, не существовало основательных знаний о вероучении другой стороны. Таков, по крайней мере, вывод, к которому мы приходим, читая единственные прямые упоминания, сохранившиеся на эту тему у арабских и христианских авторов. С христианской стороны они состоят в основном из цитат из книги о мусульманстве аббата Сперандео в работе его ученика Евлогия;[1] и несколько довольно бессвязных обвинений Мухаммеда и его религии

со стороны Алвара,[2] еще один ученик настоятеля. В них, как и следовало ожидать, большое внимание уделяется чувственности рая Мухаммеда,[3] и распутству самого Пророка. Что касается последнего, то, хотя многие грубые сарказмы Гиббона не основаны на авторитете, в пользу Пророка можно сказать очень мало. Но среди других богохульств, приписываемых Сперандео Мухаммеду, есть одно, о котором мы не находим упоминания в Коране, а именно утверждение, что на том свете он будет женат на Деве Марии. Иоанн, епископ Севильи, в равной степени неправ, когда в письме Альвару,[4] он утверждает, что Мухаммед пообещал, что он, подобно Христу, воскреснет из мертвых; в то время как его тело, которым пренебрегли его родственники, было растерзано собаками. Христианский епископ без колебаний добавляет — *sepultus est in infernum* — он был похоронен в аду.[5]

[1] Eul., "Мет. Святилище", i. раздел 7.

[2] Альвар, "Ind. Lum.", с. 21-35.

[3] Там же., с. 23, 24. Рай Мухаммеда ни в коем случае не был полностью чувственным.—Коран Сале. Введение., стр. 78.

[4] Сек 9.

[5] Это показывает ненависть христиан к Мухаммеду, которого, по словам Евлогия ("Мет. Святость", i. с. 20), долгом каждого христианина было бы убивать, будь он жив на земле.

Обычно предполагается, что Мухаммед не умел ни читать, ни писать, и, по-видимому, таково было мнение Алвара:[1] но тот же свидетель признает, что Коран был составлен таким красноречивым и красивым языком, что даже христиане не могли не читать его и не восхищаться им.[2]

По важному вопросу о позиции Мухаммеда по отношению к христианству Евлогий[3], по крайней мере, вынес правильное суждение. Мухаммед, по его словам, "богохульно учил, что Христос был Словом Божьим", [4] и Его Дух; [5] великий пророк, [6] наделен большой силой от Бога; [7] подобно Адаму в Его сотворении, [8] но не равный Богу (Творцу); [9] и это по причине Его безупречной [10] жизни, исполненная Святого Духа, [11] Он явил чудесные знамения и чудеса силой Божьей, [12] действует не от имени Своего собственного Божества, а как праведный Человек и послушный слуга, [13] обретение большой силы и могущества от Всемогущего Бога через молитву".

[1] Альвар, "Ind. Lum.", с. 26.

[2] Там же., с. 29. Это больше, чем можно сказать на сегодняшний день.

[3] Eul., Библиотека. Апол., с. 19.

[4] Коран, гл. iii. 40.

[5] Коран, глава ii. 81, "укрепленный Святым Духом".

[6] Кор., с. iii. 59.

[7] Кор., с. iii. 45.

[8] Кор., с. iii. 50.

[9] Кор., с. ix. 33.

[10] Кор., с. iii.

[11] Это ошибка Евлогия. См. Примечание Сейла к Корану, глава ii. 81, примечание.

[12] Кор., гл. v. 110 и далее.

[13] Коран, IV век н.э.; xliii. 59.

Альвар гораздо более несправедлив к Мухаммеду, чем его друг Евлогий, и у него даже, кажется, было предвзятое представление^[1], что Пророк намеренно проповедовал доктрины, противоположные тем, которым учил Христос. Было бы ближе к истине сказать, что расхождение между двумя моральными кодексами было вызвано естественным невежеством неграмотного араба, соприкоснувшегося только с еретической формой христианства, истинных доктрин которого он, следовательно, вряд ли знал.

По словам Альвара, шестой день недели был выбран для мусульманского святого дня, потому что в этот день пострадал Христос. Мы осознаем абсурдность этого, когда рассмотрим благоговение, с которым Мухаммед относился к самому имени Христа, заходя так далеко, что даже отрицал, что Сам Христос вообще был распят.^[2] Истинной причиной выбора пятницы, как утверждает сам Мухаммед, было то, что в этот день завершилась работа творения.^[3]

Опять же, говорит Алвар, проповедовалась чувственность, потому что Христос проповедовал целомудрие. Но нельзя с полной уверенностью сказать, что Мухаммед проповедовал чувственность, хотя его личная жизнь в этом отношении ни в коем случае не была чистой.

Вместо поста пропагандировалось чревоугодие. Более безосновательного обвинения никогда не выдвигалось; ибо как можно утверждать, что христианство предписывает пост, в то время как ислам не одобряет его, перед лицом таких текстов, как Матфея ix. 14,^[4] и Исаии lviii. 6— "Разве это не тот пост, который я избрал? Ослабить пути зла, снять тяжкое бремя и отпустить угнетенных на свободу?" с одной стороны; а с другой - прямое предписание Корана^[5]: "О истинно верующие, вам предписан пост, как он был предписан тем, кто был до вас ... если вы будете поститься, так будет лучше для вас, если вы знали это. В месяц Рамадан вы должны поститься". Но Альвар продолжает делать еще более удивительное заявление: "Христос предписал, чтобы мужчины воздерживались от своих жен во время поста, в то время как Мухаммед посвятил эти дни плотским удовольствиям". Христос, конечно, не дает нам такого предписания, хотя святой Павел действительно говорит что-то в этом роде. В Коране^[6] Вам дозволено в ночь поста входить к своим женам; они — одежда для вас, а вы - одежда для них." Мы даже находим случай, зафиксированный арабским писателем, когда Яхья ибн Яхья, знаменитый факи, наложил на Абдуррахмана II епитимью в виде месячного дополнительного поста. . (822-852) за нарушение постановления Пророка о том, что от жен следует воздерживаться в течение месяца поста.^[7] Можно предположить, что Алвар, будучи мирянином, не изучал мусульманство критически, и то, что его рвение не соответствовало знаниям, является, пожалуй, лучшим объяснением этого вопроса. В одном месте^[8] он сообщает нам о своем намерении написать книгу о Кобаре,^[9] но работа, если она когда-либо была написана, не сохранилась. И об этом не стоит сильно сожалеть, если судить по диким

замечаниям, которые он допускает в других местах[10] по этой теме. В этом отрывке он, кажется, применяет неясное пророчество Даниила[11] к Мухаммеду, забывая, что в стихе 37 говорится о том, кто "не будет считаться с желаниями женщин", описание, вряд ли характерное для Мухаммеда. Он отождествляет Бога Маозима (Евр. Маузим), который в нашей переработанной версии (ст. 38) переводится как "Бог крепостей" с мусульманского Кобар;[12] и странного бога, которого он признает, Алвар отождествляет с дьяволом, вдохновившим Пророка в облике ангела Гавриила. Все это, как допускает сам писатель, очень загадочно.

[1] См. Dozy, ii. 107.

[2] См. Коран, сс. iii. 47; iv. 157; и примечания к продаже.

[3] Смотрите примечание Сэйла к Корану, с. lxii. 9.

[4] Ср. также Матф. xi. 19 — "Пришел Сын Человеческий есть и пить, и говорят: вот человек чревоугодник и виночерпий".

[5] Глава ii. 180.

[6] Глава ii. 185. Мусульманский пост ограничен дневным временем.

[7] Из Ибн Халлекана, апуд Дози, ii. 108.

[8] "Ind. Lum.," с. 25.

[9] Т.е., очевидно, Сааба.

[10] "Ind. Lum.," с. 25 и далее.

[11] С. xi. vv. 21, ff.

[12] ? Кааба.

Альвар не стесняется даже обвинять мусульман в идолопоклонстве, утверждая, что арабские племена поклоняются своему идолу (черному камню Кааба[1]), как они делали раньше, и что они выделили священный месяц Аль-Мозем в честь этого идола.[2]

Наконец, о Мухаммеде по-разному говорят как о предшественнике Антихриста,[3] или как о самом Антихристе.[4]

Давайте теперь посмотрим, насколько широко мы можем собрать мнения образованных мусульман относительно христианской доктрины и богослужения. Если мы находим их не менее односторонними и ошибочными, чем мнения христиан относительно мусульманства, тем легче мы можем извинить мусульман, поскольку сам Коран, сама основа и руководство всех их религиозных догматов, полон неправильных и непоследовательных представлений по этому вопросу.

Наиболее важной из этих ошибок было то, что христиане поклонялись Троице Божеств — Богу, Христу, Марии.[5] Включение Девы Марии в эту Троицу, возможно, было связано с тем фактом, что ей поклонялись даже в то раннее время, как это, безусловно, происходит среди римских католиков в наши дни. Как видно из процитированного выше отрывка,[6] нечто очень похожее на поклонение Пресвятой Деве уже воздавалось в церквях Испании.

[1] Продажа, Введение в Коран, стр. 91.

[2] Альвар, "Ind. Lum.", с. 25.

[3] Там же., с. 21.

[4] Там же., с. 53.

[5] См. Коран, ст. и доп.: "И когда Бог скажет Иисусу в последний день: о Иисус, сын Марии, сказал ли ты людям: примите меня и мою мать за двух Богов, помимо Бога?" он ответит: "Хвала тебе!" не мое дело говорить то, чего я не должен".

[6] Стр. 56.

Но следующий отрывок из "трактата о религиях" Али ибн Хазма, [1] премьер-министр Абдуррахмана V. (декабрь 1023—март 1024), покажет, что некоторые образованные мусульмане знали достаточно о христианском вероучении, чтобы оценить его трудности: "Нам не нужно удивляться, - говорит Ибн Хазм, - тому, что христианское вероучение было мужское суеверие. Посмотрите на христиан! Их так много, что только Богу известно их количество. Среди них есть люди большого ума и князья с большими способностями. Тем не менее они верят, что три - это одно, а один равен трем; что один из трех - Отец, другой - Сын, третий - Дух; что Отец есть и не является Сыном; что человек есть и не является Богом; что Мессия - Бог во всех отношениях, и все же не то же самое, что Бог; что Тот, Кто существовал от века, был сотворен.

"Одна из их сект, членов которой они называют якобитами и которая насчитывает сотни тысяч человек, верит даже в то, что Сам Творец был бичеван, распят и предан смерти, так что Вселенная на три дня лишилась своего Правителя".

Еще один отрывок из арабского писателя покажет нам, что мусульмане думали о поклонении святому Иакову, покровителю Испании, вокруг святыни которого началось религиозное возрождение на севере полуострова. Это Ибн Хайян, [2] который в своем отчете о пятидесятой экспедиции Альманзора против христиан говорит: — "Шант Якох (Сантьяго)" [3] Это одно из святилищ, наиболее посещаемых не только христианами Андалуса, но и всего соседнего континента, которые смотрят на его церковь с таким же почтением, с каким мусульмане относятся к Каабе в Мекке; ибо их Кааба - это колоссальный идол (статуя), стоящий посреди церкви. Они клянутся в этом и совершают к нему паломничество из самых отдаленных уголков, из Рима, а также из других стран за пределами Рима, притворяясь, что гробница, которую можно увидеть в церкви, принадлежит Якобу (Иакову), одному из двенадцати апостолов, самому любимому Исой (Иисусом).—Да пребудет благословение Божье на нем и на нашем Пророке!— Христиане называют этого Якоба братом Иисуса, потому что, пока он был жив, он всегда был с ним. Они говорят, что он был епископом Иерусалима и что он странствовал по земле, проповедуя религию [Христа] и призывая жителей принять ее, пока не пришел в этот отдаленный уголок Андалуса; что затем он вернулся в Сирию, где и умер в возрасте 120 солнечных лет. Они также утверждают, что после смерти Якоба его ученики отнесли его тело и похоронили в этой церкви, как в самой отдаленной части, где он оставил следы [своей проповеди]".

[1] II. 227, apud Dozy, iii. 342. Ибн Хазм был, по словам Дози, "строгим мусульманином, не желавшим судить о божественных вопросах человеческими рассуждениями".

[2] Аль-Маккари, ii. 293.

[3] Мисс Йонг, стр. 87, говорит, что арабы называли его Шам Якуб, но насколько достоверно это утверждение?

В стране, где литература и искусство культивировались так интенсивно, как это было в Испании во времена арабского господства, и где соперничество христиан, иудеев и мусульман привело к длительному периоду интеллектуальной деятельности, который мир редко видел, противоречивая теология не могла не получить широкого развития. Но все книги, если таковые и были написаны с христианской или мусульманской точки зрения, погибли, и у нас остались лишь такие незначительные и неудовлетворительные упоминания, как те, которые уже цитировались.

Таким образом, оценивая, какое влияние оказали друг на друга соперничающие религии Испании, мы вынуждены делать такие выводы, какие только можем, из скудных намеков, предоставленных нам авторами того периода; из наших знаний о том, какими были христианство в Испании и магометанство в Африке до того, как они соприкоснулись в Андалусии, по сравнению с тем, какими они стали после того, как этот контакт дал о себе знать; и из наблюдаемых последствий таких отношений в других местах. При внимательном рассмотрении этих разрозненных намеков мы увидим, что были заметны определенные эффекты, которые, если бы слиянию двух народов было позволено продолжаться непрерывно в течение более длительного периода и если бы не было тревожных элементов на севере Испании и в Африке, по всей вероятности, привели бы к некоторым заметным изменениям в одной или обеих религиях и даже к их более тесной ассимиляции.

ГЛАВА IX.

ЕРЕСИ В ИСПАНИИ.

Такое смешение религий ни в коем случае не лишено примеров в истории. Сабиянцы, например, были последователями религии, которая, возможно, представляла собой нечто среднее между иудаизмом, христианством и магианством.^[1] Но само мусульманство предоставило наиболее заметные примеры такого слияния. В Персии ислам в сочетании с вероучением Зороастра породил бабизм; в то время как в Индии индуизм и магометанство, сплавленные воедино гением Нанак Гуру, привели к появлению сикхизма.

Можно сказать, что мусульманство смогло объединиться с зороастризмом и индуизмом из-за их крайней непохожести на себя, тогда как христианство слишком близко к исламу, чтобы объединиться с ним таким образом, чтобы создать религию, подобную обеим, и в то же время отличную ни от одной из них.^[2] У христианства и магометанства есть по две кардинальные доктрины (и только две), которые нельзя отменить, если они хотят оставаться отличительными вероучениями. В одном из них, единстве Бога, они согласны. В другом они расходятся и всегда должны расходиться. Божественность Христа, с одной стороны, и божественная миссия Мухаммеда, с другой, являются полностью несовместимыми доктринами. Если одно верно, другое не может быть таковым. Откажитесь от обоих, и результатом будет иудаизм. Никакой компромисс не представляется возможным. Тем не менее, была предпринята попытка

компромисса, если мы можем поверить заявлению, приписываемому Дози Ибн Халдуну,[3] при изложении истории успешного мятежника Абдуррахмана ибн Мервана ибн Юнаса, который в последней четверти IX века, когда вся мусульманская Испания была жертвой самой дикой анархии, стал лидером ренегатов. или вечеринка Муваллада в Мериде и окрестностях. Думая объединить мувалладов и христиан в одном восстании, он проповедовал своим соотечественникам новую религию, занимавшую место на полпути между христианством и исламом. Это все, что нам говорят о попытке, которая могла бы привести к наиболее важным последствиям. То, что мы больше ничего об этом не слышим, является достаточным доказательством того, что попытка оказалась безуспешной. Единственная другая попытка, если это можно так назвать, объединить ислам и христианство привела к тому любопытному соединению, которое называется религией друзов.

[1] О попытке компромисса между христианством и брахманизмом см. Труды Беши, римско-католического священника, "Образование и миссии", стр. 14.

[2] Ср., однако, религия друзов.

[3] Dozy, ii. 184. Дози добавляет, что Абдуррахмана называли Галисийцем (эль-Джалики) вследствие его попытки: но здесь есть некоторая ошибка, поскольку Ибн Хайян (см. Аль-Маккари, ii. 439, и примечание Де Гаянгоса) говорит, что его звали ибн ульджалики, т.е. из рода галисийцев.

Но хотя в Испании не возникло ни одной религии, занимающей промежуточное положение между исламом и христианством, все же сами эти религии вряд ли могли не претерпеть значительных изменений из-за их тесного контакта на протяжении нескольких столетий.

Что касается христианства, то мы, естественно, найдем следы (если таковые имеются) такой модификации в так называемых ересь, которые, возможно, возникли в Испании в этот период. Они потребуют проведения довольно строгой проверки, чтобы раскрыть их секрет.

Испанская церковь, похоже, приобрела репутацию организации, внедряющей инновации[1] в доктрины и практики истинной веры и даже гордящейся своей изобретательностью в этом вопросе. Самый первый собор, акты которого дошли до нас, состоявшийся в Эльвире в Испании в начале четвертого века, содержит канон, осуждающий использование изображений. Самые первые еретики, которые были наказаны за свое заблуждение смертью от рук своих братьев-христиан, были воспитаны в лоне испанской церкви. Учение, новое тогда, но принятое сейчас всеми Западными Церквями, об исхождении Святого Духа как от Сына, так и от Отца, было впервые сформулировано на Испанском Соборе в конце VI века, но получило всеобщее признание на Западе только 600 лет спустя.[2] И, как мы видели, использование изображений осуждалось задолго до времен иконоборцев.

Теперь мы рассмотрим по порядку несколько ересей, которые стали заметны в Испании или Готской Галлии во времена арабского господства, и посмотрим, сможем ли мы проследить какую-либо связь между ними и мусульманской верой.

Сначала рассмотрим один незначительный факт: упоминается ересь, возникшая в Септимании (Готская Галлия) предположительно в восьмом веке.[3] Это было скорее практично, чем умозрительно, и состояло в отрицании необходимости исповедоваться священнику на том (безупречном) основании, что люди должны исповедоваться только Богу. Нам, протестантам,

это кажется вполне похвальным и разумным утверждением; но не так для достойного аббата, который записывает это: "четкая доктрина, *благоприятствующая свободе*", "трува у великого номбре сторонников и возбуждающая любовь Алькуина".[4]

[1] Alcuin ad Elipandum, iv. 13—"Audi me, obsecro, patienter, scholastica Hispaniae congregatio, tibi loquentem, quae novi semper aliquid audire vel praedicare desideras, non contenta ecclesiae universalis Catholica fide, nisi tu aliquid per te invenies, unde tuum nomen celebrares in mundo."

[2] Латеранский собор 1215 года.

[3] Смотрите, однако, письмо Алкуина духовенству провинции, Ер., 71. Минье, том ii, стр. 1594.

[4] Порбахер, "История. Университет. de l'Eglise Cathol.," ix. 309.

То, что эта ошибка была в каком-либо смысле вызвана влиянием арабов на соседних территориях Испании, конечно, утверждать невозможно, но в любом случае реформа была вполне в духе стихов Корана: "О вы, получившие"[1] Писание пришло к справедливому решению между нами и вами, что мы не поклоняемся никому, кроме Бога, и не связываемся ни с кем другим. тварь с Ним: и чтобы один из нас не считал другого господином, помимо Бога". И "Они считают своих священников и монахов своими господами помимо Бога".[2]

[1] Глава iii. стр. 39. Смотрите примечание Сэйла: "то есть прийти к таким условиям соглашения, которые бесспорно соответствуют доктрине всех пророков и Священных Писаний и, следовательно, не могут быть разумно отклонены".

[2] Глава ix. Мухаммед обвинял евреев и христиан в идолопоклонстве как по другим причинам, так и потому, что "они слишком безоговорочно повиновались своим священникам и монахам, которые брали на себя обязанность определять, что законно, а что противозаконно, и обходиться без законов Божьих". См. Sale, там же. Ср.—

С надменным сердцем и челом подошел воин,
взглядом и речью гордый, каким только может быть гордец,
Превознося свою светлость, родословную, битвы и славу,
Но этот босоногий монах был гордее его.
И как плющ взбирается на самое высокое дерево,
Так и вокруг самой возвышенной души он обвивает свои сети;
И своими заклинаниями умиряет свирепых и свободных.
До тех пор, пока покрытый горностаем возраст и юность в оружии, прославленные
Почитанием своего бича и власяницы, смиренно целовали землю.

И так случилось, что отвага, несравненный рыцарь,
Который никогда не был королем или кайзершей, скрывал свой герб,
все еще Одерживающий Победы на пиршестве быков или в битве,
С тех пор, как он впервые облачил свои конечности в кольчуги,
всегда подчинялся приказу этого отшельника;
Не рассуждал ни о добре, ни о зле,

Но по его приказу отложил копье в сторону,
И творил ужасные дела в беспокойном мире,
Ибо он был свирепым, как храбрый, и безжалостным, как сильный.
- "Дон Родерик" Скотта, ххix. ххх.

Давайте теперь рассмотрим еретический взгляд на Троицу, приписываемый Мигетию (около 750 г.). Согласно довольно неясному отчету, дошедшему до нас, [1] он, по-видимому, рассматривал Три Лица Троицы, по крайней мере в их отношениях с миром, как телесные, Отец олицетворялся в Давиде, Сын в Иисусе и Святой Дух в Павле. Трудно поверить, что доктрины, столь грубо изложенной Элипандом, действительно придерживался кто-либо. Возможно, мы можем сделать вывод [2], что Мигетий возродил ошибку Присциллиана (сама по себе форма савеллианства) и, сведя Три Лица Троицы к одному, признал определенные *energeiai* или силы, исходящие от Него, которые были проявлены в Давиде, Иисусе, Павле соответственно. Поскольку первым и последним из этих трех получателей Божественных сил, по общему признанию, были мужчины, из этого следует, что Мигетий был готов лишить Иисуса той Божественности, которая является кардинальной доктриной христианства и которая больше, чем какая-либо другая доктрина, отличает его от вероучения Мухаммеда. Соответственно, он, по-видимому, фактически отрицал божественность Слова, [3] и в этом он приблизился к магометанству. [4]

[1] Элипанда к Мигетию, раздел 3. См. Migne, том 96, стр. 859.

[2] C Enhueber. Dissert, apud Migne, ci., p. 338 ff., sec. 29.

[3] Enhueber, c. 32.

[4] Неандер, v. 216, н.э., говорит, что Мигетий считал, что *λογος* стал личным с принятием человечности Христа; что *λογος* была силой, составляющей личность Христа. Следовательно, говорит Неандер, его обвинили в утверждении, что Христос, сын Давидов по плоти, а не Христос, Сын Божий, был Вторым Лицом Троицы.

Похожая, но, по-видимому, не идентичная ошибка распространялась теми, кто, как мы узнаем из письма Альвара Сперандео, не верил в Три в Одном и Одно в трех, "отрицая высказывания пророков, отвергая доктрину ученых людей и, хотя они утверждали, что придерживаются Евангелия, указывая на тексты, подобные Иоанна хх. 17: "Я восхожу к Отцу моему и Отцу вашему, к Богу моему и Богу вашему", чтобы доказать, что Христос был просто человеком". [1] В своем ответе на письмо Альвара Сперанд говорит: "Если мы говорим о Троице как об одной Личности, мы иудействуем"; он мог бы добавить "и обращаемся в мусульманство". Эти еретики, по словам аббата, говорили о трех силах (*добродетелях*), образующих одну Личность, а не о трех Лицах, образующих единого Бога, как считали ортодоксы. [2] Здесь мы видим близкое сходство с ошибкой, упомянутой в предыдущем абзаце; но еретики, с которыми мы сейчас имеем дело, еще ближе подходят к учению Мухаммеда в приведенной выше цитате из Евангелия от Иоанна хх. 17, как будет видно, если мы сравним с этим текстом следующие отрывки из Корана, вложенные в уста Христа: "Воистину, Бог является моим Господом и вашим Господом; поэтому служите ему:" [3] "Они, несомненно, неверующие, которые говорят: "истинно, Бог есть Христос, Сын Марии, поскольку Христос сказал: о, дети Израиля, служите

Богу, моему Господу и вашему Господу": "[4] и "Я не говорил им ничего, кроме того, что ты повелел мне, а именно: поклоняйтесь Богу, моему Господу и вашему Господу". [5]

[1] Письмо Альвара. Флорес, xi. 147. Другим текстом, цитируемым в защиту этой доктрины агноетизма, был Матф. xxiv. 36: "О том дне и том часе не знает никто; нет, не ангелы небесные, но только Отец Мой". В ответ на это Сперанд ссылается на Быт. iii. 9, где Бог-Отец, кажется, не знает, где находится Адам.

[2] Иллюстрацию Спераиндео о Троице нельзя назвать удачной. Он сравнивает его с королем, чья власть едина, но состоит из самого человека, его диадемы и его пурпура.

[3] Коран, с. iii. v. 46.

[4] Кор., с. v. 77.

[5] Кор., с. v. 118.

Далее мы переходим к знаменитой ереси адопционизма, самому замечательному и оригинальному из тех нововведений, пристрастием к которым Алкуин насмехается над испанской церковью. К сожалению, мы мало что знаем о новой доктрине от ее создателей и сторонников — наша информация по этому вопросу исходит в основном из отрывков, цитируемых их оппонентами (в частности, нашим собственным Алкуином) в противоречивых работах. Но то, что ересь имела важную связь с мусульманской религией, было мнением многих выдающихся авторов по истории Церкви. Мариана, испанский историк, и Барониус, апологет Римской церкви, считали, что целью новых ересиархов было "принижением характера Христа проложить путь к союзу между христианами и мусульманами". [1] Энхубер, [2] также в своем трактате на эту тему цитирует трактат "De Primatu Ecclesiae Toletanae", который приписывает ересь ее автору, Элипанду, вступивший в такой тесный контакт с сарацинами и живущий с ними в таких дружеских отношениях. [3]

Неандер [4] считает, что есть некоторые основания предполагать, что Феликс, один из авторов ереси, использовался для защиты христианства от возражений, выдвинутых против него с мусульманской точки зрения, [5] и в доказательстве божественности Христа, чтобы их можно было побудить принять это. Следовательно, Феликса, возможно, побудило принять эту особую доктрину, называемую адопционизмом, желание приблизить христианский взгляд на Христа к мусульманскому.

Существуют значительные сомнения относительно того, кто первым выдвинул новую теорию, поскольку свидетельства носят противоречивый характер и указывают то на Элипанда, епископа Толедского и примаса всей Испании, то на Феликса, епископа Уржельского в Каталонии. [6]

[1] Мариана, vii. 8. Барониус, "Анна. Еккл." xiii. стр. 260. См. Бланта, "Словарь религий" и др., статью об адопционизме; и Migne, vol. xcvi. p. 847—"deceptus uterque contagione forsan insidentiurn cervicibus aut e proximo blasphemantium Mohametanorum commercio."

[2] Подробнее, с. 26. Манси, "СБ. Совета," x. 513, сек. 4.

[3] "Usus enim frequenti Maurorum commercio."—*Ibid*,

[4] V. 219.

[5] Возможно, это относится к "священному диспуту", о котором император Карл Великий слышал в написанном феликсом виде. Алкуин (см. "Ер.", 85) ничего не знает об этом. В своем письме Карлу Алкуин, говоря о письме Феликса, говорит: "Изобрести ошибки, прежде всего, в eius scriptis legerem".

[6] Преобладающим мнением, по-видимому, является то, что новая доктрина возникла в результате спора Элипанда с Мигетием.

Претензии Феликса[1] поддерживаются Эгинхардом,[2] Саксоном и Ионасом Орлеанским; в то время как Паулин Аквилейский, в своей книге, озаглавленной "Священный слог", он прямо называет Элипанда автором пагубной ереси; а Алкуин в своем письме Лейдраду,[3] говорит, что он убежден, что Элипанд, будучи первым по рангу, был также и главным преступником.

Поскольку доказательства неубедительны, мы вынуждены следовать *априорным* соображениям, и они указывают на Элипанда как автора. Согласно Неандеру,[4] он был жестоким, возбудимым, фанатичным человеком; и он, безусловно, использует очень сильные выражения в своих трудах против своих оппонентов и в значительной степени отстаивает свое достоинство как главы Испанской церкви. Например, говоря о своих обвинителях, Этерии, епископе Осмы и Беате,[5] священник Либаны, он говорит о первом, что тот погряз в трясине всякого распутства;[6] что он совершенно непригоден для служения у Божьего алтаря;[7] что он лжепророк[8] и еретик; и, забыв о вежливости противоречие в том, что в другом месте он без колебаний назвал бы его ослом. Беата также он обвиняет в грубой чувственности и называет его тем незаконным священником Асторги,[9] обвиняет его в ереси и присваивает ему титул Антифразий, что означает, что вместо того, чтобы называться Беатом, его следовало называть как раз наоборот.[10]

[1] См. "Диссертацию Фробена", Migne, vol. ci. стр. 305.

[2] "Анналы", 792.

[3] Алкуин, "Послание. в "ad Leidradum" говорится, что ересь возникла в Кордове, и он ссылается на письмо Элипанда Феликсу после отречения последнего.

[4] Неандер (v. p. 217), похоже, выводит эти качества из своих работ. Автор, цитируемый Энхубером (Трактат "О приматах", Eccl. Толет), описывает его как "parum accurate in sacris litteris versatus".

[5] Умер в 798 году. Флери в., стр. 236.

[6] Элипанд. Epist., iv. 2, "Carnis immunditia fetidus."

[7] "Ab altario Dei extraneus". Неандер, v., стр. 226, понимает это как то, что он был свергнут.

[8] Он придал Откровению святого Иоанна мусульманское применение: и предсказал конец света в ближайшем будущем. См. Письмо Блаженного, книга i, раздел 23 — "Новиссима гора есть ... nunc Antichristi multi facti sunt. Omnis spiritus qui solvit Jesum est illius Antichristi, quem

audistis quoniam venit, et nunc in mundo est." Смотрите также письмо Алкуина испанским епископам.

[9] "Элипанд и епископы Испании - епископам Галлии", раздел 1.

[10] Такая практика каламбурирования имен очень распространена у этих авторов. "Инфеликс Феликс" - это плохая острота, которая постоянно встречается. Итак, Самсон говорит о Хостегесисе, что его следует называть "hostis Jesu"; и в отчете о переводе тел Аврелия и т. Д. Мы находим, что о Леовигильде говорится как о настоящем "Льве вигилане".

Но, несмотря на подобные вспышки, мы должны остерегаться слишком сурового суждения о достопочтенном Элипанде. Сам Алкуин в своем письме епископу, написанном, по его словам, "пером милосердия", отзывается о нем как о самом безупречном,[1] и признается, что много слышал о его благочестии и преданности, признание, которое он также делает в отношении Феликса, в письме к нему.[2] Однако в своей книге "Против Элипанда" он восклицает не без пафоса: "За все шерстяные одежды на твоих плечах и митру на твоём челе, в которой ты служишь людям, за все ежедневное бритье твоей бороды[3] ... если вы не отречетесь от этих доктрин, вы будете причислены к козлам!" Другое свидетельство (однако сомнительной ценности) в пользу Элипанда можно найти в анонимном жизнеописании Беата,[4] где говорится, что Элипанд сменил Чиксилу на епископстве Толедо из-за его репутации ученого и благочестивого человека, которая распространилась по всей Испании.

[1] "Священная молитва", раздел 1. Ср. раздел 6, "Люди, знающие религиозную жизнь людей".

[2] "Знаменитость, священная аудиенция семьи". "Псевдо Люитпранд" называет его "Вир гумилис, благоразумный, живущий в страстной вере католической".

[3] Бороды были признаком мирян, см. Альвар, "Ер.", xiii., и, вероятно, на этом различии настаивали из-за мусульманского обычая носить длинные бороды. Об отличительной одежде духовенства читайте в том же письме Альвара ... "Quern staminia et lana oviuin religiosum adprobat".

[4] См. Migne, xcvi., 890 далее.

Элипанд, который хвастался тем, что опроверг и искоренил ошибки мигетов, а также занял столь независимую позицию по отношению к Римскому престолу, был не из тех людей, которые терпят, когда им диктуют, что является здоровой доктриной, а что нет, и в процитированном выше письме он презрительно замечает, что он никогда не слышал, чтобы учить толедцев входило в компетенцию жителей Ливана. Здесь, как и в вызывающей позиции, занятой по отношению к Папе, мы, возможно, можем видеть ревность, испытываемую старой независимой Церковью Испании под руководством ее собственного предстоятеля, к новой Церкви, которая росла в горах Севера, центром религиозного почитания которой вскоре должна была стать Компостелла, а ее духовным главой - не примас Испании, а епископ Рима.

Теперь пришло время объяснить, в чем заключалась настоящая ересь, которую проповедовали Элипанд и Феликс. Некоторые придерживаются мнения, что адопционизм был просто возрождением боносианских ошибок, которые давно укоренились в Испании;[1] другие, что это было возрождение несторианства[2] ересь, новая фаза противоречия между школами Антиохии и Александрии;[3] или что это была попытка реформировать христианство, очистив его от более

поздних дополнений.[4] Алкуин, однако, говорит о своих последователях как о новой секте, неизвестной с прежних времен.[5] Вкратце, новая доктрина заключалась в том, что Иисус, насколько это касалось Его мужественности, был сыном Божиим через усыновление. Эта ошибка была заранее предвидена и осуждена Кириллом Александрийским (348-386):[6] Хилари Арльская (429-449).[7] Одиннадцатый Толедский собор также предостерег от этой же ошибки за сто лет до этого (675 г.), подтвердив, что Христос, Сын Божий, был Его Сыном по природе, а не по усыновлению.

[1] Энхубер, дисс., с. 25. Ошибки Боноса были осуждены в Капье в 389 году. Об их развитии в Испании см. "Исидор Севильский".

[2] Осужден в Эфесе, 431. О связи адопционизма с этим см. Письмо Адриана епископам Испании (785?).

[3] Неандер, В., стр. 216.

[4] Там же., vi., стр. 120, см. Письмо Альвара Сперандео.

[5] Алкуин против Фелисема, i, раздел 7. Элипанд отрицал, что это имело какое-либо отношение к другим ересям. "Nos vero anathematizamus Bonosum, qui filium Dei sine matre genitum, adoptivum fuisse adfirmat. Item Sabellium, qui ipsum esse Patrem, quem Filium, quem et Spiritus sanctus (*sic*) et non ipsud, delirat. Anathematizamus Arium, qui Filium et Spiritum Sanctum creaturas esse existimat. Anathematizamus Manichaeum qui Christum solum Deum et non hominem fuisse praedicat. Anathematizamus Antiphrasium Beatum carnis lasciviae deditum, et onagrum Etherium, doctorem bestialem ..., " etc.

[6] "Лекции по Катехизису", xi. "Христос - Сын Божий по природе, рожденный от Отца, а не по усыновлению".

[7] De Trinit, v., стр. 7, "Сын Божий не является ложным Богом — Богом по усыновлению или Богом по метафоре (урожденный adoptivus, некий connuncipatus)".

Ошибочно полагать, что адопционизм - это просто возрождение несторианства.[1] Он согласился с последним в отрицании термина "Матерь Божья" применительно к Деве Марии,[2] но отличался от него существенным моментом признания единства личности во Христе. Что Феликс — а на него было возложено главное бремя защиты в этом споре — хотел прояснить, так это то, что предикаты двух природ Христа логически не могли быть взаимозаменяемы.[3] Поэтому Он рассуждал так: Христос в отношении Своей Божественности есть Бог и Сын Божий; в отношении Своей Мужественности Он также Бог и Сын Божий, не действительно по сути, но будучи принят в союз с Ним, который *есть* по сути Бог и Сын Божий. Следовательно, Христос, если только Он не черпал Свою человечность из сущности Бога, должен как человек и в отношении этой человечности быть Сыном Божиим только в переносном смысле. Это отношение Иисуса—Человека к Богу он предпочитал описывать термином "Усыновление" - слово, не встречающееся в Писании в этой связи, "но, - говорит Феликс, - подразумеваемое в нем,[4] что такое усыновление в сыне, если это не избрание, предположение (*восприимчивость*)". Сам термин, без сомнения, был найден Элипандусом в "Готской литургии";[5] и он, скорее всего, сначала использовал его, не думая поднимать метафизическую

дискуссию по столь запутанному вопросу. Однако, будучи привлечен к ответственности за использование этого слова теми, кого он считал своими духовными подчиненными, он был вынужден защищать его из-за естественной неприязни признавать себя неправым. "Мы легко можем поверить, - говорит Энхубер, - что Элипанд, который, по-видимому, был главным автором ереси в то время, сначала впал в нее по невежеству и непреднамеренно и открыто не выступал как еретик, пока, будучи предупрежден о своей ошибке, он высокомерно и упрямо защищал позицию, которую занял только по невежеству".[6]

Элипандус также, по-видимому, обратился к Феликсу[7] за своим мнением о сыновстве Христа; и последний, который был человеком большой проницательности и проницательности, первым сформулировал новую доктрину, заявив в своем ответе, что Христа следует рассматривать с точки зрения Его Божественности как истинного Бога и Сына Божьего, но с точки зрения Его Мужественности, как Сына Божьего только по названию, и путем усыновления.

[1] Смотрите статью Бланта "Диктат религии" об усыновлении.

[2] Неандер, v. 223. Блант (1.1.) утверждает как раз обратное.

[3] Неандер, v. 220.

[4] Алкуин контра Фелисем, III. с. 8.

[5] "Элипанд. ad Albinum," sec, 11. *Adoptio assumptio* (ἀνάληψις) occurs (a) in the *Missa de coena Domini: adoptivi hominis passio*; (b) in the prayer de *tertia feria Pascha: adoptionis gratia*; (c) in that de *Ascensione: adoptionem carnis*. Франкфуртский собор (794) заклеил авторов литургии как еретиков (то же самое сделал и Алкуин) и как главную причину сарацинского завоевания! См. Флери, v. 243.

[6] Энхубер, "Диссертация", с. 26. Неандер, ст. 217, имеет то же замечание другими словами.

[7] См. Статью Бланта об усыновлении.

Чтобы дать представление о направлениях, по которым велась полемика, необходимо будет изложить некоторые аргументы Феликса, а в некоторых случаях и возражения Алкуина. Это:—

(а.) "Если Христос как человек не является *усыновленным* Сыном Божьим, то Его Мужественность должна происходить из сущности Бога и, следовательно, должна чем-то отличаться от мужественности людей".[1] Этому Алкуин может противопоставить только другую дилемму, которая, однако, носит скорее характер придирки. "Если, - говорит он, - Христос - приемный Сын Божий, и Христос тоже Бог, то является ли Бог приемным Сыном Божьим?"[2] Здесь Алкуин смешивает предикаты двух природ Христа — то самое, против чего протестовал Феликс, — и использует полученный таким образом аргумент против доктрины Феликса, которая была основана на том самом отрицании любого обмена предикатами.

(б.) О Христе иногда говорят как о Сыне Давида, иногда как о Сыне Божьем. У одного человека может быть только два отца, если один из них приемный. Так же обстоит дело и со Христом. Алкуин отвечает: "Как человек (тело и душа) называется сыном своего отца, так и Христос (Бог и человек) называется Сыном Божьим".[3] Но для тех, кто отрицает, что душа человека происходит от его отца, этот аргумент не будет иметь никакого веса.

(с.) Христос находился в естественной зависимости от Бога, превышающей добровольное подчинение, которым Он был обязан Своему Отцу как Богу.[4] Эту зависимость Феликс выражает термином *servus conditionalis*, применяемым к Иисусу.[5] Возможно, он думал о Евангелии от Матфея. xii. i8: "Се раб мой, которого Я избрал"; и послании Апостола Павла к Филиппу. ii. 7: "Он взял на себя. Он имел вид слуги и был сотворен по подобию человеческому".[6] Или, возможно, он имел в виду, если теория влияния мусульманства верна, те отрывки Корана, в которых говорится о Христе как о слуге, например: "Христос не пренебрегает гордостью быть слугой Бога",[7] и "Иисус - не кто иной, как слуга".[8]

(г.) Чтобы доказать, что Священное Писание признает различие между Христом Человеком и Христом Богом, Феликс обращается к Евангелию от Луки xviii. 19: "Почему ты называешь Меня добрым? Нет благого, кроме одного, самого Бога" (Марка xiii. 32): "О том дне или о том часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но Отец". Тексты, подобные этим, можно встретить только со ссылкой на другие тексты, такие как Иоанна iii. 16, где говорится, что Бог отдал Своего единородного Сына на Крестную смерть.

[1] Алкуин против Фелисема, ii. с. 12.

[2] Алкуин (*там же*, i. с. 13) также отвечает: "Если Христос был приемным Сыном Бога, потому что как человек он не мог быть Божьей субстанцией: тогда он также должен быть приемным сыном Марии по отношению к своему Божеству. Но тогда Мария не может быть матерью Бога ". Но этот вывод Алкуин считает нечестивым. Ср. также *Contra Felic.*, vii. с. 2.

[3] *Contra Felic.*, iii. раздел 2.

[4] Ср. 1 Коринфянам, xi. 3, "Глава Христа - Бог". Такое зависимое положение было вызвано, по словам Феликса, "пренебрежением к битым девственницам, как к вспомогательному средству унижительного протеста".

[5] Ср. "Исповедание веры" Элипанда: "... per istum Dei simul et hominis Filium, adoptivum humanitate et nequaquam adoptivum Divinitate ... qui est Deus inter Deos (John x. 35) ... quia, si conformes sunt omnes sancti huic Filio Dei secundum gratiam, profecto et cum adoptione (sunt) adoptivi, et cum advocato advocati, et cum Christo Christi, et *cum servo servi*."

[6] Ср. Деяния iii. 13.

[7] Коран, iv. v. 170.

[8] Коран, xliii. v. 59.

Понимая, таким образом, что логически необходимо было говорить о Христе-Человеке как о Сыне Божьем через усыновление, Феликс все же признает, что это усыновление, хотя и такое же по своему характеру,[1], что позволяет *нам* взывать "Авва, Отче", все же было более совершенным по степени и даже, возможно, специально более высоким. Это также отличалось от усыновления человека тем, что в него не входили при крещении, поскольку крещение Христа было лишь моментом, когда Его усыновление было внешне проявлено знаменами чудесной силы, которые продолжались до воскресения. Усыновление Христа — согласно Феликсу, предполагалось при Его зачатии, "Его человечность развивалась в соответствии со своими собственными законами, но в союзе с Логосом".[2] Будет видно, что, хотя Феликс хотел сохранить четкое различие между Христом как Богом и как Человеком, все же он не зашел в

этом разделении настолько далеко, чтобы признать две личности во Христе. "Адопционисты признавали единство Личностей, но подразумевали под этим сопоставление двух различных личностных существ таким образом, что Сын Божий должен быть признан носителем всех предикатов, но не настолько близко, чтобы это было равносильно поглощению человеческой личности Божественной Личностью".[3] Церковь утверждала две природы Христа против монофизитов, а две воли - против монофелитов, но Церковь так и не признала эти две Личности.[4] Следовательно, что касается утверждения Феликса, мы приходим к выводу, что либо личность, приписываемая Христу, была "простой абстракцией, метафизическим звеном, соединяющим две по сути несовместимые природы", [5] или что спор был только об именах, и что под приемным сыном Феликсом и другими подразумевалось ничего, на самом деле отличающегося от ортодоксальной доктрины.[6]

[1] См. John x. 35. Cp. Neander, v. p. 222.

[2] Неандер (л.л.) Блант, статья об усыновлении, формулирует это иначе: "В жизни нашего Господа было (согласно Феликсу) два рождения — (а) принятие человека при зачатии; (б) усыновление этого человека при крещении. Cp. Contra Felic., iii. 16: "Qui est Secundus Adam, accepit has geminas generationes; primam quae secundum carnem est, secundum vero spiritatem, quae per adoptionem fit, idem redemptor noster secundum hominem complexus, in semet ipso continet, primam videlicet, quam suscepit ex virgine nascendo, secundam vero quam initiavit in lavacro [] a mortuis resurgendo."

[3] Блант, статья об усыновлении.

[4] Cp. Paschasius: "In Christo gemina substantia, non gemina persona est, quia persona personam consumere potest, substantia vero substantiam non potest, siquidem persona res iuris est, substantia res naturae."

[5] Блант, *там же*. также Алкуин против Феликса., iv. 5, где он говорит, что Феликс, хотя и воздерживался от утверждения о раздвоении личности Христа, все же настаивал на пунктах, которые с этим связаны.

[6] Итак, Вальхиус.

Первое упоминание о новой теории появляется в письме Элипанда аббату Фиделису, написанном в 783 году,[1] но это привлекло внимание лишь немного позже. Папа Адриан в своем письме православным епископам Испании (785 г.) говорит о дошедших до него печальных известиях о ереси — ереси, замечает он, никогда ранее не провозглашавшейся, кроме как Несторием. Вместе с Элипандом он упоминает Аскария,[2] Епископ Браги, которого Элипанд склонил к своим взглядам. Новая доктрина, похоже, быстро распространилась по большей части Испании,[3] в то время как Феликс со значительным успехом распространял ее в Септимании. Защитниками православной партии в Испании были Беат и Этерий, о которых мы упоминали выше, и Теудула, епископ Севильи; в то время как за ее пределами Алкуин, Паулин Аквилейский и Агобард Лионский под руководством Карла Великого и папы защищали православную позицию.

[1] См. Migne, 96 стр. 848.

[2] Флери, ст. 236, упоминает свое письмо Элипанду, в котором спрашивает мнение последнего по некоторым сомнительным пунктам новой доктрины.

[3] Иона Орлеанский в своем труде против Клавдия говорит: "Hac virulenta doctrina uterque Hispaniam magna ex parte infacit".

Феликс, будучи епископом провинции, на власть в которой претендовал Карл, подчинялся своему церковному начальству и страдал за свои мнения от их рук; но с Элипандусом, живущим при мусульманском правительстве, можно было связаться только по письмам или посланиям. Похоже, он даже получил нечто большее, чем просто негативную поддержку со стороны арабов, если мы правы, интерпретируя таким образом отрывок из письма Беата и Этерия. [1] Но трудно поверить, что Элипандус был в таких дружеских отношениях с арабскими властями; действительно, из отрывков в его трудах мы должны сделать вывод, что скорее наоборот. [2] Неандер предполагает, что Элипанда, возможно, поддерживал готский король в Галисии, но это кажется еще более маловероятным, чем другое предположение.

Первый собор, созванный для рассмотрения этого вопроса, был проведен по предложению императора и папы в Нарбонне в 788 году, когда ересь была осуждена двадцатью пятью епископами Галлии. [3]

Аналогичный провинциальный совет был проведен Паулином во Фриули в 791 году с теми же результатами. [4] Но в следующем году ересь была официально осуждена на соборе полного состава, состоявшемся в Ратисбоне под председательством императора. Здесь Феликс отрекся от своей ошибки и был отправлен в Рим для дальнейшего осуждения папой, чтобы вся Западная Церковь могла принять меры по этому вопросу. Там Феликса побудили написать книгу, осуждающую его собственные ошибки, но, несмотря на это, он не был восстановлен на своем престоле. [5] Однако по возвращении в Испанию Феликс вновь впал в свою старую ересь, от которой на самом деле так и не отрекся. [6]

[1] I. sec. 13. "Et episcopus metropolitanus et princeps terrae pari certamine schismata haereticorum, unus verbi gladio, alter virga regiminis ulciscens, de terra vestra funditus auferantur." See on this passage Neander, v. 227, and cp. sec. 65, "haereticus tamen scripturarum non facit rationem, sed cum potentibus saeculi ecclesiam vincere quaerit."

[2] Elip. ad. Albinum, sec. 7—"Oppressione gentis afflicti non possumus tibi rescribere cuncta;" also, Ad Felic. "quotidiana dispendia quibus duramus potius quam vivimus."

[3] По поводу этого совета есть некоторые сомнения.

[4] Флери, v. 236. Хефеле датирует это 796 годом.

[5] См. Письмо испанских епископов Карлу с просьбой о восстановлении Феликса (794).

[6] Лев III сказал о нем на соборе, состоявшемся в Риме (799 г.): "Беглецы и язычники, согласные с лжесвидетельством". См. Froben, "Диссертация", с. 24; apud Migne, ci, стр. 305-336.

В 792 году Алкуин был вызван из Англии, чтобы прибыть и защитить позицию ортодоксии. Он сразу же написал Феликсу доброе письмо, предостерегая его от ошибок и признавая, что все его предыдущие высказывания по теологии были здоровыми и правдивыми. Феликс ответил на это письмо, но его ответ не сохранился. К тому же или следующему году относится письмо

Элипанда и епископов Испании Карлу и епископам Галлии, в котором они защищают свое учение и просят о восстановлении Феликса.

В 794 году во Франкфурте состоялся еще один собор, на котором присутствовали Алкуин и другие английские священнослужители. Феликс был вызван туда и услышал, как его ересь снова была осуждена и предана анафеме, соответствующий указ был отправлен Элипанду.^[1] Книга Алкуина была прочитана Карлом и отправлена в Септиманию руками аббата Бенедикта.

Следующий собор состоялся в Риме в 798 году для подтверждения собора во Франкфурте.^[2] В 799 году вышел ответ Феликса Алкуину, отправленный им сначала Элипанду, а после показа кордовскому духовенству отправленный Карлу. Ответить на него поручено Алкуину, а его помощниками являются Паулинус и папа римский.

В том же году в Эксе состоялся еще один собор, на котором Алкуин неделю спорил с Феликсом и, по-видимому, убедил его, поскольку Феликс снова отрекся и даже написал исповедание веры, исключив слово "усыновление", но все же сохранив различие предикатов, принадлежащих двум природам.^[3] Книга Алкуина, после доработки Чарльзом, была опубликована за 800 лет н.э. До этого он написал Элипанду, который ответил в резких выражениях, обвинив Алкуина, среди прочего, в огромном богатстве. Это письмо было отправлено через Феликса, и в ответ Алкуин написал книгу против Элипанда, которая у нас сейчас есть и которая стала средством обращения двадцати тысяч еретиков в Готской Галлии.^[4] Но, несмотря на императора или папу, книги Алкуина или анафемы соборов, ни Феликс, ни Элипанд на самом деле не отказались от своих новых доктрин, и даже первый продолжал обращать в свою веру. Элипандус, хотя и был очень стар^[5] в то время (800 г. н.э.), прожил на десять лет дольше, а Феликс пережил его на восемь лет;^[6] и они оба умерли, продолжая свою жизнь. ошибка.^[7]

^[1] Флери, v. 243, говорит, что анафемы не было; но Минье, xcvi. 858, дает нам канон: "Анафематствованы истинные импии нефанды, эрезиса, Элипанди, Толетаны, седис Епископи и Феликс (*так в оригинале*) Оргеллитани, древний секвациум".

^[2] Неандер, v. 228.

^[3] Там же., стр. 232.

^[4] Фробен, сек, 82. Неандер говорит 10000.

^[5] Алкуин адв. Элип. Preface to Leidrad: "Non pro eius tantummodo laboravi salute, quem timeo forsitan citius vel morte praereptum esse propter decrepitam in eo senectutem."

^[6] Или, возможно, шесть.

^[7] Нельзя полагаться на заявление псевдо-Люитпранда, который в письме Рекемунду, говоря об Элипанде, говорит: "Постквам иллиус ошибается в принятии Христа всерьез и в вере в будущее, и в качестве манифеста на консилиуме (795) епископорум ... collegit; et coram omnibus abiurato publice errore *fidem sanctae ecclesiae Romanae* confessus est." Эти слова, выделенные курсивом, свидетельствуют о более поздней руке. Ср. также с. 259 и Юлиан. Алкуин в письме Аквиле, епископу Солсберийскому, говорит, что Элипанд в 800 году нашей эры все еще придерживался своей ошибки.

Мы довольно подробно разобрались с адопционистской ересью как из-за ее интереса и важности, так и потому, что, как упоминалось выше, есть некоторые основания полагать, что это было результатом желания примирить мусульманское мнение. Было бы также полезно резюмировать те свидетельства, которые мы получили по этому вопросу. Но мы не должны ожидать, что найдем следы мусульманского влияния как в развитии, так и в зарождении этой теории. То, что мы действительно находим, достаточно незначительно, сводясь не более чем к этому:—

(а.) Что единственным моментом, который отталкивал мусульманина от подлинного христианства — оставляя на мгновение в стороне трансцендентальную тайну Троицы, — была Божественность Христа. Следовательно, все, что имело тенденцию подчеркивать человечность Иисуса или затушевывать великий факт того, что Христос-Человек, являющийся Сыном Божьим, что звучало так оскорбительно для ушей мусульман, значительно приблизило бы христианское вероучение к принятию мусульманами, ассимилируя христианскую концепцию Христа с той, которая так часто встречается в Коране.[1] Не может быть никаких сомнений в том, что теория усыновления, если довести ее до логического завершения, действительно способствовала этому результату:

(б.) Что Элипанда обвинили в получении помощи от светской власти в распространении его еретических взглядов:

(с.) Что применение термина "Слуга" ко Христу, помимо того, что оно разрешено текстами из Священного Писания, подтверждается двумя отрывками из Корана:

(ум.) То, что Лев III, говоря о возвращении феликса в Испанию и его повторном впадении в заблуждение, подразумевает, что это произошло из-за его возобновления контактов с неверными, которые придерживались схожих взглядов:

(е.) Что в отрывке, цитируемом Энхубером, говорится, что Элипанд потерял веру в истину вследствие своего тесного общения с арабами:

(f.) Что Элипандус обвинил Этерия в том, что он был лжепророком, то есть в том, что он дал, как предполагалось, мусульманское толкование Зверя в Откровении святого Иоанна.

Теперь следует сказать кое-что еще об одном учении, которое, хотя и возникло не в Испании и, возможно, не сильно повлияло на нее, все же было создано испанцем и учеником Феликса,[2] — Клавдием, епископом Туринским. Некоторые усмотрели в этой доктрине, которая была ответвлением иконоборчества, следы адопционизма, что само по себе не маловероятно.[3]

Об отношениях Клавдия к сарацинам у нас есть прямое заявление одного из его противников, который сказал, что евреи хвалили его и называли мудрейшим среди христиан; и что он, со своей стороны, высоко ценил их *и сарацин*. [4] Тем не менее, его тенденция, похоже, была против иудаизации Церкви. [5]

[1] Пятьдесят лет спустя Альвар ("Ind. Lum.", раздел 9) обвиняет некоторых христиан в сокрытии своей религии под страхом преследований: "Deum Christum non aperte coram eis (*m.e.* сарацин) sed fugatis sermonibus proferunt, Verbum Dei et Spiritum, ut илли ассерунт, профитентес, суаск корде, квази—Богиня вдохновения, сервантес".

[2] Джонас Орлеанский (Migne, cvi. стр. 330) называет его так и говорит в другом месте: "Феликс воскрешен в Клаудио".

[3] Неандер, vi. 119.

[4] Флери, v. 398.

[5] Неандер, vi. 125.

Великая иконоборческая реформа, возникшая на Востоке, несомненно, получила свой первоначальный импульс от мусульман. В 719 году халиф уничтожил все изображения в Сирии. Его примеру последовал в 730 году восточный император Лев Исавриец. Говорят, что его убедил на эту меру человек по имени Безер, который несколько лет провел в плену у сарацин.[1] В 754 году великий Константинопольский собор осудил изображения. К сожалению, ни великие патриархаты, ни папа римский не были представлены, и поэтому этот собор так и не получил санкции всего христианского мира; и его постановления были отменены в 787 году на Никейском соборе. В 790 году появилось "Либри Каролини", в котором мы с радостью обнаруживаем, что наш английский Алкуин помогает Карлу Великому выступить с мощным и разумным протестом против поклонения изображениям.[2] В 794 году этот протест был поддержан немецким советом Франкфурта. Но папа и его ополчение,[3] монахи решительно выступали против любой реформы в этом квартале, и распознавание изображений стало неотъемлемой частью римско-католического христианства.

Клавдий был поставлен епископом Турина в 828 году.[4] Несмотря на то, что он возглавлял итальянскую епархию, вскоре он продемонстрировал независимость, которую впитал в свободном воздухе Испании, где мусульманское превосходство имело, по крайней мере, то преимущество, что делало невозможным верховенство папы римского. Обнаружив, что жители его епархии поклоняются их изображениям, Клавдий приступил к работе по осквернению, сожжению и уничтожению всех изображений и крестов в своем епископстве. В отношении крестов он пошел дальше, чем другие иконоборцы, в чем мы, возможно, можем проследить его адопционистскую подготовку.[5]

Эти новые взгляды, как и следовало ожидать, не нашли одобрения у католической партии, чье дело поддерживали Теодемир, аббат Нима, друг Клавдия, Джонас Орлеанский и Дунгал, ирландский священник. Но, как и в случае с Феликсом, ересиарх был более чем ровней своим оппонентам в споре.[6]

[1] Флери, xl. ii. 1, говорит, что он был отступником. См. Мендхам, Седьмой Генеральный совет, Введение, стр. xii. xiv.

[2] "Adorationem soli Deo debitam imaginibus impertire aut segnitiae est, si utcumque agitur, aut insaniae, vel potius infidelitatis, si pertinaciter defenditur."—III. c. 24.

"Imagines vero, omni cultura et adoratione seclusa, utrum in basilicis propter memoriam rerum gestarum sint, nullum fidei Catholicae afferre poterunt praeiudicium, quippe cum ad peragenda nostrae salutis mysteria nullum penitus officium habere noscantur."—III. c. 21.

[3] Прескотт.

[4] Неандер говорит 814, Херцог 820.

[5] Неандер, в. 119. Испанские христиане не были свободны от обвинения в поклонении кресту, как мы можем видеть из ответа халифа Абдаллаха (888 г.), когда ему посоветовали оставить тело своего брата в Бобастро: "должен ли я, - сказал он, - оставить тело моего брата на милость тех, кто звонит в колокола и поклоняется кресту?" Ибн Хайян, апуд Аль-Макк., ii. 446.

[6] Флери, против 398, признает, что дело почитателей изображений основывается главным образом на традиции и обычаях Церкви, что означает, что они не могут найти поддержки в Библии. Он мог бы вспомнить Матфея xv. 7: "Вы аннулируете Слово Божье из—за вашего предания".

Защита самого Клавдия проигнорирована, но мы узнаем о его взглядах из цитат его оппонентов.

Вкратце выраженные, они заключаются в следующем:—

(а.) Поклонение изображениям на самом деле является идолопоклонством:

(б) Если нужно поклоняться изображениям, то гораздо больше следует поклоняться тем живым существам, которых эти изображения представляют. Но нам не позволено поклоняться делам Божьим, а тем более творениям человеческих:[1]

(с.) Крест не претендует на поклонение, потому что к нему был привязан Иисус: иначе мы должны поклоняться другим вещам, с которыми Иисус был подобным же образом связан; девственницам, например, потому что Христос девять месяцев находился в утробе девы; яслям, ослам, кораблям, терниям, потому что со всем этим был связан Иисус. Поклоняться кресту нам никогда не говорили, но нести его,[2] это значит отречься от самих себя. Как правило, наиболее готовы обожать его те, кто наименее готов выносить это ни духовно, ни физически.[3]

Клавдий также имел весьма независимые взгляды на вопрос о верховенстве папы.[4] Будучи вызван на совет, обладающий большей мудростью, чем Феликс, он отказался присутствовать на нем, зная, что его дело будет предрешено, и удовлетворился тем, что назвал предлагаемое собрание собранием ослов. Он умер в 839 году в надежном владении своим престолом, сохранив непоколебимую иконоборческую веру.

Таковы были ереси, которые связывали себя с Испанией в течение первых трехсот лет арабского господства и которые, по-видимому, были, по крайней мере частично, обусловлены мусульманским влиянием. Была еще одна, альбигойская ересь, которая вспыхнула сто пятьдесят лет спустя и, возможно, стала результатом общения с мусульманством Испании.[5]

[1] Джонас Орлеанский, апуд Мин, том VI. стр. 326.

[2] Лука xiv. 27.

[3] Джонас, апуд Мин, том vi. стр. 351.

[4] Смотрите Приложение В, стр. 161-173.

[5] Такая тупая. Оно нашло последователей в Леоне. См. Мариану, xii. 2, у Лукаса Туйского.

ГЛАВА X.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

Рассмотрев влияние мусульманства на доктринальное христианство (нет никаких следов аналогичного воздействия на доктринальное мусульманство), в сферу нашего исследования войдет оценка степени, в которой эти влияния взаимно ощущались двумя религиями в их социальных и интеллектуальных аспектах; и насколько изменился характер христианина или мусульманина в результате контакта с людьми, исповедующими вероучение, столь схожее и в то же время столь непохожее.^[1] Это влияние мы обнаружим более сильно проявленным в действии христианства на ислам, чем обратное.

Хорошо известно, что Мухаммед, хотя его мнение о монахах, похоже, менялось^[2] Время от времени, как сообщается, прямо заявлял, что в его религии не будет монахов.^[3] Абубекер, его преемник, — если верить переводу Гиббона, — в своих походных приказах армии приказал им оставить монахов и их монастыри в покое.^[4] Однако прошло совсем немного времени, прежде чем среди мусульман возник орден странствующих монахов — факиров. В других частях своих владений они стали признанным и в некотором смысле привилегированным классом; но в Андалусии они не получали особого поощрения,^[5] хотя даже там их было очень много. Большинство из них, говорит арабский историк,^[6] были не более чем нищими, способными, но не желающими работать. Это замечание, однако, по его словам, не должно применяться ко всем, "ибо были среди них люди, которые, движимые чувствами благочестия и набожности, покидали мир и его суету и либо удалялись в монастыри, чтобы провести остаток своих дней среди братьев той же общины, либо надевали дарвазу и, схватив посох факира, ходили по стране, прося жалкие гроши и своим жалким и отвратительным видом вызывая сострадание у верующих". О том, что мусульманские монастыри действительно существовали, особенно в более поздние времена, мы можем заключить из приведенного выше отрывка и из другого места,^[7] где упоминается монастырь под названием Завияту л'Махрук (монастырь сожженных). В этом отрывке Де Гаянгос^[8] имеет интересное примечание, в котором он цитирует рассказ африканского писателя о монастырском учреждении недалеко от Малаги.^[9] Автор говорит: "Я видел на горе, недалеко от этого города, женский монастырь, который был резиденцией нескольких религиозных людей, живущих общиной и знакомых с принципами суфизма: у них есть начальник, который руководит ими, и один или несколько слуг, которые обслуживают их нужды. Их внутренние правила действительно достойны восхищения; каждый факир живет отдельно в своей камере и встречается со своими товарищами только за едой или молитвой. Каждое утро на рассвете слуги общины подходят к каждому факиру и спрашивают его, какие продукты он желает иметь для ежедневного употребления.... Их подают два раза в день. Их одежда состоит из грубого шерстяного платья, каждому мужчине разрешается носить два платья в год — одно на зиму, другое на лето. Каждый факир также получает регулярную норму сахара, мыло для стирки одежды, масло для лампы и небольшую сумму денег для посещения бани, и все эти предметы раздаются им каждую пятницу.... Большинство факиров - холостяки, лишь немногие женаты. Они живут со своими женами в отдельной части здания, но подчиняются тому же правилу, которое заключается в посещении пяти ежедневных молитв, ночлеге в монастыре и совместных собраниях в комнате с высокими сводами, где они совершают определенные богослужения.... Утром каждый факир берет свой Коран и читает первую главу, а затем главу о короле;^[10] и когда чтение заканчивается, каждому человеку приносят Коран, предварительно разделенный на разделы, для чтения по очереди, пока не

будет завершено все. По пятницам и другим праздникам эти факиры обязаны приходить в мечеть в полном составе в сопровождении своего настоятеля.... Их часто навещают гости, которых они подолгу развлекают, снабжая их едой и другими предметами первой необходимости. Соблюдаемые с ними формальности заключаются в следующем: —Если незнакомец появляется у дверей монастыря в одежде факира, а именно с поясом на талии, с ковриком для коленопреклонения, подвешенным за плечами, с посохом в правой руке и сосудом для питья в левой, к нему немедленно подходит привратник монастыря и спрашивает, из какой он страны, в каком монастыре он жил или зашел по дороге, кто был его настоятелем, и другие подробности, чтобы убедиться, что посетитель не самозванец.... Этот монастырь был щедро обеспечен арендной платой для содержания своих воспитанниц, поскольку, помимо значительных доходов от продажи земель, которые получал его основатель, богатый гражданин Малаги, который был губернатором города при Альмохадах, благочестивые люди постоянно пополняют фонды либо земельными завещаниями, либо денежными пожертвованиями".

Сходство между этими факирами и христианскими монахами достаточно очевидно, и нет необходимости распространяться на него: и хотя этот конкретный монастырь был основан в более позднее время, мы не можем сомневаться, что влияние, которое привело к такому изменению самого духа ислама, должно было проявиться гораздо раньше. Это очевидно в аналогичном случае с мусульманскими монахинями, как, кажется, показывает отрывок из арабского писателя,^[11] где говорится, что за телом мавританского короля Гехвара (1030-1043) до могилы провожали даже девицы, удалившиеся в уединение.

[1] Магометанство даже называется *ересью* писателем, которого цитирует Прескотт, "Фердинанд. и Изабелла", стр. 244.

[2] Кор. ст. 85 — "Ты найдешь тех, кто наиболее склонен дружить с истинно верующими, которые говорят: "Мы христиане". Это сбывается, потому что среди них есть священники и монахи". Кор. lvii. 27— "Что касается монашеского состояния (Deus loquitur), христиане установили то же самое (мы не предписывали им этого) только из желания угодить Богу, но они соблюдали не то же самое, что это действительно должно соблюдаться". Смотрите также Кор. ix. 34 — "Воистину, многие священники и монахи пожирают имущество людей в тщеславии и препятствуют пути Божьему"; и Кор. xxiii. 55.

[3] Кор. v. 89. Примечание о продаже.

[4] Итак, Альманзор пощадил монаха из Компостеллы. Аль-Маккари, ii. 209.

[5] Смотрите интересный отчет, *там же.*, i. 114.

[6] Аль Маккари.

[7] Аль-Маккари, глава 115.

[8] *Там же.*, i. p. 406, примечание.

[9] В четырнадцатом веке.

[10] ? Глава 67.

[11] Conde, ii. 154. Если только автор не имеет в виду христианских монахинь.

Но помимо копирования институтов христианства, ислам демонстрирует признаки того, что он в определенной степени проникнут христианским духом. В таких вещах легко ошибиться, но следующие анекдоты больше соответствуют Библии, чем Корану. Хишем I. (788-796) в своих последних словах своему сыну Хакему I. сказал: "Подумай хорошенько, что вся империя находится в руке Бога, который дарует ее, кому пожелает, и у кого пожелает, у того и забирает.^[1] Но поскольку Бог дал нам царскую власть и могущество, которые находятся в наших руках только по Его благодати, давайте повиноваться Его святой воле, которая заключается не в чем ином, как в том, что мы творим добро всем людям,^[2] и особенно для тех, кто находится под нашей защитой. Поэтому смотри, о сын мой, чтобы ты распределял равную справедливость между богатыми и бедными и не допускал, чтобы в твоём королевстве совершалось какое-либо зло или угнетение, ибо несправедливость ведет к гибели. Будь милосерден и поступай правильно со всеми, кто зависит от тебя, ибо все они - создания Божьи".^[3]

Сын не уступал отцу и был способен, как показывает следующая история, на самое христианское великодушие.^[4] Один из факиров, восставших против того, чтобы Хакема схватили и привели к королю, в своём фанатизме и ненависти не побоялся сказать султану, что, ненавидя его, он повинуетсЯ Богу. Хакем ответил: "Тот, кто велит тебе, как ты говоришь, ненавидеть меня, просит меня простить тебя. Иди и живи под защитой Бога".^[5]

^[1] Даниил, iv. 25, и Коран, ii. v. 249 — "Бог дает царство Свое, кому пожелает"; и Коран, iii. v. 24.

^[2] Послание к Галатам vi. 20 — "Будем делать добро всем людям, особенно тем, которые принадлежат к семейству веры".

^[3] Conde, i. 240.

^[4] Справедливости ради следует отметить, что Хакем I. не всегда был таким щедрым.

^[5] Лейн-Пул, "История мавров", стр. 77.

Как ни склонны были мусульмане к суевериям и как ни многочисленны чудеса, описанные в их историях, следует признать, что их способность воображать чудеса и верить в них никогда не равнялась способности христианских священников в средние века.^[1]

Мы действительно слышим о видении Мухаммеда, явившегося Тарику, захватчику Испании;^[2] о чудесном источнике, изливающимся по молитве Акбара ибн Нафира;^[3] о чудесной шапке Омара;^[4] о чудесах, отличавших тело убитого Хосейна; о видении, показывающем гробницу Абу Айюба;^[5] но ничего такого, что могло бы сравниться с изобретением тела святого Иакова в Айра-Флавии (Падрон) или неуклюжей и бесстыдной подделкой реликвий в Гранаде в год Армады.^[6] Однако следующая история Баки ибн Мохлида из Аль-Кушейри,^[7] убедительно напоминает нам о подобных монашеских сумасбродствах. К Баки пришла женщина и сказала, что, поскольку ее сын находится в плену у франков, она намеревается продать свой дом и отправиться на его поиски; но прежде чем сделать это, она спросила его совета. Оставив ее на минуту, он попросил ее подождать его ответа. Затем он вышел и горячо помолился об освобождении ее сына и, сказав матери, что он сделал, отпустил ее. Некоторое время спустя мать вернулась со своим сыном, чтобы поблагодарить Баки за его благочестивое вмешательство, которое обеспечило освобождение ее сына. Затем сын рассказал свою историю: "Я был рабом царя и ежедневно ходил со своими братьями-рабами на определенные работы, на которых мы были заняты. Однажды, когда мы уходили, я внезапно почувствовал, как

с меня сбросили оковы. Я посмотрел вниз, на свои ноги, и вот! Я увидел, что тяжелые кандалы упали сломанными с обеих сторон". Инспектор, естественно, обвинил его в попытке к бегству, но он отрицал это под присягой, заявив, что его кандалы упали без его ведома каким образом. Затем они были снова заклепаны дополнительными гвоздями, но снова упали. Юноша продолжает: "Затем христиане проконсультировались со своими священниками по поводу чудесного происшествия, и один из них пришел ко мне и спросил, есть ли у меня отец. Я сказал: "Нет, но у меня есть мать". Что ж, тогда, - обратился священник к христианам, - Бог, без сомнения, услышал ее молитвы. Отпустите его на свободу", что было немедленно сделано. В дополнение к этому есть замечательный пример свободы от суеверий, зафиксированный у короля Альмундира (881-2).[8] По случаю землетрясения, люди были сильно встревожены и рассматривали это как прямое вмешательство Бога, этот просвещенный принц сделал все возможное, чтобы убедить их, что подобные вещи были естественными явлениями и не имели никакого отношения к добру или злу, которое совершали люди,[9] показывая, что земля содрогнулась одинаково для христиан и мусульман, для самых невинных, а также для самых вредных существ без различия. Они, однако, отказались быть убежденными.

[1] Смотрите историю Атаульфа, епископа Компостеллы, и быка—Альфонсо Бургосский, глава 66: человек, поглощенный землей—Мариана, viii. 4: Рука Санчо Великого иссохла и восстановилась —*Там же.*, с. 10: сабельский еретик, унесенный дьяволом на глазах у многочисленной паствы —Исидор Бежский, с. 69: чудо роз (1050) —март. ix. 3.

[2] Кардонне, i. стр. 72.

[3] *Там же*, стр. 38.

[4] См. Окли.

[5] Гиббон, "ибо таковы измышления каждой религии", стр. 115.

[6] См. Geddes, Miscell. Трактаты, "рассказ о рукописях и реликвиях, найденных в Гранаде". Но мы должны помнить, что эти чудесные явления появились гораздо раньше в истории ислама, чем христианства.

[7] Аль Маккари, ii. 129; ср. Conde, i. 355.

[8] Conde, i. 317.

[9] Ср. Матф. ст. 45: Луки xiii. 4.

Эта независимость мышления Альмундира, возможно, была результатом того философского духа, который впервые проявился в Испании в правление предшественника этого султана.[1] в philosophizers рассматривались в ужас богословов, которые работали на людей, так что порой они готовы были камень и жечь вольнодумцы.[2] Труды Ибну Массары, видного представителя этой школы, были публично сожжены в Кордове;[3] и великий Альманзор, хотя сам, подобно великий Цезарь, равнодушный к подобным вопросам,[4] чтобы заручиться поддержкой масс, был готов или делал вид, что готов, казнить одного из этих философов. Наконец, с притворной неохотой он даровал этому человеку жизнь по просьбе ученого факи.[5]

Даже среди мусульманского "духовенства" — если этот термин допустим — были скептики и деисты,[6] и другие, которые следовали диким спекуляциям греческой философии. Среди

последних из них величайшим именем был Аверроэс, или, правильнее, Абу Валид ибн Рошд (1126-1198), который, помимо того, что придерживался особых взглядов на человеческую душу, которые почти сделали бы его пантеистом, учил, что религия - это не отрасль знаний, которую можно систематизировать, а внутренняя личная сила:[7] что наука и религия не могли быть слиты воедино. Из-за своего свободомыслия он был сослан Юсуфом абу Якубом в местечко близ Кордовы в 1196 году. Он также подвергался преследованиям и был посажен в тюрьму Абдулмуменом, сыном Альмансура,[8] за изучение натурфилософии. Другой приверженец той же запретной науки, Ибн Хабиб, был казнен тем же королем.

[1] Dozy, iii. 18.

[2] Аль-Макк., i. 136, 141. Благочестивые мусульмане называли их зендиками, или еретиками. См. также Саид о Толедо, апуд Дози, iii. 109.

[3] Аль-Макк., ii. 121.

[4] Предполагалось, что он тайно увлекался запрещенным изучением естествознания и астрологии.—Аль-Макк., i. 141. И все же он позволил факи составить "index expurgatorius" книг, подлежащих сожжению.—Дози, iii. 115. Его тезка Якуб Альмансур (1184-1199) приказал сжечь все книги по логике и философии.

[5] Dozy, iii. 261.

[6] Dozy, iii. 262, 263.

[7] Смотрите статью в "Энциклопедии. Британн".

[8] Аль-Макк., i. 198. Де Гаянгос в примечании указывает, что это была ошибка, поскольку Абдулмумен был дедом Якуба Альмансура и не мог быть королем, о котором здесь идет речь. Поэтому он читает: "Якуб, один из бени Абдулмуменов".

Бок о бок с более ранними вольнодумцами и в ожесточенной вражде к ним жили факи, или теологи. Андалузцы первоначально принадлежали к мусульманской секте Аль Аузаи[1] (711-774), доктрины которой были принесены в Испанию сирийскими арабами из Дамаска. Но Хишем I., вступив на трон, продемонстрировал свое предпочтение доктринам Малика ибн Ауса,[2] и ухитрился вытеснить догмы Аль Аузаи. Возможно, Хишем I. лишь продемонстрировал склонность к вероучению Малика, не убеждая других следовать его взглядам, но, во всяком случае, изменения были полностью осуществлены в правление его преемника, Хакема I., при содействии Яхьи ибн Яхьи Аль Сейти, Абу Мервана Абдулмалека ибн Хабиба,[3] и Абдаллах Зейад ибн Абдуррахман Аллахми, три выдающихся богослова того времени. Яхья вернулся из паломничества на Восток в 827 году и сразу же возглавил оппозицию, предложенную Хакему I. на том основании, что он был распущенным мусульманином, но на самом деле потому, что он не давал факи достаточно власти в государстве.[4]

В правление Мухаммеда (852 г.) эти факи стали достаточно могущественными, чтобы подвергнуть сомнению ортодоксальность хорошо известного набожного мусульманина Абу Абдуррахмана ибн Мохли, но султан с мудрой осмотрительностью, столь же похвальной, сколь и редкой, заявил, что отличия улемов были придирками, и что изложения нового традиционалиста "дали много полезных наставлений и привили очень похвальные обычаи".[5]

Время от времени предпринимались попытки свергнуть это жреческое господство, особенно со стороны Газали, "Оживителя", как его называли, "религиозных знаний". Эта попытка провалилась, и бунтарь против власти был отлучен от церкви.[6] Тем не менее, строго ортодоксальной партии не удалось остановить — в сколько—нибудь заметной степени - прогресс упадка, который угрожал затронуть даже отличительные черты мусульманской религии.[7] Это небольшое указание на то, что от своеобразной мусульманской одежды постепенно начали отказываться, а тюрбан носили только факи,[8] и даже они не смогли заставить людей вернуться к привычке, которая когда-то считалась очень важной.[9]

[1] Аль-Макк., i. 403. Записка Де Гаянгоса.

[2] Умер 780. Аль Макк., i. 113, 343, приписывает это изменение Хакему I.; а цитируемый автор, i. стр. 403, приписывает это Абдуррахману I.

[3] Аль-Макк., ii. 123.

[4] Аль-Макк., глава 113, подразумевает обратное. Дози, ii. стр. 59.

[5] Conde, i. 294.

[6] Dozy, iv. 255.

[7] Несмотря на заявление Аль Маккари, глава 112, где он говорит, что все нововведения и еретические практики вызвали отвращение у людей. Если бы халиф, по его словам, одобрил что-либо подобное, он был бы разорван на куски.

[8] Dozy, iii. 271.

[9] Аль-Маккари, ii. 109.

Но в других, более важных отношениях мы можем видеть разрушающий эффект, который общение с христианами оказывало на социальные институты Корана.[1]

(а.) Вино, которое категорически запрещено Мухаммедом,[2] по всей стране много пили,[3] пример часто подает сам король. Хакем II., кажется, был первым из них, кто выпил запретный сок.[4] Его тезка Хакем II (961-976), однако, выступил против употребления вина и даже отдал приказ выкорчевать все виноградные лозы в своем королевстве — указ, на который он сослался по просьбе своих советников, которые указали, что это разорит многие бедные семьи и не излечит зло, как вино. быть ввезенным контрабандой или незаконно изготовленным из инжира или других фруктов. В результате Хакем удовлетворился новым запретом на употребление спиртных напитков в самых строгих выражениях.[5] Даже факи стали пить вино, и они защищали эту практику, говоря, что мусульмане, которые ведут вечную войну с неверными, могут пренебрегать запретом.

(б.) Музыка была очень культивируемой, но традиционное высказывание Мухаммеда гласит: "Слушать музыку - значит грешить против закона; исполнять музыку - значит грешить против религии; наслаждаться музыкой - значит быть виновным в неверности".[6] Абдуррахман II. (822-852) в особенности очень любил музыку и предоставил великому музыканту Зирьябу или Али ибн Нафи дом при своем дворе, когда последний был изгнан с Востока профессиональной завистью. Строгие мусульмане всегда протестовали против этих нарушений их закона. В

частности, влиятельная секта ханбалитов, подобно нашим собственным пуританам, организовала крестовый поход против этих злоупотреблений. Они "вызвали большой переполох в десятом веке в Багдаде, врываясь в дома людей и проливая на них вино, если находили таковое, избивая певчих девушек, с которыми они встречались, и ломая их инструменты".[7]

(с.) Ношение шелка, которое не одобрялось Мухаммедом, стало довольно распространенным явлением среди богатых классов, хотя большинство, похоже, не позволяло себе подобного.[8]

(d.) Был проигнорирован запрет на скульптуры, изображающие живых существ. Мы находим статую, воздвигнутую жене Абдуррахмана Захре, в Мединату'ль Захре, дворце, построенном Абдуррахманом III. в честь его любимой хозяйки. На фонтанах упоминаются изображения животных,[9] и лев на акведуке.[10] Мы также слышали о статуе у ворот Кордовы.[11]

(е.) Испанские арабы, похоже, даже перестали поворачивать в сторону Мекки: ибо какой еще вывод мы можем сделать из факта, упомянутого арабским историком,[12] что Абу Обейду называли Сахибу л'Киблой в качестве отличительного прозвища, потому что он действительно повернулся?

(f.), Кажется, даже появился реформатор, который хотел убедить своих единоверцев есть мясо свиноматок, но не свиней или кабанов.[13]

[1] Аль Маккари, ii., Приложение 28. Автор, цитируемый Де Гаянгосом: Мусульмане в одиннадцатом веке "начали пить вино и совершать всевозможные излишества. Правители Андалуса не думали ни о чем другом, кроме как покупать певиц и рабынь, слушать их музыку и проводить время в разгуле и веселье".

[2] Кор. v. 93 — "Несомненно, вино, лоты и изображения являются мерзостью работы сатаны... избегай их".

[3] Аль-Маккари, ii. стр. 171.

[4] Кардонне, i. стр. 252.

[5] Аль Маккари, i. стр. 108; ii. стр. 171.

[6] Йонг, "Мавры в Испании", стр. 71.

[7] Сейл, Коран, Введение, стр. 122. (Классика Чандоса.)

[8] Аль-Маккари, ii. стр. 109. В 678 году против Езида, сына Муавии, выступили как против пьяницы, любителя музыки и носителя шелка. См. Окли, стр. 358. (Классика Чандоса.)

[9] Аль Маккари, i. стр. 236.

[10] Там же., стр. 241.

[11] Акбар Маджмуа. Дози, ii. стр. 272.

[12] Аль Малкари, 1. 149.

[13] Хмеймим, бербер, в 936 году. Он был распят факи. Конде, i. 420.

Есть веские основания предполагать, что все это ослабление наиболее необоснованных запретов Корана было вызвано контактом с цивилизованной и христианской нацией, частично находившейся в подчинении у арабов, а частично выросшей независимо бок о бок с ними. Но ни в чем это не проявилось так ясно, как в предоставлении социальных прав мусульманским женщинам, которых сама суть учения Мухаммеда состоит в том, чтобы рассматривать скорее как товар и движимое имущество, чем как равных мужчине; а также во введении среди мусульман более христианского понимания священного слова — Любви.

Следовательно, мы привыкаем к странному зрелищу — странному для мусульманского народа — когда женщины оставляют заметный след в обществе мужчин и считаются равными им интеллектуально и социально. Так, мы слышим об арабской Сафо, Муатаммуд ибн Аббад Воладе, дочери Альмустакфи Биллаха;^[1] об Айше, дочери Ахмада Кордовского — "чистейшей, прелестнейшей и ученейшей девушке своего времени";^[2] о Мозне, рабе и личном секретаре Абдуррахмана III.^[3]

Опять же, вопреки неизменной практике в других странах, в Испании женщины были допущены в мечети. Это было запрещено мусульманским законом,^[4] женщины обязаны совершать свои богослужения дома; "если, - говорит Сейл, - они посещают мечети, это должно быть в отсутствие мужчин; поскольку мусульмане придерживаются мнения, что их присутствие внушает благочестие иного рода, чем то, которое требуется в месте, посвященном служению Богу. " Сейл также цитирует письмо мавра, осуждающее римско-католическую манеру совершения мессы, в том числе по той причине, что там присутствовали женщины. Если принять свидетельства баллад, мы обнаружим, что мавританские дамы появлялись на празднествах и танцах.^[5] На турнирах они смотрели, их яркие улыбки вдохновляли рыцарей на отважные подвиги, а их красивые руки наделяли победившего чемпиона силой победоносной доблести.^[6] Их положение, по сути, как отмечает Прескотт, уподобилось положению христианских дам.

^[1] Мерфи, "История. министерства здравоохранения. Империя в Испании", стр. 232.

^[2] Conde, i. p. 457.

^[3] Другие сведения см. в Conde, i. 483, 484.

^[4] Распродажа, Вступление., Коран, стр. 84. (Классика Чандоса.)

^[5] Прескотт, "Ферд. и Изабелла", стр. 158.

^[6] Посмотрите картину в Альгамбре, приведенную в книге Мерфи "Мавританские древности Испании", Локхарт, Предисловие, стр. 13; и балладу под названием "Бой быков Газели", ст. v., стр. 109.

Эффект этого улучшения социального положения женщин не мог не отразиться на концепции любви среди испанских арабов; и, соответственно, мы обнаруживаем, что их грубая чувственность подвергается процессу утончения, как показывает следующий отрывок из Саида ибн Джуди,^[1] написавший в конце девятого века. Обращаясь к своей идеальной любовнице, Джехаме, он говорит:—

"О ты, к кому обращены мои молитвы,
будь сострадательным и кротким

К моей бедной душе, которую так грубо загнали,
Чтобы она улетела от меня к тебе.

"Я призываю твое имя, изливаю свои обеты,
я вижу, как блестят твои глаза с каплями слез:
Ни один монах, поклоняющийся своему изображению святого,
не знает восторга, подобного моему!"

Об этих словах Дози[2] гласит: "Возможно, это слова провансальского трубадура. От них веет утонченностью христианского рыцарства".

Эта христианизация чувства любви еще более отчетливо видна в отрывке из трактата о любви Али ибн Хазма, который был премьер-министром Абдуррахмана V. (декабрь 1023-март 1024). Он называет Любовь[3] смесью нравственной привязанности, деликатной галантности, энтузиазма и спокойной скромной красоты, полной милого достоинства. Поскольку он был правнуком родителей—христиан, возможно, в нем вновь проявились некоторые из унаследованных ими черт: "Что-то чистое, что-то утонченное, что-то духовное, что не было арабским".[4]

[1] Убит, 897.

[2] II. 229.

[3] Цитируется Dozy, iii. 350.

[4] Dozy, 1.1.

ГЛАВА XI.

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА На ХРИСТИАНСТВО.

До сих пор мы исследовали влияние христианства на социальный и интеллектуальный характер мусульманства; давайте теперь обратимся к аналогичному влиянию мусульманства на христианство в тех же аспектах. Это, как и следовало ожидать, ни в коем случае не так заметно, как в обратном случае. Однако есть один поразительный пример, в котором было продемонстрировано такое влияние и где мы меньше всего ожидали его обнаружить. У нас есть неоспоримые доказательства того, что многие христиане согласились на обрезание. Было ли это сделано для того, чтобы при случае выдать себя за мусульман, или по какой-то другой причине, мы не можем быть уверены, но факт остается фактом.[1] "Не имеем ли мы, - говорит Алвар, - [2] "начертания зверя, когда мы отвергаем обычаи отцов, мы следуем пагубным путям язычников; когда, пренебрегая обрезанием сердца,[3] которое заповедано нам главным образом, мы подчиняемся телесному обряду, которого следует избегать из-за его позорности и который может быть выполнен только ценой немалой боли для нас самих".

Даже епископы не уклонялись от соблюдения этого семитского обряда,[4] добровольно или по принуждению, мы не можем сказать; но мы знаем, что мусульманский король, при котором это произошло, одно время намеревался заставить всех своих христианских подданных подвергнуться обрезанию.[5]

Другим признаком приближения христиан к внешним обрядам мусульман было то, что некоторые из них считали необходимым воздерживаться от определенных видов мяса,[6] именно тех, которые запрещены мусульманским законом.

Епископ, которого облагали налогом за уступчивость такого рода, привел в качестве оправдания то, что в противном случае христиане не смогли бы жить с сарацинами.[7] Это, естественно, не рассматривалось как веская причина более строгой или фанатичной партией, которая с тревогой и подозрением относилась к любой тенденции к объединению с мусульманами. Если верить некоторым хронистам, за несколько лет до этого времени Василием, епископом Кордовы, был даже проведен собор для рассмотрения наилучшего метода предотвращения осквернения чистоты христианской веры ее соприкосновением с магометанством.[8]

[1] Смотрите Иоанна Кордовского в "Жизни Иоанна Горцкого" выше, стр. 89.

[2] Альвар, "Ind. Lum.", с. 35.

[3] К Римлянам ii. 29; К Галатам v. 2.

[4] Смотрите "Жизнь Иоанна Горцкого", с. 123.

[5] Смотрите "Жизнь Иоанна Горцкого", с. 123; Самсон, "Извинения", ii. с. 4. Ср. "Луис де Майерн Тюрпе", xvii. 13. The king, Halihatani (Abdurrahman III.), 950 published an edict, "par lequel il estait mandé a tous Chrestiens habitans és terres et villes a luy subjectes de laisser la religion de Jesu, et se faisans circoncire prendre cette de Mahomet, sur peine de vie."

[6] См. Приложение В, стр. 167; и Коран v. *ad init.* — "Вам запрещено есть то, что умирает само по себе, и кровь, и мясо свиньи ... и то, что было задушено".

[7] "Иоанн из Горца", 1.1.

[8] "Псевдо-Лейт.", с. 341. Ср. "Хроника. Джулиани", с. 501. "Viritanus coegit concilium Toletum ad inveniendum remedium ne Muzarabes Toletani, imo totius Hispaniae, Saracenique conjuncti, illorum caeremoniis communicarent."

Иногда, однако, контакт с исламом приводил к противоположным результатам, и христианские фанатики, какими часто были монахи, цеплялись за какую-нибудь собственную привычку или обряд из простого духа неприятия противоположного обычая среди мусульман. Таким образом, мы знаем, что монахи на Востоке стали более страстно преданы поклонению своим образам, потому что иконоборчество так сильно отдавало магометанством. Точно так же, но с гораздо более неприятными результатами, духовенство в Испании делало все возможное, чтобы внушить людям мысль о том, что чистота одежды и личности далека от того, чтобы быть рядом с благочестием, она несовместима с ним, и что бани были прямым изобретением дьявола.[1] Позже мы узнаем, что Филипп II, муж нашей королевы Марии, уничтожил все общественные бани в своих испанских владениях на том основании, что они были реликвиями супружеской неверности.[2]

Безбрачие духовенства, опять же, всячески пропагандировалось в противовес многоженству мусульман; и аббат Саулюс с ужасом упоминается как имеющий жену и детей, один из которых впоследствии стал его преемником и тоже женился.[3]

Одним из последних актов готского короля было принуждение духовенства к браку, и хотя этот закон был отменен Фруэлой I. (757-768) на Севере, тем не менее, наложничество стало очень распространенным явлением среди духовенства;^[4] и, возможно, именно для исправления подобного положения вещей Витиза хотел заставить духовенство иметь законных жен.

[1] Мисс Йонг, стр. 67.

[2] Лейн-Пул, "История мавров", стр. 136.

[3] Флорес, "Особенно. Sagr., " xviii. 326—"Conventus Episcoporum pro restoratione monasterii." Детей называют "Spinae ac vepres, nec nominandi profles".

[4] Прескотт, Ферд. и Исав., стр. 16. Из Самсона, "Апол.", ii. ст. 2, 6, мы узнаем, что христиане начали подражать мусульманам в том, что у них были гаремы.

Мы оставили напоследок великий и интересный вопрос о происхождении рыцарства. Хотя рыцарство и не является частью доктрин христианства или ислама, его влияние нельзя было полностью игнорировать в дискуссии, подобной нынешней. Учреждение, известное под этим названием, возникло в эпоху Карла Великого (768-814),^[1] и, следовательно, было почти синхронно с вторжением арабов в Европу. Его происхождение, действительно, относят к военной службе феодалов, но все его характеристики, которые были личными и индивидуальными, такие как лояльность, вежливость, щедрость, указывают на расовый, а не политический источник, и эти характеристики в значительной степени встречаются у арабов. "Уединенный и независимый дух рыцарства", - говорит Халлам,^[2] "обитающий как бы на скале и презирующий несправедливость или ложь из сознания внутреннего достоинства, без какого-либо расчета последствий, мало чем отличается от того, что мы иногда читаем об арабских вождах или американских индейцах".

Каким бы ни было точное происхождение рыцарства, не может быть никаких сомнений в том, что на его развитие в значительной степени повлияло взаимное положение арабов и христиан в Испании и непрекращающаяся война, которая шла между ними в этой стране.

Хотя изначально рыцарство не было религиозным институтом, за исключением, возможно, наших саксонских предков,^[3] Вскоре рыцарство приобрело религиозный характер, и его золотой век великолепия пришелся на крестовые походы против мусульман Испании и Палестины. Саму Испанию можно назвать чуть ли не колыбелью рыцарства; и следует признать, что даже в первый период завоеваний арабы показали себя истинно рыцарскими врагами, и им явно нечему было поучиться у христиан в этом отношении. В самые первые дни мусульманского триумфа тот же рыцарский дух был проявлен при взятии Иерусалима, создавая странный и меланхолический контраст со сценой последующего его взятия крестоносцами под предводительством героического Годфри де Бульона.

[1] Халлам, "Mid. Века", iii. 392.

[2] Там же. Ср. стр. 402. "Характерные добродетели рыцарства имеют такое большое сходство с теми, которые превозносят восточные писатели того же периода, что я склонен подозревать Европу в том, что она извлекла некоторое улучшение из подражания Азии".

[3] Халлам, "Mid. Века" (1.1.).

Точно так же последний триумф мавров в Испании в конце десятого века стал примером щедрости, с которой редко можно сравниться. Король альмохадов Якуб Альмансур после великой победы при Аларкос (1193) освободил 20 000 христианских пленников. Однако нельзя отрицать, что этот поступок вызвал недовольство многих сторонников короля, которые жаловались на него "как на одну из причуд, свойственных монархам",^[1] и сам Якуб раскаялся в этом на смертном одре.

Во многих отрывках арабских авторов мы находим перечисление качеств, которые должны отличать мавританского рыцаря, таких как благочестие, вежливость, доблесть на войне, дар красноречия, искусство поэзии, умение ездить верхом и ловкость с мечом, копьем и луком.^[2] Рыцарство вскоре стало признанным искусством, и мы слышим о некоем Юсуфе бен Харуне, или Абу Амаре, адресовавшем изящное стихотворение Хакему II. (961-976) о его обязанностях;^[3] прошло немало времени, прежде чем мавританские короли научились посвящать в рыцари своих вассалов по христианскому обычаю, и у нас есть пример этого в рыцарском звании, пожалованном королем Севильи в 1068 году.^[4]

^[1] Conde, iii. 53.

^[2] Аль-Макк., ii. 401, от Ибн Хайяна. Ср. Прескотт, "Ферд. и Изабелла", стр. 159.

^[3] Conde, i. 477.

^[4] Conde, ii. 173.

Поскольку идеальным рыцарем испанских романов был Руй Диас де Бивар, или Сид, то, возможно, мы можем рассматривать исторического Альманзора как мавританского рыцаря без *страха и упрека*; и хотя, если судить по нашим стандартам, он ни в коем случае не был без *упрека*, все же рассказано немало историй о его великодушии и справедливости. Однажды после битвы с христианами, когда граф Гарсия был смертельно ранен, его верные кастильцы отказались покинуть его и были окружены людьми Альманзора. Когда последнего призвали сказать слово и предать мечу группу христиан, он сказал: "Разве это не написано? "Тот, кто убьет одного человека, не встретившись с насилием, будет наказан, как убийца всего человечества, а тот, кто спасет жизнь одного человека, будет вознагражден, как спаситель всех".^[1] Расступитесь, сыны Измаила, расступитесь; пусть христиане живут и благословляют имя милосердного Бога". ^[2]

В другом случае граф Ларский просит Альманзора о свадебных подарках для врага^[3] арабов, другого графа-христианина, и он великодушно посылает подарки; или мы видим, как он освобождает отца инфантов Лары, услышав об ужасной смерти его семерых сыновей.^[4]

Следует признать, что в этих примерах слишком много от стиля романтической баллады, но великодушные истории рассказывают только о людях, известных этой добродетелью, и хотя примеры должны быть ложными по букве, все же по духу они могут быть в высшей степени правдивыми. Как бы то ни было, что касается великодушия Альманзора, о его справедливости у нас есть неопровержимые доказательства. Монах, написавший "Хронику Силона", говорит, что успех его набегов на христианские территории был обусловлен большим жалованьем, которое он предлагал своим солдатам, а также его чрезвычайной справедливостью, "добродетелью которой, - говорит хронист, - как я узнал из уст моего отца, Альманзор дорожил, если можно так выразиться, больше, чем любым христианином".^[5]

[1] Коран, ст. 35.

[2] Йонг, стр. 110.

[3] Там же., стр. 80.

[4] Йоханнес Вассеус, 969 год.

[5] "Хроника. Сил.," с. 70.

В связи с рыцарством существует один институт, который испанцы-христиане, по-видимому, позаимствовали у мавров, а именно те военные ордена, которые были так многочисленны в Испании. "Рабитос, или мусульманские рыцари", - говорит Конде,[1] "отвечавшие за границу, вели необычайно аскетичный образ жизни и добровольно посвящали себя постоянным упражнениям с оружием. Все они были людьми выдающимися и связали себя клятвой защищать границу. Их правила запрещали им убегать от врага, их долгом было сражаться и умереть на том месте, которое они занимали".

В любом случае, независимо от того, произошли ли христианские военные ордена от мавританских или наоборот, несомненно одно: именно мавры привили христианам веру в Священные войны как неотъемлемую часть их религии.[2] В этом отношении христианство стало магометанским первым в Испании. Рыцарство стало отождествляться с войной против неверных и нашло свой апофеоз[3] в святом Иакове Компостельском, который, как предполагалось, бедный рыбак из Галилеи, лично сражался против мавров при Клавихо.[4] В балладе мы слышим о христианских рыцарях, вступающих в бой из точно такой же веры в эффективность и божественный институт священных войн, которая вдохновляла арабских чемпионов. Духовенство и даже епископы взяли за оружие и сражались с врагами своей веры. Два епископа, Леонский и Асторгский,[5] были взяты в плен в битве при Валь-де-Жункерас (921).[6] Сисенанд из Компостеллы был убит в битве с норманнами (979); а в "Хронике Сид" неоднократно упоминается доблестный прелат по имени Иероним.[7]

[1] Conde, ii. стр. 119, примечание — "Представляется весьма вероятным, что из них возникли военные порядки Испании на Востоке". Ср. Прескотт, "Ferd. и Изабелла", стр. 122. Военные ордена Испании были в основном учреждены папскими буллами во второй половине 12 века.

[2] Ислам сделал христианство военным, Милман, "Лат. Chr.", ii. стр. 220-2. Леки, "История. Eur. Мораль", стр. 262 и далее.

[3] Предписание, "Ferd.", стр. 15.

[4] Мухаммед также представлял небесную помощь в битве, см. Кор. iii., начало статьи.

[5] "Родриго Толедский", iii. стр. 4. Иоганн Васей говорит, что они были епископами Туя и Саламанки.

[6] Мариана, viii. 5. См. также там же., с. 6.

[7] "Хроники уголовного розыска" (Саути), стр. 371.

И все же, несмотря на все это, несмотря на фанатизм, который его породил и сопровождал, рыцарство оказалось единственной общей почвой, на которой могли встретиться христиане и

мусульмане, арабы и европейцы. На самом деле это был своего рода компромисс между двумя несовместимыми религиями, взаимно принятыми двумя разными расами. Хотя, возможно, это и не была духовная религия, она была социальной и в какой-то мере служила смягчению ужасов войны рас и вероисповеданий. Кульминацией рыцарства стали Крестовые походы, а Ричард I английский и Саладин были Ахиллесом и Гектором из новой Илиады.

На этом мы завершим краткое обсуждение происхождения и ценности рыцарства как компромисса между христианством и магометанством. Обсуждая отношения между христианством и магометанством, мы, естественно, были вынуждены сравнивать не только религии, но и их приверженцев, поскольку трудно провести различие между теми, кто исповедует вероучение, и вероучением, которое исповедуют они; но, по крайней мере, таким образом мы, возможно, смогли не упустить ни одного момента, существенного для надлежащего выяснения взаимных отношений, которые существовали между двумя величайшими религиями мира, и влияния, которое они оказывали друг на друга.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

А.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ.

Преследование евреев испанцами-готами, естественно, сделало их непримиримыми врагами христиан. Будучи очень многочисленной колонией в Испании, поскольку Адриан перевез туда многие тысячи семей, евреи оказали арабам очень эффективную помощь в завоевании страны, как путем передачи им территорий, так и путем размещения гарнизонов в захваченных городах, в то время как арабы продолжали новые завоевания. Следовательно, отношения между евреями и мусульманами долгое время были очень сердечными, хотя со временем эта сердечность иссякла. Их число, по-видимому, было значительным во время мусульманской оккупации, и целые города были выделены под еврейство.^[1]

Во Франции предубеждение против евреев было очень сильно распространено среди духовенства, хотя Людовик I и его жена Юдифь благоволили к ним. Как правило, с ними плохо обращались, и духовенство принудило их рабов креститься. После этого они стали свободными, поскольку евреям не разрешалось иметь рабов-христиан.^[2] Но следует признать, что у франков были причины не любить евреев, поскольку было хорошо известно, что они продавали христианских детей в рабство мусульманам Испании.^[3]

^[1] Аль-Маккари, ii. 452.

^[2] Флери, v. 408.

^[3] Там же.

Им также, по-видимому, удалось привлечь нескольких прозелитов из числа христиан, и мы слышим об одном отступнике такого рода по имени Елеазар, которому Альвар адресовал несколько писем под названием "преступник". Настоящее имя этого человека было Бодон. Христианин немецкого происхождения,^[1] он был воспитан с прицелом на духовный сан. В 838 году, находясь на пути в Рим,^[2] он отступил от иудаизма,^[3] и начал переговоры с евреями во

Франции о продаже своих спутников как рабы, оговорив только, чтобы сохранить своего собственного внука. На следующий год он отрастил волосы и бороду и уехал в Испанию, где женился на еврейке, одновременно принудив своего внука к вероотступничеству. В 845 или 847 году его отношение к христианам в Испании стало настолько враждебным, что последний написал Карлу, умоляя его потребовать Элеазара в качестве своего подданного, что, однако, похоже, сделано не было. Кажется, есть веские основания полагать, что Елеазар настроил мусульман против христиан, и смерти Префекта и Иоанна, возможно, были связаны с ним.^[4] После этого мы больше не слышим об Элеазаре; но позиция евреев по отношению к арабам, по-видимому, долгое время носила наиболее привилегированный характер. Следовательно, евреи в Испании имели такую возможность развить свои природные способности, какой у них никогда не было со времен взятия Иерусалима Навуходоносором; и они ни на йоту не отставали от арабов, если вообще не опережали их, в поддержании огня учености в темные века.^[5] В науке вообще, и особенно в искусстве медицины, у них было мало соперников, а в обучении и цивилизации они, не меньше, чем арабы, намного опережали христиан.^[6]

[1] "Ann. Бертен.," 839.

[2] Благодарственная речь ", Анна. Берт", 1.1.

[3] Флорес, xi. стр. 20 и далее.

[4] "Ann. Берт. - скажи, что он убедил Абдуррахмана II. предоставить своим подданным-христианам выбор между исламом, иудаизмом или смертью. См. Rohrbacher, xii. 4.

[5] Прескотт, Ферд. и Изабель". стр. 153.

[6] Там же., стр. 134.

Хорошее взаимопонимание между евреями и арабами с течением времени уступило место плохо скрываемой враждебности, и в начале XII века, по-видимому, даже был разработан проект принуждения евреев стать мусульманами на основании обещания, данного их предками Мухаммеду, что, если через пять столетий их Мессия не явится, они обратятся в мусульманство.^[1] Возможно, это был только предлог со стороны мусульман для вымогательства денег; во всяком случае, евреям удалось избежать альтернативы, только заплатив большую сумму денег. Даже в первые годы завоевания они были подвержены алчности своих правителей, ибо, когда по слухам о явлении Мессии в Сирии многие испанские евреи, бросив свое имущество, отправились к нему, мусульманский губернатор Анбаса конфисковал оставленное таким образом имущество и отказался вернуть его по возвращении разочарованных эмигрантов.

Из-за контактов с арабами и христианами евреи, похоже, утратили многие из своих отличительных верований, и в двенадцатом веке Маймонид,^[2] величайшее имя среди испанских евреев, опроверг их ошибки. Одним из них, по-видимому, было то, что книги Моисея были написаны до Сотворения мира;^[3] другой, что в следующем мире была серия адов.^[4]

Многие евреи достигли очень высокого положения среди арабов, и мы слышим о некоем Хасдае ибн Бахруте, который был инспектором таможни при Абдуррахмане III, послом при короле Леона в 955 году, и доверенным посланником короля к монаху Иоанну из Горца несколько лет спустя. Он также был выдающимся врачом.^[5]

[1] Conde, ii. 326.

[2] Флери, v. 409.

[3] Ср. мусульманские представления о Коране. Распродажа, Введение., стр. 50. (Классика Чандоса.)

[4] Там же., стр. 72.

[5] Аль-Макк., i., Приложение v. стр. xxiv. Записка Де Гаянгоса.

В то время как арабы все еще сохраняли свою власть в прекраснейших провинциях Испании, участь евреев, даже на христианских территориях, ни в коем случае не была невыносимой. Иногда их продвигали на важные и конфиденциальные посты, и именно убийство королем Севильи еврейского посла Альфонсо VI привело к появлению Альморавидов в Испании.

Существует странная история, рассказанная о евреях при взятии христианами Толедо в 1085 году. Они прислуживали Альфонсо и заверили его, что они были частью десяти колен, которых Навуходоносор перевез в Испанию, а не потомками тех иерусалимских евреев, которые распяли Христа. Их предки, по их словам, были совершенно свободны от вины за этот поступок, ибо, когда Каиафа написал в толедскую синагогу за советом относительно человека, который называл себя Мессией, толедские евреи вернулись за ответом, что, по их мнению, пророчества, по-видимому, исполнились в Нем, и поэтому Его ни в коем случае не следует предавать смерти. Этот ответ они подготовили на оригинальном иврите.[1] Излишне говорить, что все это было сфабриковано.

Постепенно, по мере того как христиане восстанавливали свое господство в Испании, волна предубеждений против евреев становилась все более и более сильной. Их обвинили в "неуважении к католическому богослужению, осквернении его символов, принесении в жертву христианских младенцев", [2] и других чудовищных деяниях. Против них были приняты суровые законы, как во времена готики, и их свобода была жестоко ограничена в вопросах одежды, места жительства и профессии. В качестве отличительного знака они должны были носить желтые кепки.[3]

[1] Саути, "Roder.", i. стр. 235, примечание.

[2] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 134, 135.

[3] Аль-Макк., i. 116.

В конце четырнадцатого века народ восстал против них, и 15 000 евреев были убиты в разных частях Испании. Многие были номинально обращены, и 35 000 обращений были приписаны одному святому. Эти новые христиане иногда достигали высокого церковного положения и вступали в браки со знатными семьями, к заразе которых "мала сангре" впоследствии стали относиться с величайшим ужасом и отвращением.

Впервые инквизиция была учреждена против обращенных евреев, и поначалу они в основном страдали от нее. В 1492 году, после окончательного исчезновения арабского владычества в Испании, очень большое количество евреев было изгнано из Кастилии, [1] дурному примеру

впоследствии последовали в других частях Испании. История обращения христиан с евреями действительно одна из самых мрачных в истории христианства.

[1] По разным оценкам, составляет 160 000 или 800 000.

В.

ИСПАНИЯ И ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ.

Пожалуй, ни одна часть истории Испании не представляет такого интересного изучения, как рассмотрение тех постепенных шагов, благодаря которым из одной из самых независимых Церквей она превратилась в самую подчиненную и, следовательно, самую деградировавшую из всех. Вопрос о том, как это было достигнуто, помимо его внутреннего интереса как иллюстрации развития великой нации, заслуживает изучения, учитывая огромное влияние, которое он оказал на религиозную историю мира в целом. Ибо не будет преувеличением сказать, что Рим никогда не смог бы добиться своего господства, как духовного, так и мирского, над столь значительной частью человечества, если бы материальные ресурсы и слепая преданность Испании не были готовы поддержать надменные претензии и беспринципные способности итальянских понтификов.

Фактически, Испания — единственная страна, не считая Италии, которая как нация приняла чудовищные доктрины Рима во всей их полноте — доктрины, которые весь христианский Восток с самого начала с презрением отверг, и которые Север и (за исключением Испании) Запад Европы — место рождения и колыбель могущественных германских рас - согласились с равным презрением отвергнуть и растоптать своими ногами.

Этот результат тем более примечателен, что в ранние времена Испанская церковь, благодаря своему быстрому распространению, своему величию и процветанию, занимала позицию полного равенства с Римской и другими главными церквями. Кордовский престол в четвертом веке занимал столь высокое положение, что Осий, его достопочтенный епископ, был избран председательствовать на важных соборах в Ницце (325 г.) и Сардике (347 г.).

Вторжение готов в начале пятого века сделало Испанию еще менее склонной признавать какое-либо превосходство Рима, поскольку готы, помимо того, что были гораздо более независимыми по характеру, чем романизированные кельты, были еретиками-арианами и, как следствие, были отрезаны от всякого общения с Римом. Ортодоксальная партия, однако, постепенно набирала силу, и в 560 году остатки свевов отреклись от арианства, а сын готского короля Эрменегильд с их помощью восстал против своего отца. В конце концов он был казнен за государственную измену, но его брат Рекаред, взойдя на трон в 589 году, признал свое обращение в православие, и его примеру последовало большинство его знати и прелатов.

Принятие Рекареда и его двора в лоно католицизма стало сигналом к попытке установить папскую власть, что было тем более опасно сейчас, поскольку папы значительно усилили свою власть с тех пор, как Испания была отрезана от ортодоксального христианского мира вторжением готов-ариан.

Одним из первых действий Рекареда было написать папе римскому и, приветствуя его, попросить совета в духовных вопросах. Признанная таким образом папская власть вскоре была осуществлена в...

(a.) рассмотрение церковных апелляций без учета законов страны;

(б) отправка в Испанию папских судей для рассмотрения таких дел;

(с.) Отправка легатов для наблюдения за дисциплиной в Церкви;

(d.) Отправка покровов митрополитам.

Эти митрополиты, неизвестные в более ранней истории испанской церкви, постепенно получили признание благодаря папской практике направлять письма главным епископам страны. Вследствие этого они были облечены определенными важными полномочиями, такими как созыв провинциальных советов; посвящение в сан суфражисток; проведение церковных судов и наблюдение за поведением епископов.^[1]

Но хотя определенная власть над испанской церковью *была* таким образом передана папе, все же из-за независимого духа испанских королей и духовенства он довольствовался весьма щадящим использованием своей власти. В двух пунктах, в особенности, притязаниям папы было оказано упорное сопротивление.

(a.) Покупка разрешений у Рима была категорически запрещена.

(б.) Папская непогрешимость никоим образом не признавалась догмой. Так, прелаты Испании на пятнадцатом и шестнадцатом соборах в Толедо защищали ортодоксальность своего собрата-епископа Юлиана от критики тогдашнего папы Бендикта II.; а преемник Бенедикта Иоанн V. признал, что они были правы.^[2]

Этот дух противостояния верховенству папы, как мы видим, до последнего проявлялся испанскими королями, и есть некоторые основания полагать, что в тот самый год сарацинского нашествия король Витиза созвал синод, который категорически запретил обращаться к Риму.^[3] Один автор даже заходит так далеко, что утверждает, что готский король и его духовенство были в разногласиях с папой римским, последний поощрял вторжение сарацин.^[4]

^[1] Масдеу, xi. стр. 167 и далее, цитируется доктором Данхэмом.

^[2] Данхэм, i. стр. 197.

^[3] Смотрите "Церковь в средние века" Хардвика, стр. 42. Он цитирует Гизелара: "Гл. История", iii-132.

^[4] Дж.С. Семлер, цитируется Мосхаймом, ii. 120, примечание.

Как бы то ни было, и это, безусловно, выглядит крайне маловероятным, вторжение не очень помогло папе прямо, хотя и косвенно, и, как показали события, арабское господство, несомненно, было главной причиной окончательного подчинения Испании папскому игу, что произошло следующим образом: —Христианская церковь на Севере, хотя и свободная, но находящаяся в положении большой опасности и слабости, естественно, обратилась за помощью к своим ближайшим христианским соседям, франкам. Но эгоистичная и амбициозная

политика последних, которые предпочитали расширять свое светское владычество борьбе в качестве поборников христианства в защиту других, естественно, вынудила испанских христиан обратиться к единственному христианскому правителю, который мог оказать им хотя бы моральную помощь; и папы не замедлили воспользоваться предоставленной таким образом возможностью для установления своей власти в новой провинции. Именно благодаря вмешательству пап война против арабов приобрела характер крестового похода, формы ведения войны, которая несла с собой преимущество в пополнении казны римских епископов. С помощью индульгенций, дарующих освобождение от чистилища по 200 мараведи за голову, папа собрал за четыре года сумму в четыре миллиона мараведи.^[1]

Первый важный случай, когда о вмешательстве папы попросили и добились его получения, произошел в 808 году, когда после чудесного обнаружения тела святого Иакова Альфонсо написал папе римскому с просьбой разрешить перенести кафедру Иры Флавии (Падрона) в новую церковь Святого Лаго,^[2] построена на месте, где были найдены мощи. Рождение новой Испанской церкви датируется этим событием, которое имело зловещее значение для будущей независимости Церкви в этой стране. Какими стали притязания Рима за четверть века до этой эпохи, мы можем видеть из спора, возникшего между Клавдием, епископом Турина, и папской партией. Клавдий сам был испанцем и учеником знаменитого Феликса, епископа Уржельского, одного из авторов адопционистской ереси. Среди других доктрин, неприятных так называемой католической партии, Клавдий решительно сопротивлялся притязаниям папы на звание главы христианского мира, обосновывая свое несогласие, насколько мы можем судить из того, что осталось нам из его сочинений,^[3] во-первых, Христос *не* сказал Петру: "Что ты теряешь?" на небесах, будут освобождены на земле"; подразумевая под этим, что власть, данная Петру, должна была осуществляться только при его жизни; во—вторых, в ответ на предполагаемую эффективность паломничества в Рим Клавдий возражает своему обвинителю, Теодомиру, настоятелю монастыря близ Нима: "Если исполнение епитимьи, чтобы быть эффективным, предполагает поездку в Рим, почему вы держите так много монахов в своем монастыре и препятствуете им отправиться — как, по вашим словам, необходимо — в сам Рим?" Что касается самого путешествия, Клавдий сказал, что он ни одобряет, ни не одобряет его, зная, что оно не наносит ущерба всем и не полезно для всех: но в этом он был уверен, что вечную жизнь нельзя обрести простым путешествием в Рим; в-третьих, что касается того, что папа является *Dominicus Apostolicus*, как называли его сторонники, апостольский, говорит Клавдий, это титул, который принадлежит не тому, "кто занимает кафедру апостола, но кто выполняет его обязанности".

^[1] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 64, н.

^[2] Ромей, "История. д'Эспаньол", iii. 420.

^[3] Иона Орлеанский, III., апуд Минье, том гражданский, стр. 375 и далее. Флери, ст. 398.

Будучи вызванным предстать перед собором, епископ проявил упрямство и отказался идти, назвав предлагаемое собрание собранием ослов. Несмотря на свою независимость духа, Клавдий оставался епископом Турина до своей смерти в 839 году.

Поскольку власть папы была однажды признана в Испании, сфера его вмешательства быстро расширилась, и вскоре мы обнаруживаем, что король не может даже созвать собор епископов без папской буллы. Это стало устоявшейся практикой.^[1] В десятом веке Бермудо II (982-999),

подтверждая законы готов, воспользовался возможностью сделать каноны и указы папы обязательными для исполнения в светских делах.[2]

Между тем, еще до того, как свободные христиане Севера установили свою независимость, слабость христианской церкви под арабским господством, казалось, предоставляла хорошую возможность добиться от них признания власти папы римского. Соответственно, мы обнаруживаем, что ближе к концу VIII века к папе было обращено обращение с просьбой вынести авторитетное решение в отношении того, что апеллянты сочли определенными нарушениями, нашедшими отражение в практике тех христиан, которые находились под арабским игом. Папа Адриан с готовностью взялся определить, что соответствует христианству, а что нет. В письме, адресованном епископам Испании, он критикует следующие ошибки, поддерживаемые неким Мигетием и Эгилей, епископом Эльвиры, и вследствие этого иногда называемые ошибками Мигетиана:

(а) неправильное празднование Пасхи. Это уже было замечено и осуждено Петром, диаконом из Толедо, в письме к жителям Севильи (750 г.).[3] Ошибка была не такой, как у Квартодецимани, но, по-видимому, заключалась в переносе Пасхи на двадцать второй день, если полнолуние выпадало 14-го, а следующий день был воскресеньем. Довольно любопытно, что именно этого заблуждения придерживалась сама Латинская церковь вплоть до VI века.[4] Папе римскому не удалось устранить ошибку. Еще в 891 году в Андалусии было достаточно распространено правило относить дату битвы, произошедшей на Пасху того года, к 278 году Хиджры, который начался только 15 апреля, тогда как, если бы Пасха отмечалась в соответствии с обычаями латинской церкви, пасхальный праздник был бы уже пройден.[5]

(б.) Употребление в пищу свинины и всего, что было задушено.[6] В отношении этих невинных блюд папа заходит так далеко, что угрожает анафемой тем, кто не воздержится от них. Любопытно обнаружить, что христианская церковь поддерживает употребление в пищу свинины, когда вступает в контакт с мусульманами, и запрещает это в других местах.

(с.) Смешанные браки с евреями и мусульманами, ставшие очень распространенными, осуждаются и запрещаются.[7]

(д.) Папа предостерегает испанскую церковь от посвящения священников без должной подготовки и говорит так, как будто существует множество лжесвященников, волков в овечьих шкурах, сеющих хаос в стаде.

(е.) Один сомнительный авторитет,[8] который сообщает нам, что Адриан приказал Чихиле, епископу Толедо, провести собор и осудить Эгилу за то, что он не постился по воскресеньям, согласно указам предыдущих пап.

[1] "Хроника. Sil., с. 13, который говорит, что в 1109 году легат находился в Испании, проводя совет в Леоне. "Chron. Сампири" (Флорес, xiv.), с. 6 (более позднее дополнение), говорится, что в 869 году Альфонсо IV. послал Севера и Сидерика, попросив разрешения у папы Иоанна VIII. провести собор и освятить церковь. Ср. Мариана, vii. 8.

[2] Мариана, viii. 6.

[3] Isid. ПСК, с. 77. См. Migne, том. xcvi. стр. 339, 376, 451.

[4] См. Виктора Аквитана, цитируемого Норисом "de Paschali Latinorum Cyclo". (iii. 786), apud Migne.

[5] Dozy, ii. стр. 355, примечание.

[6] Флорес, "Особенно. Сагр.," v. 514: Флери, ii. 235.

[7] Письмо Адриана испанским епископам.

[8] Псевдо-Лютитпранд, с. 236—"Ex mandatis litterisque Adriani papae contra Egilanum ... nolentem Dei Sabbate a carnibus abstinere" (776 A.D.).

Но хотя в Испании была сильная партия, поддерживавшая притязания папы, тем не менее многие представители духовенства и мирян, возглавляемые достопочтенным Элипандусом, епископом Толедо (782-810), смело сопротивлялись посягательствам римского епископа. Сам Элипанд, как примас всей Испании, написал Мигетию, осуждая его за определенные ереси, и хвастается тем, что полностью опроверг его и заставил замолчать;^[1] но в то же время Элипанд продемонстрировал свою независимость от римского понтифика, охарактеризовав тех, кто воздерживался от свинины и всего, что было задушено, как глупых и невежественных людей; хотя Мигетий в этом вопросе был в полном согласии с папой римским,^[2] и мог обосновать свои взгляды ссылкой на решение Иерусалимской церкви в первые дни христианства.^[3]

Другой доктриной, с которой боролся Элипандус, была доктрина, не соответствующая Писанию, согласно которой запрещено есть с неверующими или даже принимать пищу, к которой они прикасались. Ему было легко цитировать такие тексты, как: "Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что исходит изо рта, оскверняет человека".^[4] или "для чистого все чисто";^[5] и указать, что Христос ел с мытарями и грешниками.

Но предположение, на которое Элипанд, как и его соотечественник Клавдий Туринский, позже особенно напал, заключалось в том, что Римский престол рассматривался как единственный, составляющий Католическую церковь и власть Бога.^[6] Это он очень правильно называет ересью; и с негодованием отрицает, что слова Христа "Ты - Петр" и т.д. применимы только к Римской Церкви, утверждая, что они были сказаны обо всей Церкви. "Как, - добавляет он, - Римская церковь может быть, как вы говорите, самой силой Божьей, незапятнанной, когда мы знаем, что по крайней мере один епископ Рима (Либерий) был заклеен как еретик общим голосом христианского мира".

[1] Эпиланд, Письмо Мигетию. Минье, xcvi. стр. 859. См. Neander, v. 216 и далее. н. Энхубер, "Диссертация", с. 29, 33, apud Migne, vol. ci.

[2] Смотрите Письмо Адриана Эгиле.

[3] Деяния xv. 19, 29. См., однако, Послание. к Тимофею, i. 3.

[4] Св. Матф. xv. 11.

[5] Тит i. 15.

[6] Смотрите также письмо Алкуину и ответ Феликса на первую книгу Алкуина, где он излагает нам свою идею о *католической* церкви, основанной на Господе нашем Христе (а не на папе римском), ... которая может даже состоять из нескольких членов. Неандер, ст. 230.

Если бы арабское господство охватило всю Испанию и продолжало устанавливаться над ней, Испания никогда не смогла бы стать страной, где правят священники, какой она является сейчас; но постепенное продвижение христианского оружия на Север привело к тому, что оно становилось все более и более подчиненным папе.

По мере того, как короли Кастилии и Леона постепенно отвоевывали у арабов города и провинции, наблюдалось некоторое различие между религиозными обычаями недавно освобожденных христиан и тех, кто их освободил. Это было особенно очевидно в староготической литургии, которой музарабские христиане пользовались все это время и продолжают пользоваться до сих пор, в то время как христиане Леона и Астурии импортировали более новую редакцию из Рима.

Слухи об этих расхождениях в религиозных ритуалах достигли Рима, и, соответственно, легат,^[1] по имени Занкл, был отправлен в Испанию в 925 году от Иоанна X. для расследования вопросов религии, и особенно церемонии мессы, поскольку в Риме распространено мнение, что месса была неправильно исполнена в соответствии с готской литургией, и что преподавались ложные доктрины. Однако Занклус обнаружил, что расхождение не было достаточно широким, чтобы оправдать отмену древнего ритуала. Возможно, власть Римской церкви не была установлена настолько прочно, чтобы допустить вмешательство, столь неприятное для древней церкви. Она была довольна, что дождалась своего часа; ибо такому постоянному свидетелю примитивного использования^[2] Церкви против нововведений Римского престола нельзя было долго позволять продолжаться. Соответственно, мы обнаруживаем, что очень скоро после падения Толедо в 1085 году вопрос о староготической литургии снова встал на обсуждение. Готские и римские книги были подвергнуты, по абсурдной моде того времени, двум испытаниям — водой и огнем; но, несмотря на то, что готская литургия, благодаря своей большей прочности и более прочному переплету, противостояла обоим этим элементам несравненно лучше, чем ее младший соперник, и поэтому, если бы испытание к чему-то привело, его следовало бы признать победоносным, старая местная литургия была частично запрещена по приказу папы римского и с согласия испанского короля Альфонсо VI. из Леона,^[3] и Санчо IV. из Арагона. Тем не менее, музарабские христиане не хотели отказываться от своей обычной литургии, и она использовалась в нескольких церквях Толедо до конца пятнадцатого века.

^[1] Мариана, vi. 9. Псевдолюб. называет легату имя Маринус и говорит, что он был послан в 932 году Базилиусу, епископу Толедскому.

^[2] Ср. чудовищный способ, которым португальские католики под предводительством дона Алексиса де Менезеса уничтожили священные книги и памятники древней Сирийской церкви на Малабарском побережье в Индии.

^[3] И я из Кастилии.

Но вмешательство папы римского не ограничивалось вопросами, касающимися испанской церкви в целом, его тяжелая рука обрушилась на самого короля, а в конце XII века и на Альфонсо IX. и на все его королевство был наложен интердикт Целестина III. потому что он женился в запрещенных пределах и отказался развестись со своей женой по приказу папы римского. В конце концов он действительно развелся с ней, но только для того, чтобы повторить то же преступление со второй женой, Беренгарией, и понести такое же наказание от руки Иннокентия III. Посягательства на королевскую власть продолжались быстрыми темпами, и постепенно

королевские суды стали передавать апелляции в Рим, и папа взял на себя ответственность назначать бенефиций и епископства; узурпация, которую одобрял Альфонсо X. (1252-1284).^[1] Но этот результат не был достигнут без возражений со стороны Кортесов, и, наконец, при Фердинанде и Изабелле вопрос привел к открытому разрыву между испанским двором и правящим папой Сикстом IV. Изабелла, хотя и была так готова подчиниться в вопросах личной религии папе и его легатам, отказалась, подобно своей более поздней тезке в Англии, ни на йоту не уступать своим церковным правам; и папе пришлось уступить, удовлетворившись бесплодной властью назначать тех, кого выдвигали правители страны. Но если суверен ревностно относился к своим правам, то не меньше ревновали и их бароны, и когда в войне баронов с Генрихом IV (1454-1474) папский легат перетянул свое влияние на сторону короля и отлучил мятежных баронов от церкви, они твердо ответили, что "те, кто советовал папе, что он имеет право вмешиваться в мирские дела Кастилии, обманули его; и что они, бароны королевства, имели полное право свергнуть своего суверена на достаточных основаниях и намеревались это сделать". воспользуйся этим."^[2]

Такой же независимый дух проявился и в Арагоне. В 1213 году Педро II. погиб, сражаясь против папского гонителя альбигойцев, и вплоть до времен Карла V. принцы Арагона открыто враждовали с Римским престолом,^[3] и арагонцы яростно сопротивлялись установлению инквизиции.^[4]

^[1] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 15.

^[2] Прескотт, стр. 72. Ср. хартия Арагона, согласно которой король, если он нарушил хартию королевства, может быть свергнут, а на его место может быть поставлен любой другой язычник или христианин. Там же, стр. 23.

^[3] Локхарт, Введение в испанские баллады, стр. 9. (Классика Чандоса.)

^[4] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 26, н.

Это роковое орудие религиозного фанатизма, причина большего количества незаслуженных страданий и несмешанного зла, чем любое другое, созданное человеком, благодаря которому через огонь прошло больше невинных людей, чем, возможно, когда-либо было принесено в жертву на алтаре Молоха, впервые было приведено в действие в сентябре 1480 года, во время правления благочестивой и благородно мыслящей Изабеллы.^[1] Праздник Богоявления в следующем году был выбран в качестве подходящей даты для проведения первого аутодафе, когда в Севилье были сожжены шесть евреев; ибо именно против этого несчастного народа было придумано или, по крайней мере, впервые использовано это бесчеловечное преследование. В тот год 2000 человек приняли мученическую смерть, а еще 17 000 человек были подвергнуты наказаниям, которые были лишь меньшим, чем сама смерть. За время правления Томаса Торквемады, которое длилось восемнадцать лет, на костре погибло более 10 000 человек, почти 100 000 были, как говорится, примирены.^[2] Конфискация имущества, сопровождавшая все эти сожжения и заключения в тюрьмы, принесла огромные суммы в казну инквизиторов.

Евреи были сожжены, обращены в христианство или изгнаны из страны, инквизиция была обращена против несчастных мориско, как называли мавров при христианском правительстве, которые подвергались угнетению и преследованиям так же, как евреи, и в конце концов были изгнаны из Испании.

Но более важным завоеванием, чем это, — более важным, то есть для господства Римского престола, — было несомненное завоевание, достигнутое инквизицией над реформаторскими доктринами, которые в шестнадцатом веке начали проникать в Испанию из Германии и Англии. Найдя благоприятную почву, реформация начала распространяться в Испании с поразительной быстротой. Богословы, посланные Карлом V в Англию, сами были обращены и вернулись, полные рвения к протестантской вере — "Их успех", - говорит Геддес,[3] "был таков, что, если бы безжалостная инквизиция не положила быструю и полную остановку их благочестивым трудам, все королевство Испания, по всей вероятности, было обращено в протестантскую религию, за меньшие времена, какого никогда не было в любой другой стране".[4] Так неправдиво говорить, что преследование всегда не достигает своей цели! В Испании это укрепило оковы, которые слабость и суеверие прежних королей Леона и Кастилии, вместе с набожностью и неверно направленным энтузиазмом Изабеллы, наложили на гордый и когда-то особенно независимый народ. Погруженная в глубины невежества и идиотизма социального, религиозного и политического, Испания представляет собой печальное, но поучительное зрелище для народов.

[1] инквизиционный кодекс был составлен в 1233 году и введен в Испании в 1242 году. Прескотт.

[2] Прескотт, Ферд. и Изабелла", стр. 146.

[3] Ошибка. Тракаты. Предисловие к "Испанским мученикам", стр. 1, последующие.

[4] Геддес в предисловии к "Испанским мученикам", стр. 3, 4, цитирует автора-романиста, который говорит: "число обращенных было настолько велико, что если бы остановка, положенная этому злу, была отложена еще на два-три месяца, я убежден, что они предали бы огню всю Испанию".

СПИСОК ОРГАНОВ, С КОТОРЫМИ ПРОВОДИЛИСЬ КОНСУЛЬТАЦИИ.

I. ПОДЛИННЫЕ ИСТОЧНИКИ:—

A. Араб (в переводах):

(1.) *Ibn abd el Hakem*. "История завоевания Испании". с примечаниями доктора философии Дж.Х. Джонса, 1858. Эта работа дошла только до 743 года.

(2.) *J.A. Conde*. "История господства арабов в Испании", перевод с испанского миссис Фостер. 3 тома. Бон, 1854. Автор (Предисловие, стр. 2) говорит, что "он составил свою работу на основе арабских памятников и письменных источников таким образом, что эти документы могут быть прочитаны так, как они были написаны"; (стр. 18), "Изучающий историю может прочитать эту книгу так, как она написана арабским автором".

Писатели старшего поколения очень высоко отзывались об этом произведении, но их современные преемники не могут найти для него подходящего слова.[1] Де Гаянгос, ученый переводчик арабской истории Аль-Маккари, хотя и не закрывал глаза на "неметодическое расположение всей работы, отсутствие примечаний и цитат авторитетных источников, а также

многочисленные ошибки и противоречия", [2] тем не менее, он без колебаний называет книгу Конде основой всех наших знаний об истории мусульманской Испании. Безусловно, удивительно, что Конде, указывающий на [3] на ошибки своих предшественников, сам совершает точно такие же ошибки, и не один раз, а постоянно. Утверждая, что он превыше всего верен своим властям, он оказывается неверующим там, где эти власти могут быть идентифицированы.

[1] Стэнли Лейн-Пул, Предисловие к "Маврам в Испании" (1887). Дози, Предисловие к "Мусульманам в Испании", стр. 6: "Конде ... qui manquait absolument de sens historique."

[2] Что касается этого, он мог бы сослаться на оправдание Аль Маккари, что при расшифровке или извлечении отчетов разных историков некоторые факты наверняка повторяются, а другие полностью противоречат. См. Аль-Макк., i. стр. 29.

[3] Предисловие, стр. 13 и далее.

(3.) Дж.К. Мерфи. "История магометанской империи в Испании" с дополнениями профессора Шекспира, 1816. Эта работа основана на мусульманских источниках, а именно на тех, которые в основном можно найти в сборнике Аль Маккари. Заключительные главы, посвященные научному и литературному влиянию арабов в Европе, являются исчерпывающими и интересными.

(4.) Ахмед ибн Мухаммед Аль-Маккари. "История мусульманских династий в Испании", являющаяся выдержкой из более крупного труда этого автора, переведенного Паскуалем де Гаянгосом. 2 тома. Лондон, 1840. Эта работа, к которой Дози придирается за определенные неточности, в целом заслуживает доверия, а ее заметки представляют собой прекрасный кладезь информации для студента, беспомощно блуждающего в лабиринтах арабской истории. Аль Маккари, уроженец Африки, процветал в начале семнадцатого века; но он цитирует многих старых арабских писателей, свидетельства которых наиболее ценны. Среди них —

а. Абу Бекр Мухаммед ибн Омар, Ибн аль-Куттия, потомок внучки Витизы; умер в 877 году.

б. Ахмед ибн Мохаммед ибн Муса Арразипроцветал в правление Абдуррахмана III.

в. Ибн Галиб Темам ибн Галибиз Кордовы; умер в 1044 году.

г. Абу Мухаммед Али ибн Ахмед ибн Саид ибн Хазм, родился в Кордове в 994 году; умер в 1064 году.

д. Абу Мерван Хайян ибн Халф ибн Хусейн ибн Хайян, родился в Кордове в 1006 году.

е. Абуль Касим Халф ибн Абдильмалик ибн Месуд ибн Муса Аль Ансари, Кордова, 1101-1183.

ж. Абуль хасан Али ибн Муса ибн Мухаммед ибн Абдалмалик ибн Саид гранадский, 1214-1286.

з. Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммед ибн Халдун. Ишбили, родился в Тунисе в 1332 году; умер в 1406 году.

Б. Кристиан (на латыни). Их можно найти в—

(1.) "Иллюстрированная Испания" Шотта, 3 тома. Франкфурт, 1603 год.

(2.) *Флорес*, "Храм Испании", 26 томов., содержащий наиболее полезную коллекцию испанских писателей вместе с большим количеством информации о них, написанной на испанском.

(3.) "*Патрология*" Миня на латыни и греческом, бесценнейшее собрание в нескольких десятках томов. Ниже приведен список тех, с кем были проведены консультации:—

Минье, хсѵі, стр.1246-1280.

(а.) *Исидор Бежский*, "Воплощение императора великих арабских эфемерид в испанской хронографии", являющееся продолжением Хроники Исидора Севильского.

Там же., сxxix. стр. 1111-1124.

(β.) *Chronicon Sebastiani*, "Salmanticensis Episcopi," 866. (Конде, Предисловие, стр. 7, написано 672-886.)

Там же. 1146.

(γ.) Хроника *Альбельденса*, 866-976. (Конде, *там же.*, относится к 973 году.) Это также называется *Chronicon Emilianense*. Возможно, она была начата Дульцидием, епископом Саламанки, и продолжена монахом Вигилой.

Флорес, "Особенно. Сагр.", xiv. 438-457.

(δ.) Хроника *Сампири* "Asturicensis Episcopi" (написана около 1000 г.), 869-9С2.

Там же., стр. 466-475.

(ε.) *Chronicon regum Legionensium*, 982-1109, Пелагия, епископа Овьедо — весьма сомнительного авторитета, заклеяменного эпитетом "баснописец".

Ibid., xvii. 270-330.

(ζ.) Хроника *молчания* Монахи, написанная около 1100 года.

Schott, iv. 1-116.

(η.) *Лука Туйский*, "Хроника мира", написанная около 1236 года.

Там же., i. 246-291.

(θ.) *Альфонсо*, епископ Бургоса, "Повторный испанский анацефалиоз" и т.д.

Migne, cxxxvi. стр. 770-1179

(яп.) *Лутпранд*, умер в 972 году. Хроникон и Адверсария, приписываемые ему, написаны более поздней рукой и охватывают 606-960 годы. Их автора обычно называют Псевдо-Лютпрандом, и его заявлениям можно приписать очень мало заслуг.

Шотт, "Исп. Иллюстрация", i. стр. 121-246

(к.) *Родриго*, архиепископ Толедский, "История арабов из христианских и арабских источников, доведенная до 1140 года". Он умер в 1245 году. Работа полна неуместных ссылок на Священное Писание и мирскую историю. Он даже не упоминает христианские мученичества в девятом веке.

Флорес, х. 570-579.

(л.) *Анналы Бертиниани* с французской точки зрения.

Шотт, і. 700 и далее

(μ.) *Johannes Vasaеus*, "Hispaniae Chronicon."

Вышеперечисленных авторов нельзя рассматривать как равноценных. Некоторые из них ценны, но все они крайне скудны; другие почти ничего не стоят.

Там есть и другие авторитеты иного рода — не историки, а писатели на второстепенные темы, чьи работы проливают яркий свет на историю того времени. Среди них —

Migne, хсvі.

(а.) *Элипандус*, епископ Толедский; умер в 810 году. Буквы—

стр. 859-867.

Мигетию.

стр. 867-869

карлу Великому.

стр. 870-882.

Альбину (Алкуину).

стр. 918,919

Фиделису, аббату (783).

Минье, хсvі. стр. 882-888.

(б.) *Феликс*, епископ Уржельский; умер в 816 году. *Confessio fidei* (799).

" 894-1030.

(с.) *Беатус*, жрец Либаны (или Асторги). Письмо Элипанду.

Там же., сі. 1321-1331.

(г.) *Письма испанских епископов* епископам Галлии.

Там же., с. и сі.

(е.) *Alcuin*. Буквы—

Ad Felicem haereticum (793).

Ad Elipandum.

Ad Carolum Magnum (800), отправляющий свою работу против Феликса.

Послание XC. (800),

Послание CXIII. (800).

Ad Aquilam Pontificem (800).

Книги—

Adversus Felicis haeresin ad abbates et monachos.

Готическая госпожа (libellus), vii. Книги.

Adversus Elipandum, IV. книги.

Epistola ad Leidradum et Nefridium Episcopum.

Altera ad eosdem.

Там же., xcvi. стр. 373.

(ф.) *Адриан*, папа римский.

Epistola Episcopis per universam Spaniam commorantibus directa, maxime tamen Elipando, vel Ascarico (785).

Там же., стр. 336.

Ad Egilam Episcopum (in Spania) seu Johannem presbyterum (782).

Ad Carolum Magnum. Послание lxiv.

Флорес, xiii. 416.

(г.) Письмо *Луи Дебоннера* христианам Мерида (826).

Migne, схv. 703-966.

(ч.) *Евлогий*, священник Кордовы и назначенный епископ Толедо. Умер в 859 году.

Письмо Альвару, отправляющее его книгу.

"Documentum Martyrii", посвященный Флоре и Марии, Девственницам и мученицам, октябрь 851 года.

Письмо Альвару: еще одно письмо тому же, отправляющее "Memorialis Sanctorum Liber", 3 книги.

"Liber Apologeticus Martyrum" (857).

"De Vita et Passione SS. Virginum Florae et Mariae."

Флорес, "Особенно. Саагр.", xi.

(i.) *Альвар*, Паулюс, [1] из Кордовы, и, согласно его письмам, оба еврея по происхождению и готы по происхождению. Умер в 869 году, согласно Псевдо-Луитпранду.

[1] Говорит Питер Робертсон.

стр. 62-81.

Исповедь.

" 81-88.

Письмо иоанну Севильскому,

" 88-91.

К тому же.

" 101-129.

Иоанну Севильскому.

" 129-141.

К тому же.

Флорес, "Особенно. Сагр.", xi. стр. 147, 148.

К Сперандео.

" 151-156.

Роману, врачу (860).

" 164-165.

Саулу Кордовскому.

" 167-171.

К тому же.

" 171-177.

Елеазару, преступнику.

" 178-189.

К тому же.

" 189-217.

К тому же.

" 218-219.

К тому же.

" 291-292.

Евлогию.

" 296-299.

Евлогию.

Там же., х. 593 и далее.

Жизнь Евлогия.

Там же., xi. 219-275.[\[1\]](#)

Indiculus Luminosus, so called because "Luminasse quae sequenda sunt docet, et apertis indiciis hostem ecclesiae, quem omnis vitare Christianitas debet, ostendit."

[\[1\]](#) Приписывается Луитпрандом, с. 309, Бонитусу, епископу Толедскому. Моралес сомневается в авторстве Альвара, поскольку там нет упоминания о Евлогии; но см. Раздел 19, где *говорится о пресуле*.

(к.) *Иоанн Севильский*.

Флорес, xi. стр. 91-101.

Письмо Альвару.

Там же., 142-147.

К тому же.

(л.) *Сперандео*, аббат, процветал в 820 году.

Там же., 148-151.

Письмо Альвару (853).

(м.) *Саул* из Кордовы.

Там же., xi. стр. 156-164.

Письмо другим епископам.

" 165-167.

К тому же.

(н.) *Елеазар*, отступник от иудаизма.

" 177-178.

Письмо Альвару.

" 189, 190.

К тому же.

" 217, 218.

К тому же.

Migne, cxxi. p. 565.

(o.) *Леовигильд*, священник Кордовы, процветал в 860 году. "De habitu Clericorum."

Там же., стр. 567.

(p.) *Киприан*, архиепископ Кордовы. "Epigrammata."

(q.) *Самсон*, священник церкви Святого Зоила в Кордове, настоятель монастыря Пегнамеллар, умер в 890 году. (См. Эпиграмму или эпитафию Киприану.) "Apologeticus Liber contra perfidos" (Jan. 1, 863).

Флорес, xi. 300-516.

(r.) *Jonas Aurelianensis*. "О культуре воображения". Ответ Клавдию, епископу Турина (842).

Минье, схv. стр. 939 и далее.

(s.) *De Translatione SS. Martyrum Georgii Monachi, Aurelii et Nathaliae ex urbe Cordubae Parisios auctore Aimoino monacho: from Usuard and Odilard, monks.*

Там же., cxxxvii. стр. 239-310.

(t.) *Житие Иоанна Аббатиса Горциенсиса* (умер в 973 году), Иоанна, аббата Святого Арнульфа.

Там же., clxxxviii. стр. 1661-1671.

(u.) *Иоанн Киритский*, аббат Тарауки в Испании.

Флорес, XVIII. 379 и далее.

(v.) *Житие святого Рудезинда*.

Флорес, xiv., 392.

(w.) *Passio St Nicholai Alsamae regis filii et sociorum martyrum qui passi sunt apud Ledesmam*. Просто сказочный рассказ.

Флорес.

(x.) *Vita et passio B. Virginis Argenteae et comitum eius qui passi sunt Cordobae, Id. Maii*.

Migne, xcvi. 890-894

(г.) *Жизнь Блаженного*, написанная анонимным автором. Не очень заслуживает доверия, — например,, смерть Элипанда относится к 798 году (раздел 8): упоминается мифический совет (раздел 7).

И следующие *Уставы* т.д.:—

Флорес, xvii. 244.

Альфонсо III. Церкви Аурии, 826 год.

Ibid., xviii. 312.

О том же церкви Миндумнетума, 867 год.

Ibid., xvii. 397.

Бермудо II. (982-999) церкви Компостеллы.

Ibid., xvii. 326

Assembly of Bishops pro restauratione monasterii St Mariae de Logio a parentibus Rudesindi instaurati, 927.

II. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ:—

Schott.

(1.) "Histoire generale d'Espagne" par Loys de Mayerne Turguet. Книга XVI. (1608.)

(2.) Джон де Мариана.^[1] "История Испании". Книги vi-xi, переведенные с испанского Джоном Стивенсом. (1699.)

^[1] Доктор Данэм говорит о своей работе: "Хорошо, что она предана забвению. В Испании ее никто не читает".

(3.) Флери, "История церкви", перевод с французского. (1727.) Том v. Книги xli. последующие.

Минье, схv. стр. 917.

(4.) Моралес. "Замечания о состоянии христианской религии при арабах в Кордове".

Там же., 305-336.

(5.) Фробен. "Dissertatio Historica de haeresi Elipandi et Felicis."

Там же., 338-438.

(6.) "Диссертация Энхюбера против взгляда Вальхиуса на адопционизм".

(7.) Данхэм. "История Испании и Португалии" (Ларднер), 1832. Бакл, "Цивилизация в Англии", стр. 430, весьма экстравагантно говорит об этой истории, что это "возможно, лучшая история на английском языке современной зарубежной страны". У него, безусловно, есть достоинство — немалое в столь запутанный период — в том, что он ясен и лаконичен; но у него предубеждение против мавров.

(8.) У.Х. Прескотт. "Фердинанд и Изабелла". Превосходная работа. Части, имеющие отношение главным образом к данной теме, - это Введение и глава viii. Большим недостатком работы является отсутствие прямых ссылок на используемые авторитетные источники.

- (9.) *"История христианской церкви в средние века"* Хардвика, 1853.
- (10.) Аббат *Рорбахер*. "Histoire Universelle de l'Eglise Catholique." Париж, 1844. Тома. xi., xii., xiii.
- (11.) *Неандерталец*. "Всеобщая история христианской религии и церкви" (перевод Бона). Т. v. с. 218-233, 461-475; т. vi. 119-132.
- (12.) "Histoire d'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes," par *M. Cardonne*. 3 тома., 1765. История, основанная в основном на арабских писателях, но не очень заслуживающая доверия, как показали Конде (Предисловие, стр. 14) и Мерфи (примечания, passim).
- (13.) *Сонный*. "Histoire des Mussulmans d'Espagne jusqu' à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides, 711-1110." 4 vols., Leyden, 1861. Бесценная история того времени, ясная и обстоятельная.
- (14.) *Э.А. Фримен*. "История и завоевания сарацин". Шесть лекций (изд. 1870). Испанские дела рассматриваются скорее как *пáреруов* в лекции v. Непредвзятый и точный писатель, однако с сильным предубеждением против рыцарства (см. Лекцию v., стр. 182).
- (15.) *Окли*. "История сарацинской империи" (Переиздание в "Классике Чандоса").
- (16.) *Гиббон*. Части, относящиеся к сарацинам, удобно перепечатаны в "Классике Чандоса".
- (17.) *"История христианской церкви"* Робертсона. Том iii.
- (18.) *"Латинское христианство"* Мильмана. Вк. ix.
- (19.) *Стэнли*. "Лекции о Восточной церкви". Лекция. viii.
- (20.) *"Средние века"* Халлама. Том iii. (Рыцарство).
- (21.) *Геддес*. Изгнание Мориско в его разных трактатах. 1730. Также Рассказ о рукописи и реликвиях, найденных в Гранаде в 1588 году; и Представление о Суде инквизиции в Португалии.
- (22.) *Lesky's* "Расцвет и влияние рационализма в Европе". 2 тома.,
- (23.) *Бакл*. "История цивилизации в Англии", глава. viii. "Испанский интеллект с пятого по девятнадцатый века". Том ii. стр. 425-597.
- (24.) *Карлайл*. "Поклонение героям. Герой как пророк".
- (25.) *К.М. Йонг*. "Христиане и мавры в Испании". Серия "Золотая сокровищница". 1878. Неясный метод и часто неточный в фактах. Приведу только один пример из многих — автор говорит (стр. 29), что Али, зять Пророка, взбунтовался и погиб в битве. Хорошо известно (Гиббон, vi. 274, 276), что он не сделал ни того, ни другого.
- (26.) *Р. Босворт Смит*. "Мухаммед и магометанство". 1874. Блестящая, но по сути несправедливая книга, в которой христианство превозносится в теории, но высмеивается на практике. Нам слишком настойчиво напоминают о том, что "Брут - благородный человек". Его собственное обвинение других падает на него самого. На стр. 61 он говорит: "Большинство других авторов подходили к этому предмету только для того, чтобы доказать тезис. Мохаммед

должен был стать либо героем, либо самозванцем: они провели брифинг для обвинения или защиты".

(27.) *С. Лейн-Пул*. "Мавры в Испании". Серия "История народов", 1887 год. Умная и популярная компиляция из переводов Де Гаянгоса Аль Маккари, Дози, "Хроники уголовного розыска" Саути и "Гранады" Вашингтона Ирвинга.

(28.) *Тупой*. "Словарь сект, ересей и философских школ". 1874. Статьи о мусульманстве, адопционистах и других я нашел очень полезными. Однако здесь ничего не сказано о присциллианцах (из Испании) или друзьях.

(29.) *Хьюз*. "Словарь ислама".

(30.) *Коран*. Распродажное издание.

(31.) *Метрополитанская энциклопедия*. Том xi.

(32.) *Британская энциклопедия*. Статья об Аверроэсе.

III. ПОЭЗИЯ:—

(а.) *"Испанские баллады"* Локхарта. 1823. Перепечатано с предисловием в "Классике Чандоса".

(род.) *"Хроника уголовного розыска"* Саути. Перепечатана с Предисловием в "Классике Чандоса". Поистине замечательный перевод.

(с.) *"Родерик"* Саути, со многими интересными примечаниями.

(ум.) *"Дон Родерик"* Скотта.

IV. УПОМИНАЕТСЯ:—

(а.) *Ромеу*. "Histoire D'Espagne." 1839. 4 vols.

(род.) *Рейно*. "Invasion des Sarrasins." 1836.

(с.) *Мошиим*. "Институты церковной истории". Переведено Мердоком. 1845.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "ТЕРНБУЛЛ И СПИРС",

ЭДИНБУРГ.